Зеленая серия

Джим

Корбетт

Наука джунглей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

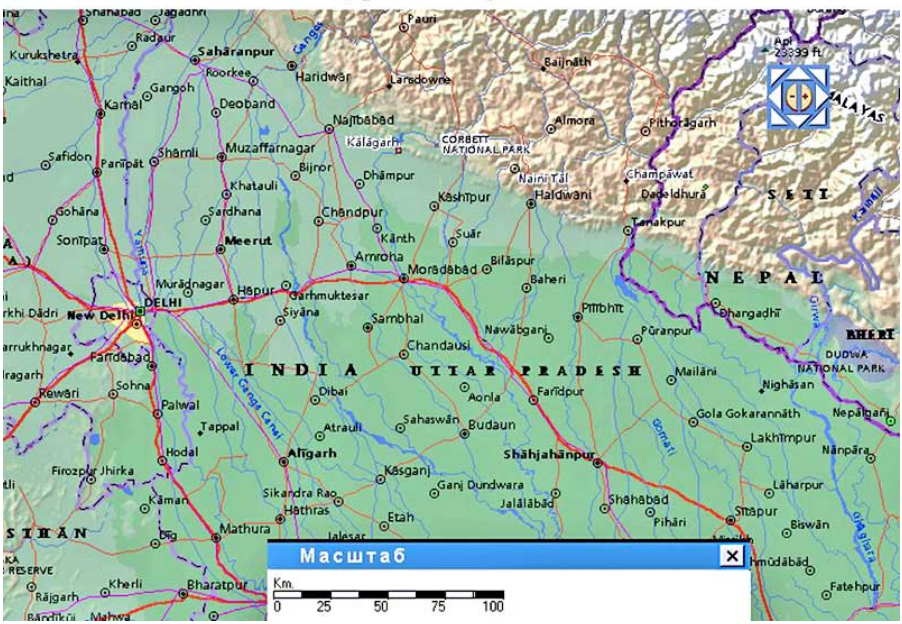
Аннотация Gautier Sans Avoir (*выполнил OCR и корректуру***):**

Пятая книга английского автора Джима Корбетта (1875–1955) в основной части завершает хронику ликвидации людоедов Кумаона (Северная Индия), в том числе Панарского леопарда, убившего много больше людей (четыреста), чем знаменитый леопард из Рудрапраяга. Впечатляет охота на Талладешского людоеда, когда тяжело больной, полуоглохший и полуослепший Корбетт лунной ночью в одиночку выслеживал в джунглях недобитого зверя. В отдельном очерке, стоящем особняком, рассказывается о попытках автора добыть некоего тигра (не людоеда), «пользующегося покровительством» местного храма.

- Джим Корбетт
  - ХРАМОВЫЙ ТИГР
  - ЛЮДОЕД ИЗ МУКТЕСАРА
  - ПАНАРСКИЙ ЛЮДОЕД
  - ЛЮДОЕД ИЗ ЧУКА
  - ТАЛЛАДЕШСКИЙ ЛЮДОЕД
  - Послесловие (1964 г.)
  - КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ
  - ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР
  - Примечания от выполнившего OCR и корректуру
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29

Индия, регион Кумаона



Джим Корбетт
ХРАМОВЫЙ ТИГР

ВМЕСТО ЭПИГРАФОВ

1. «Вскоре тигр протянул вперед лапу, за ней другую, потом очень медленно, не отрывая брюха от земли, подтянулся к добыче. Пролежав несколько минут неподвижно, все еще не спуская с меня глаз, нащупал губами хвост коровы, откусил его, отложил в сторону и начал есть…Винтовка лежала у меня на коленях стволом в ту сторону, где находился тигр, нужно было лишь поднять ее к плечу. Я мог бы это сделать, если бы тигр хоть на миг отвел от меня взгляд. Но он сознавал грозившую ему опасность и, не отрывая от меня глаз, не спеша, но безостановочно ел».

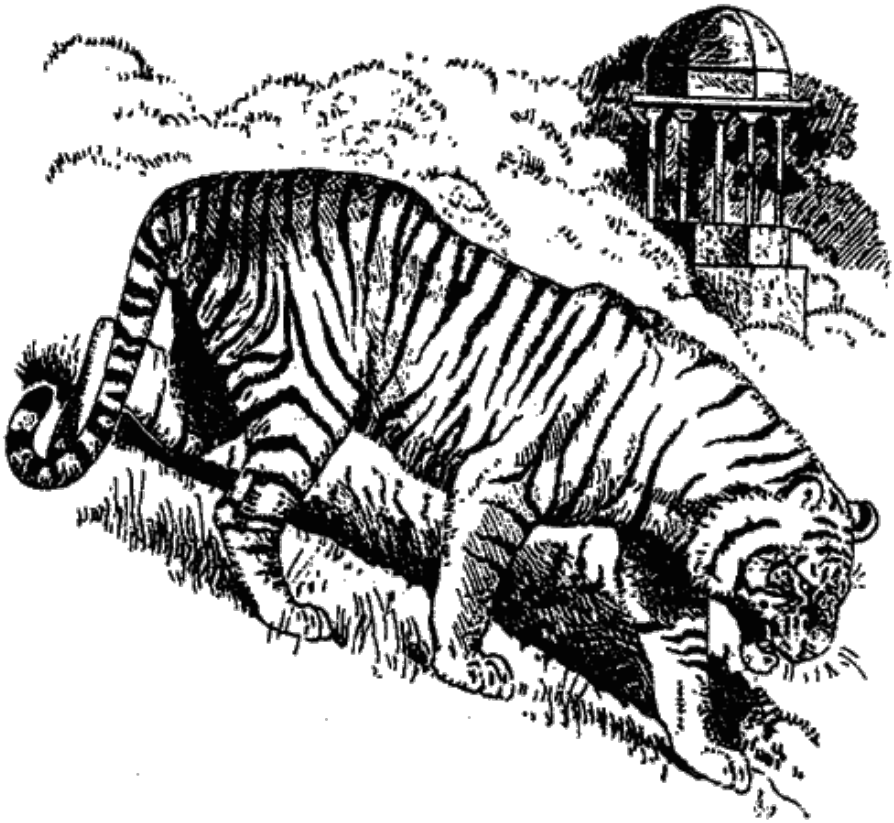
2. «…мимо меня прошла группа из двенадцати европейцев с боевыми винтовками. Через несколько минут за ними проследовали сержант и два солдата с флажками и мишенями для стрельбы. Сержант, добрая душа, сообщил мне, что прошедшие только что люди направляются на полигон и что они держатся вместе из-за людоедов».

3. «Вообще тигры, исключая раненых и людоедов, очень добродушны».

Дж. Корбетт. «Храмовый тигр»

ХРАМОВЫЙ ТИГР

1



Тот, кто никогда не жил в Гималаях, не представляет себе, как велика власть суеверий над людьми в этом малонаселенном районе. Но различного рода верования, исповедуемые образованными жителями долин и предгорий, мало чем отличаются от суеверий простых неграмотных горцев. По существу, разница так невелика, что трудно решить, где кончаются верования и начинаются суеверия. Поэтому я просил бы читателя, если у него возникнет желание посмеяться над простодушием участников события, о котором собираюсь рассказать, повременить и попытаться установить, отличаются ли чем-нибудь описанные мною суеверия от догм религии, в которой он был воспитан.

Итак, после Первой мировой войны Роберт Баллеарс и я охотились во внутренних районах Кумаона.[1] Сентябрьским вечером мы стали лагерем у подножия Трисула,[2] как раз в том месте, где, как нам сообщили, ежегодно духу этой горы приносятся в жертву восемьсот коз. С нами было пятнадцать горцев. Ни разу прежде на охоте мне не приходилось иметь дело с такими жизнерадостными и ревностными в исполнении своих обязанностей людьми. Одного из них, Бала Сингха, гарвальца,[3] я знал в течение ряда лет, он сопровождал меня во многих

экспедициях. Он особенно гордился тем, что во время охоты нес самый тяжелый тюк из моей поклажи и, шагая впереди, подбадривал остальных пением. По вечерам на привалах, прежде чем пойти спать, наши люди всегда пели у костра. В тот первый вечер у подножия Трисула они сидели дольше, чем обычно. До нас доносились пение, удары в ладоши, крики и стук по консервным банкам.

Мы заранее решили остановиться в этом месте, чтобы поохотиться на таров, поэтому были крайне удивлены, когда утром, сев завтракать, увидели, что наши люди готовятся сворачивать лагерь. На просьбу объяснить, в чем дело, они ответили, что этот участок не подходит для лагеря, что здесь сыро, вода непригодна для питья, топливо достать трудно и что, наконец, в двух милях отсюда есть место лучше.

Мой багаж накануне несли шестеро гарвальцев. Я обратил внимание, что сейчас вещи уложены в пять тюков, а Бала Сингх сидит у костра отдельно от всех с накинутым на голову и плечи одеялом. После завтрака я направился к нему. Остальные прекратили работу и с напряженным вниманием стали наблюдать за нами. Бала Сингх видел, что я подхожу, но даже не попытался поздороваться (что было для него необычно) и на все мои вопросы отвечал лишь, что он не болен. В тот день мы проделали двухмильный переход в полном молчании. Бала Сингх замыкал шествие и двигался так, как двигаются лунатики или люди, одурманенные наркотиками.

Происходившее с Бала Сингхом угнетало и остальных четырнадцать человек, они работали без обычного воодушевления, на лицах застыли напряжение и испуг. Пока ставили палатку, в которой мы с Робертом жили, я отвел в сторону своего слугу-гарвальца Моти Сингха — я знал его уже двадцать пять лет — и потребовал, чтобы он рассказал, что случилось с Бала Сингхом. Моти долго уклонялся от ответа, говорил что-то невразумительное, но в конце концов я вытянул из него признание.

— Когда мы вчера вечером сидели возле костра и пели, — сказал Моти Сингх, — дух Трисула вскочил в рот Бала Сингху, и он его проглотил. Все начали кричать и бить в жестянки, чтобы изгнать духа, но это нам не удалось, и теперь уж ничего нельзя поделать.

Бала Сингх сидел в стороне, одеяло по-прежнему покрывало его голову. Он не мог слышать моего разговора с Моти Сингхом, поэтому я подошел к нему и попросил рассказать, что случилось с ним накануне вечером. С минуту Бала Сингх смотрел на меня полными отчаяния глазами, затем безнадежно произнес:

— Бесполезно рассказывать вам, саиб, что случилось вчера вечером: вы не поверите мне.

— Разве я когда-нибудь не верил тебе? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — вы всегда верили мне, но этого вы не поймете.

— Пойму или нет, все равно я хочу, чтобы ты подробно рассказал, что произошло.

После долгой паузы Бала Сингх ответил:

— Хорошо, саиб, я скажу. Вы знаете, что, когда поют наши горские песни, обычно один человек запевает, а все остальные хором подхватывают припев. Так вот, вчера вечером я запел песню, а дух Трисула прыгнул мне в рот и, хотя я старался его вытолкнуть, проскочил через горло в желудок. Костер горел ярко, и все видели, как я боролся с духом; остальные тоже старались прогнать его, кричали и били в банки, но, — добавил он, всхлипнув, — дух не захотел уйти.

— Где дух теперь? — спросил я.

Положив руку на желудок, Бала Сингх убежденно сказал:

— Он здесь, саиб. Я чувствую, как он ворочается.

Роберт весь день обследовал местность к западу от лагеря и убил одного из встретившихся ему таров. После обеда мы сидели до глубокой ночи, обсуждая положение. В течение многих месяцев мы строили планы и жили мечтами об этой охоте. Роберт семь, а я десять дней пешком добирались по трудным дорогам до места охоты, и вот в первый же вечер по прибытии сюда Бала Сингх проглатывает дух Трисула. Не важно, что мы с Робертом думали по этому поводу. Важно было другое — наши люди верили, что дух действительно находится в желудке Бала Сингха, поэтому они в страхе сторонились его. Ясно, что охотиться в таких условиях было невозможно. Поэтому Роберт, правда весьма неохотно, согласился, чтобы я вернулся с Бала Сингхом в Найни-Тал. На следующее утро, уложив вещи, я позавтракал вместе с Робертом и отправился обратно в Найни-Тал. Дорога туда должна была занять десять дней.

Покидая Найни-Тал, тридцатилетний Бала Сингх был жизнерадостным и полным сил человеком. Теперь он возвращался молчаливый, с потухшим взглядом, и его вид говорил о том, что он совершенно утратил интерес к жизни. Мои сестры — одна из них была сотрудницей миссии по оказанию медицинской помощи — делали для него все, что могли. Его навещали друзья, и приезжавшие издалека, и те, что жили поблизости, но он безучастно сидел у дверей своего дома и говорил лишь тогда, когда к нему обращались. По моей просьбе его посетил окружной врач Найни-Тала полковник Кук, человек

большого опыта и близкий друг нашей семьи. После длительного и тщательного осмотра он заявил, что Бала Сингх физически совершенно здоров, а установить причину его очевидной депрессии он не может.

Несколькими днями позже меня осенила идея. В то время в Найни-Тале находился знаменитый индийский врач. Я подумал, что, если удастся уговорить его осмотреть Бала Сингха и лишь потом, рассказав о случившемся, попросить внушить «больному», что в его желудке нет никакого духа, врач сможет помочь беде. Это казалось тем более осуществимым, что доктор не только исповедовал индуизм, но и сам был горцем. Мой расчет не оправдался. Как только врач увидел «больного», он сразу же заподозрил что-то неладное. А когда из ответов на свои хитроумные вопросы узнал от Бала Сингха, что в его желудке находится дух Трисула, поспешно отпрянул от него и, повернувшись ко мне, сказал:

— Весьма сожалею, что вы послали за мной. Я ничего не могу для него сделать.

В Найни-Тале находились два человека из деревни, где жил Бала Сингх. На другой день я послал за ними. Они знали о случившемся, так как несколько раз навещали Бала Сингха, и по моей просьбе согласились отвезти его домой. Я снабдил их деньгами, и на следующее утро все трое отправились в восьмидневный путь. Спустя три недели земляки Бала Сингха вернулись и рассказали мне о том, что произошло.

Бала Сингх благополучно добрался до деревни. В первый же вечер по прибытии домой, когда родственники и друзья собрались вокруг него, он объявил, что дух желает освободиться и вернуться на Трисул, и единственное, что ему, Бала Сингху, остается сделать, это умереть.

— И вот, — заключили они свой рассказ, — Бала Сингх лег и умер; на другое утро мы помогли сжечь его.

Я убежден, что суеверие — душевная болезнь. Она поражает одного или нескольких человек, не трогая остальных. Поэтому ни в коей мере не ставлю себе в заслугу, что, живя высоко в Гималаях, не «заразился» той опасной разновидностью суеверия, жертвой которой стал Бала Сингх. Однако, утверждая, что не суеверен, я не могу объяснить, почему меня неоднократно преследовали неудачи в очень интересной и доставившей мне истинное удовольствие охоте на тигра, к рассказу о которой теперь перехожу.

2

Маловероятно, чтобы кто-нибудь, побывав в Дабидхура, забыл прекрасный вид, открывающийся с площадки, где стоит рест-хауз.[4] От веранды этого маленького трехкомнатного дома, построенного у вершины «Божьей горы» человеком, по всей вероятности влюбленным в природу, склон круто уходит вниз, к долине реки Панар. За долиной далеко ввысь громоздятся хребты, их очертания скрываются в вечных снегах, которые до появления самолетов были непреодолимым барьером между Индией и ее северными соседями.

Из Найни-Тала в Лохаргхат, отдаленную местность на восточной границе Кумаона, ведет вьючная дорога. Она проходит через Дабидхура, а ее ответвление связывает Дабидхура с Алмора.[5] Когда я охотился неподалеку от этой второй дороги на Панарского леопарда-людоеда (о чем расскажу ниже), смотритель дорог, ехавший в Алмора, сказал мне, что в Дабидхура леопард убил человека. Я отправился туда.

Участок дороги, поднимающейся к Дабидхура с запада, один из самых крутых в Кумаоне. Должно быть, человек, который проектировал его, задался целью найти способ добраться до вершины кратчайшим путем и добился этого: дорога на высоту в восемь тысяч футов идет прямо по склону горы, не делая никаких поворотов. Жарким апрельским полднем, когда я, с трудом осилив эту дорогу, сидел на веранде рест-хауза, пил чай и любовался захватывающим дух видом, ко мне пришел священник. С этим хрупким старым человеком мы подружились два года назад, когда я охотился на Чампаватского тигра-людоеда. Маленький храм, укрывшийся под сенью огромной скалы (не рискую высказывать догадки, каким образом этот храм возник в столь необычном месте), где он совершал богослужения, сделал Дабидхура местом паломничества. Утром, проходя мимо храма, я сделал традиционное приношение; старый священник, читавший молитвы, поблагодарил меня кивком головы. Когда служба кончилась, он пересек дорогу, отделявшую храм от рест-хауза, и, взяв предложенную мною сигарету, устроился на полу веранды, прислонясь спиной к стене. Священник был приятным собеседником, имел массу свободного времени, и так как я сделал все, что наметил в тот день, мы засиделись до позднего вечера.

От него я узнал, что смотритель дорог ввел меня в заблуждение, когда сказал, что прошлой ночью в Дабидхура леопард убил человека. Предполагаемая жертва, пастух, направлялся из Алмора в деревню, расположенную к югу от Дабидхура, и в ту ночь остановился у священника. После ужина он, вопреки совету хозяина, пожелал лечь спать на площадке

возле храма. Около полуночи, когда тень скалы легла на храм, к пастуху подкрался людоед, схватил за лодыжку и попытался стащить с площадки. Проснувшись, человек с криком выхватил из тлевшего рядом костра головешку и отогнал леопарда. На крик пастуха поспешили священник и еще несколько человек. Совместными усилиями им удалось прогнать зверя. Раны оказались неопасными, и после того как бания,[6] чья лавка была рядом с храмом, кое-как перевязал их, пастух продолжал свой путь.

По совету священника я решил остаться в Дабидхура. В храм и в лавку бании ежедневно приходят люди из окрестных деревень. Они, конечно, разнесут слух о моем прибытии, и, так как будет известно, где меня можно найти, я немедленно узнаю о любой новой жертве людоеда в этом районе.

Когда священник собрался уходить, я спросил его, смогу ли поохотиться в этой местности, потому что мои люди уже много дней не ели мяса, а купить его в Дабидхура негде.

— Конечно, — ответил он, — здесь есть храмовый тигр.

На мое заверение, что я не имею ни малейшего желания убивать этого тигра, он со смехом ответил:

— Я не возражаю, саиб, если вы попытаетесь застрелить его, но ни вам, ни кому-либо другому никогда не удастся это сделать.

Так мне довелось узнать о Дабидхурском храмовом тигре, с которым связано одно из самых волнующих переживаний в моей охотничьей практике.

3

На следующее утро после прибытия в Дабидхура я спустился по лохаргхатской дороге, надеясь найти следы людоеда или узнать что-нибудь о нем в расположенных поблизости деревнях, ибо предполагали, что после нападения на пастуха он ушел в сторону Лохаргхата. Вернувшись с опозданием к завтраку в рест-хауз, я увидел, что какой-то человек беседует с моим слугой. Этот человек сказал, что от священника узнал о моем желании поохотиться и может показать мне джарао — так здесь называют замбара — с огромными рогами. У горного оленя-замбара иногда действительно бывают превосходные рога. Одного недавно убили в Кумаоне, его рога достигали сорока семи дюймов. Поскольку мяса такого большого животного хватило бы не только моим людям, но и всем обитателям Дабидхура, я ответил, что после завтрака готов пойти за оленем.

Несколько месяцев назад я ездил ненадолго в Калькутту и

как-то утром зашел в оружейный магазин Мэнтона. На витрине под стеклом возле двери была выставлена винтовка. Пока я ее рассматривал, ко мне подошел управляющий, мой старый приятель, и сообщил, что эта винтовка — «вестли-ричардс» 275-го калибра — новая модель, предназначенная для охоты в горах, и что изготовителям не терпится выбросить ее на индийский рынок. Винтовка была великолепна, и управляющему не стоило большого труда уговорить меня сделать покупку при условии, что, если винтовка мне не подойдет, я смогу возвратить ее. Таким образом, отправляясь в тот вечер с моим деревенским приятелем охотиться на джарао «с рогами, подобными ветвям дуба», я взял свою новехонькую винтовку.

К югу от Дабидхура гора менее крута. Пройдя в этом направлении через дубовые и кустарниковые заросли около двух миль, мы вышли на поросшую травой возвышенность, откуда открывался прекрасный вид на лежавшую внизу долину. Указав в левой стороне долины на небольшой участок густой травы, плотно окруженный со всех сторон джунглями, мой проводник сказал, что утром и вечером джарао приходит сюда пастись. Затем он сообщил, что в правой части долины есть пешеходная тропа, которой он пользуется, когда ходит в Дабидхура, и с нее-то он обычно и видит джарао. Моя новая винтовка гарантировала точность попадания на расстоянии до пятисот ярдов. Так как от тропы до поляны, где обычно паслось животное, было не более трехсот, я решил спуститься на тропу и там подождать, пока представится возможность выстрелить.

Во время разговора я заметил, что слева от нас кружат грифы. Когда я показал на них своему спутнику, он ответил, что на той стороне холма расположена небольшая деревня, и высказал предположение, что грифов интересует труп какого-нибудь домашнего животного.

— Скоро мы узнаем, что именно привлекло птиц, — сказал он, — наш путь лежит через эту деревню.

«Деревня» состояла всего-навсего из одной тростниковой хижины и сарая для скота. С расположенных террасами полей, площадью около акра, недавно был собран урожай. На одном из них, отделенном от хижины и сарая канавой для стока дождевой воды шириной десять футов, грифы отрывали последние кусочки мяса от остова какого-то крупного животного. Когда мы приблизились, из хижины вышел человек и, поздоровавшись, спросил, откуда я и когда прибыл. Я ответил, что приехал в Дабидхура накануне из Найни-Тала попытаться застрелить леопарда-людоеда. Он очень пожалел, что не знал о моем приезде раньше: «Тогда вы могли бы застрелить тигра, который убил мою

корову». Далее он поведал мне, что на том месте, где сейчас у скелета возились грифы, он вчера вечером привязал свое стадо из пятнадцати голов, чтобы удобрить поле, а ночью явился тигр и убил одну из коров. Крестьянин оружия не имел, поблизости также не было никого, к кому он мог бы обратиться с просьбой убить тигра, поэтому он сходил за человеком, который занимался заготовкой кож в их районе. За два часа до нашего прихода подрядчик снял шкуру с коровы, и теперь грифы завершали свое дело. Когда я спросил крестьянина, знал ли он, что в окрестностях обитает тигр, а если знал, почему привязал скот на ночь в открытом поле, он удивил меня, ответив, что на Дабидхурской горе всегда жил тигр, но до прошлой ночи он ни разу не задирал домашних животных.

Когда я собрался уходить, крестьянин спросил, куда я направляюсь. Я объяснил, что хочу поохотиться в другом конце долины на джарао. Он стал упрашивать меня отложить охоту на джарао и убить тигра.

— У меня мало земли, и она плохая, как видите, — сказал он, — если тигр убьет коров, которые нас кормят, моя семья и я умрем с голоду.

Пока мы разговаривали, к дому приблизилась женщина с кувшином воды на голове, за ней следом появилась девочка с охапкой свежей травы и мальчик с вязанкой хвороста. Эти четверо

жили на доход с акра тощей земли и нескольких пинт молока (коровы в горах дают мало молока), которое они продавали бании в Дабидхура. Неудивительно, что крестьянину так хотелось, чтобы я убил тигра.

Грифы почти уничтожили труп коровы, но это не имело значения: вблизи поля не было укрытия, где бы тигр мог залечь, следовательно, он не знал, что птицы сделали с его добычей. А так как прошлой ночью на этом поле его никто не побеспокоил, можно было ожидать, что он вернется к своей жертве. Мой проводник, как и крестьянин, очень хотел, чтобы я сначала убил тигра. Попросив обоих сидеть тихо, я попытался выяснить, в каком направлении ушел тигр, так как возле поля не оказалось дерева, подходящего для засады, и мне нужно было перехватить зверя на его обратном пути к хутору. Тропинки, проложенные скотом, шли вдоль и поперек холма, но земля была слишком твердой, чтобы на ней могли остаться следы тигра, поэтому, дважды обойдя вокруг хутора, я стал осматривать водосточную канаву. Здесь на мягкой сырой почве я нашел отпечатки лап большого тигра-самца. Следы показывали, что, насытившись, он ушел вверх по канаве. Были все основания предполагать, что и вернется он этим же путем. По ту сторону канавы, где стояла хижина, в тридцати ярдах от нее, рос кривой низкий дуб, увитый ползучей дикой розой. Положив винтовку на землю, я с края канавы легко поднялся на склоненное над нею дерево и убедился, что могу сносно устроиться на его вершине.

Вернувшись к хижине, я сказал ожидавшим меня мужчинам, что пойду в рест-хауз за тяжелым штуцером 500-го калибра, стрелявшим бездымным порохом. Мой проводник тотчас же предложил избавить меня от хлопот. Я дал ему нужные указания, а сам присел рядом с крестьянином на пороге хижины послушать повествование о борьбе бедного, но бесстрашного человека с природой и дикими зверями. Он рассказывал, как тяжело сберечь даже соломенную крышу над головой. Когда я спросил его, почему он не покинет этот заброшенный угол и не попытается устроиться где-нибудь в другом месте, он ответил просто: «Здесь мой дом».

Солнце уже садилось, когда я увидел двух человек, спускавшихся с холма к хижине. Ни у одного из них не было двустволки. Бала Сингх — один из лучших людей Гарвала (о трагической смерти его я рассказал выше) — держал в руках только фонарь. Подойдя к нам, он сказал, что не принес штуцер, потому что патроны к нему заперты в моем чемодане, а я забыл прислать ключ. Что ж, придется убить тигра из новой винтовки — лучшего крещения для нее не придумать.

Перед тем как отправиться в засаду, я предупредил хозяина хижины, что охота может быть успешной только в том случае, если его дети, девочка восьми лет и мальчик шести, будут вести себя тихо, а жена повременит с приготовлением ужина до тех пор, пока я не убью тигра или не приду к выводу, что ждать его бесполезно. Бала Сингху поручалось следить, чтобы обитатели хижины не шумели, а также зажечь фонарь, когда я свистну, и ждать моих дальнейших распоряжений.

За холмами угасло сияние заходящего солнца, в долине смолкли вечерние песни множества птиц. Сгустились сумерки, надо мной на холме заухала рогатая сова. Обычно до того, как взойдет луна, некоторое время бывает довольно темно. Сейчас как раз наступило такое время. В хижине стояла тишина, словно там все вымерло. Я сжимал винтовку и напряженно всматривался в темноту под деревом. Но тигр прошел стороной. Я услышал, как он, добравшись до своей добычи, пришел в ярость, увидев, что от нее осталось. Глухо ворча, он проклинал грифов. Хотя они и улетели несколько часов назад, от загрязненной ими земли все еще исходил мускусный запах. Две, три, возможно, четыре минуты он продолжал тихо рычать, потом наступила тишина. Становилось светлее. Прошло еще несколько минут, и над гребнем холма поднялась луна, залив светом окрестности. В лунном сиянии белели чисто обглоданные грифами кости, но тигра нигде не было видно. Смочив пересохшие от волнения губы, я тихо свистнул. Бала Сингх был наготове, и я услышал, как он попросил хозяина хижины дать из очага огня. Сквозь щели тростниковой стены мелькнул слабый свет, который стал ярче, когда зажгли фонарь. Затем свет передвинулся, и вот Бала Сингх, распахнув дверь, остановился на пороге, ожидая моих приказаний. Кроме тихого свиста, я не издал ни звука, не сделал ни одного движения с того момента, как поднялся на дерево, и теперь, глянув вниз, увидел тигра. Он стоял подо мной в ярком лунном свете и через правое плечо смотрел на Бала Сингха. От дула винтовки до головы тигра было не более пяти футов, и у меня мелькнула мысль, что выстрелом, по всей вероятности, можно опалить его шерсть. Мушка находилась как раз на уровне сердца животного — его ждала мгновенная смерть, и я мягко нажал на спуск. Курок подался, но выстрела не последовало.

Боже, какая невероятная беспечность с моей стороны! Я совершенно точно помнил, что, устроившись на дереве, вложил в магазинную коробку обойму из пяти патронов, но, очевидно, затвор не дослал патрон в патронник, а я это проглядел. Будь винтовка старой и стертой, она, возможно, сама исправила бы ошибку, но винтовка была новой. Когда я подал назад рукоятку

затвора, раздался резкий металлический щелчок. Тигр одним прыжком оказался на краю канавы и исчез из виду. Я повернулся, чтобы посмотреть, как реагировал на это Бала Сингх, и увидел — он отступил в хижину и захлопнул дверь.

Исчезла необходимость соблюдать тишину. На мой зов явился Бала Сингх и помог мне спуститься с дерева; я оттянул затвор, чтобы разрядить винтовку, и увидел, что выбрасыватель на конце затвора держит патрон. Значит, винтовка все-таки была заряжена и предохранитель снят. Почему же она не выстрелила, когда я нажал на спусковой крючок? Слишком поздно я понял причину. Когда управляющий у Мэнтона показывал мне винтовку, он особо подчеркнул, что она имеет двойной спуск. Мне никогда прежде не приходилось иметь дело с винтовкой, обладавшей подобным так называемым усовершенствованием, и я не знал, что после первого нажима на спусковой крючок, которым поднимается шептало, необходимо сделать второй, чтобы освободить ударник. Когда я объяснил причину своей неудачи Бала Сингху, он стал винить себя. «Если бы я принес ваш штуцер и чемодан, — сказал он, — этого бы не случилось». В тот момент мне хотелось согласиться с ним, но по мере того как шло время, я все меньше верил, что в тот вечер мне удалось бы убить этого тигра даже из штуцера.

4

На следующее утро я снова отправился за новостями о людоеде. Когда я вернулся в рест-хауз, меня встретил какой-то взволнованный человек и сообщил, что тигр только что убил одну из его коров. Он пас свой скот на другом конце той же долины, где я сидел в засаде прошлой ночью. Внезапно появился тигр и убил отелившуюся всего несколько дней назад рыжую корову.

— Теперь, — сказал он, — теленок погибнет, потому что больше ни одна из моих коров сейчас не дает молока.

Вчера вечером тигру повезло, но не может счастье сопутствовать ему вечно. За убийство коровы он должен заплатить собственной жизнью, потому что скота в горах мало и потеря молочной коровы — большое горе для бедняка. Крестьянин не беспокоился об остальном своем маленьком стаде — оно в страхе убежало в деревню — и охотно согласился подождать, пока я поем. В час дня мы отправились в путь, он впереди, я за ним, сзади еще два человека, которые несли все необходимое для сооружения махана.[7]

С открытого участка на склоне холма крестьянин показал мне

место, где развернулись события. Его скот пасся на маленькой полянке, поросшей травой, в четверти мили от гребня холма, когда со стороны долины появился тигр и напал на корову. Остальные животные бросились бежать к деревне, находившейся по другую сторону холма. Наш кратчайший путь лежал через долину, затем вверх по склону, но из опасения вспугнуть тигра мы обошли долину и приблизились к месту, где была убита корова, сверху. Между гребнем холма и участком, где пасся скот, рос довольно редкий лес. Следы убегавших животных глубоко отпечатались на мягкой глинистой почве, и по ним легко было найти место убийства. Там мы увидели большую лужу крови; от нее начинался след волока, который тянулся по склону ярдов на двести до глубокого, густо заросшего лесом оврага с узеньким ручейком на дне. Вверх по оврагу тигр и нес свою жертву.

Тигр убил корову около десяти часов утра на открытом месте, и, естественно, первой его заботой было спрятать жертву от любопытных глаз. Он знал укромное место в овраге и потащил ее туда. Спрятав добычу, тигр, как показывали отпечатки его лап, спустился по этому же оврагу в долину. В местности, по которой проходили люди или передвигался скот, бесполезно пытаться определить, где заляжет тигр, так как малейшее нарушение тишины может побудить его переменить укрытие. Поэтому, несмотря на то что следы тигра вели вниз по оврагу, мы весьма осторожно продолжали идти по следу волока вверх.

Двумястами ярдами ниже гребня дождевые воды вымыли большую яму. Здесь и начинался овраг. Яма образовалась много лет назад и почти заросла молодыми дубками и ясенями в десять — двенадцать футов высотой. Ближайший к гребню край ее представлял собой обрыв футов в пятнадцать. Корову мы нашли на маленькой, свободной от растительности площадке между обрывом и зарослями деревьев. Мне легко было понять горе хозяина, когда он со слезами на глазах сказал, что это прекрасное животное было его кормилицей и эту корову он особенно любил. Тигр не притронулся к своей добыче и принес ее сюда, по-видимому, для того, чтобы спокойно съесть позже.

Теперь предстояло найти место для засады. По обеим сторонам оврага росло несколько больших дубов, но ни с одного из них я не смог бы увидеть корову, да и взобраться на них не было возможности. Ниже по оврагу, на левом его краю, в тридцати ярдах от убитого животного стоял маленький крепкий клен, ветви которого росли под прямым углом к стволу. В шести футах от земли виднелся сук, достаточно крепкий, чтобы я мог на нем сидеть, и другой — чтобы упереться ногами. Трое моих спутников энергично протестовали против того, чтобы я занял

место так близко от земли, но вокруг не было другого подходящего дерева, и пришлось остановиться на этом. Людей я отослал в хижину, где был накануне, и сказал, чтобы они ждали меня до тех пор, пока я их не позову или не приду к ним сам. До хижины, через долину, было около полумили. Оттуда они не могли видеть ни меня, ни места, где лежала корова, но я сквозь листву клена хижину видел.

Мои спутники ушли в четыре часа дня. Я устроился на дереве и приготовился к долгому ожиданию: дерево росло на западном склоне холма, а тигр вряд ли выйдет из своего укрытия раньше, чем начнет садиться солнце. Налево, сквозь листья, на расстоянии пятидесяти ярдов хорошо просматривался уходящий вниз овраг; прямо передо мной находилась его внутренняя часть — десять футов в глубину и двадцать в ширину, а выше — безлесный склон холма с обнажениями горных пород; направо открывалась вся местность вплоть до гребня, но густая поросль молодых деревьев скрывала убитое животное. Позади, почти вплотную к моему дереву, подступали густые заросли молодого бамбука — рингала, которые еще больше загораживали корову. Спрятав добычу в яме, тигр ушел вниз по оврагу. Я полагал, что вернется он этим же путем, поэтому сосредоточил все внимание на овраге, намереваясь стрелять в тигра в тот момент, когда он окажется под прямым углом ко мне. Я не сомневался, что на таком близком расстоянии убью его первым выстрелом, но для большей уверенности — вдруг понадобится стрелять второй раз — взвел оба курка.

В джунглях в этих местах водились замбары, каркеры, лангуры, множество фазанов, сорок, дроздов и соек. Все они начинают бить тревогу, завидев представителя семейства кошачьих. Поэтому я думал, что о появлении тигра непременно получу многократное предупреждение, но ошибся. Не раздалось ни единого тревожного крика, хотя я вдруг услышал, что тигр подобрался к корове. Очевидно, спустившись по оврагу напиться, он обогнул заросли рингала и, не проходя мимо меня, оказался возле жертвы. Меня это не очень расстроило, так как, находясь у добычи днем, тигры чувствуют себя неспокойно, и я был уверен, что рано или поздно он появится на открытом месте.

Тигр ел, отрывая большие куски мяса. Прошло около четверти часа, когда я заметил огромного черного гималайского медведя. Он появился слева на гребне холма и шествовал так важно, словно для него совершенно не имело значения, сколько времени ему придется идти, чтобы попасть из одного места в другое. Вдруг он остановился, посмотрел на склон холма и лег плашмя на землю. Через минуту или две он поднял голову,

потянул воздух и снова распластался. Ветер, как всегда днем в горах, дул вверх по склону, и медведь учуял запах крови и мяса, смешанный с запахом тигра. Моего присутствия он не почувствовал, так как я находился правее убитого животного. Скоро он поднялся и на согнутых лапах, прижимаясь к земле, стал красться к тигру.

Я не раз видел, как крадутся животные, но наблюдать, как этот медведь спускается по склону, было для меня настоящим откровением. Ему надо было пройти, наверное, ярдов двести, и хотя, казалось, он не создан для того, чтобы передвигаться крадучись, подобно тиграм или леопардам, он преодолел это расстояние бесшумно, как змея. Чем ближе он подходил, тем осторожнее становился. Последние несколько футов до спуска в яму — мне был виден лишь ее верхний край — он прополз на брюхе. Выждав момент, когда тигр особенно увлекся едой, медведь медленно приподнял голову над краем ямы и заглянул в нее, затем так же медленно опустил голову. Мое волнение достигло предела, я весь дрожал, во рту пересохло.

Мне дважды приходилось видеть, как гималайские медведи уносили животных, убитых тиграми. В обоих случаях тигров не было поблизости. Два раза я видел, как медведи подходили к поедающим свою добычу леопардам, прогоняли их и уносили добычу. Но в данном случае тигр, крупный самец, находился возле жертвы, а он не принадлежал к числу зверей, которых можно прогнать. Не окажется же этот медведь настолько глупым, чтобы попытаться лишить царя джунглей его добычи? Но именно это он, похоже, и собирался сделать. Удобный момент представился, когда тигр занялся костью. Я не знаю, ждал ли медведь как раз такого мгновения, но в то время, как тигр с хрустом разгрызал кость, медведь подтянулся к краю ямы, подобрал под себя лапы и с громким ревом ринулся вниз. Он, по-видимому, хотел испугать тигра, но результат получился иной: тигр пришел в ярость и ответил еще более мощным ревом.

Стычки между зверями разных пород, когда цель борьбы — не жизнь побежденного, а сама борьба, явление очень редкое. Это лишь второй из известных мне случаев. Я не видел схватки, но слышал все. Звуки битвы, происходившей во впадине, были ужасающими, и я благодарил судьбу за то, что шла честная борьба между двумя одинаково способными постоять за себя противниками, а не между тремя, одним из которых мог быть я. Время останавливается, когда бешено колотится сердце и кровь кипит от волнения. Схватка продолжалась минуты три, возможно — дольше. В конце концов тигр решил, что следует прекратить борьбу, и галопом понесся по открытому месту, преследуемый по

пятам все еще ревущим медведем. Как раз в тот момент, когда я целился тигру в левую лопатку, он круто повернул налево, перемахнул двадцатифутовый овраг и приземлился у моих ног. Во время прыжка, пока тигр был еще в воздухе, я опустил ствол винтовки и выстрелил, как мне казалось, прямо ему в спину. На мой выстрел тигр, ломая рингал в чаще позади меня, ответил сердитым рычанием, которое я слышал еще несколько мгновений. Потом наступила тишина. Пуля попала в сердце и сразила его, решил я.

Нарезной штуцер 500-го калибра, стреляющий тяжелой пулей, всегда производит много шума, но здесь, в овраге, выстрел прозвучал как канонада. Однако этот грохот не произвел никакого впечатления на потерявшего голову медведя. Следуя за тигром, он не пытался перепрыгнуть овраг, а как ураган пронесся по его дну и выскочил прямо на меня. Я не имел желания убивать животное, у которого хватило мужества прогнать тигра от добычи, но позволить этому воплощению бушующей ярости приблизиться было бы безумием. Поэтому, когда медведь оказался от меня в нескольких футах, я послал в его широкий лоб пулю из левого ствола. Он начал медленно сползать на брюхе вниз, пока его задние лапы не уперлись в противоположный край оврага.

Еще минуту назад джунгли оглашались звуками ожесточенной борьбы и грохотом выстрелов, теперь же наступила тишина. Когда мое сердце обрело нормальный ритм, я вспомнил об успокаивающем воздействии сигареты. Положив штуцер на колени, я засунул обе руки в карманы, чтобы достать портсигар и спички, и в этот момент заметил какое-то движение справа от себя. Повернув голову, я увидел, что тигр не спеша пересекает открытый участок, по которому две минуты назад промчался галопом. Его взгляд был устремлен на мертвого врага.

Знаю, что, прочитав обо всем происшедшем, охотники обвинят меня в неумении стрелять и исключительной беспечности. Мне нечего сказать в свое оправдание по поводу неудачной стрельбы, но не признаю себя виновным в беспечности. Когда я выстрелил, как полагал, тигру в спину, то был убежден, что нанес ему смертельную рану, а сердитый рев, бешеный бросок в чащу и последовавшая за этим внезапная тишина служили достаточным доказательством гибели зверя. Мой второй выстрел уложил наповал медведя, поэтому не было необходимости, пока я сидел на дереве, перезаряжать штуцер, прежде чем положить его на колени.

Удивление, вызванное появлением тигра живым и невредимым, заставило меня потерять секунду или две, но потом

я действовал быстро. Правда, штуцер имел закрытый курок, что замедляло перезарядку. Кроме того, запасные патроны находились в кармане брюк, откуда их легко извлечь, когда стоишь, но не так-то просто это сделать, сидя на тонкой ветви. Понимал ли тигр, что медведь мертв, или не спускал с него взгляда только потому, что хотел избежать нападения с фланга, не знаю. Во всяком случае, он продолжал бежать по крутому склону все тем же спокойным галопом. Когда он пробегал мимо большой плоской скалы в сорока ярдах от меня, я, успев зарядить к этому времени только один ствол, поднял штуцер и выстрелил. Тигр встал на задние лапы, покачнулся и тяжело свалился на бок, затем вскочил и, подняв высоко хвост, исчез за выступом холма. Пуля в никелевой оболочке с мягкой головкой и стальным сердечником ударилась о скалу в нескольких дюймах от головы тигра, что заставило его потерять равновесие, но не причинило зверю никакого вреда.

Выкурив не спеша сигарету, я слез с клена и пошел посмотреть на медведя; он оказался даже крупнее, чем я предполагал. Битва, им самим навязанная, была нешуточной: из множества глубоких ран на шее сквозь густой мех сочилась кровь, а на голове в нескольких местах кожа была разодрана до кости. Эти раны сами по себе ничего бы не значили для такого сильного зверя, как медведь, но удар по носу привел его в страшное негодование. Любой самец пришел бы в неистовство от такого удара. А медведя не просто ударили по этому нежному месту, но еще и оскорбили: тигр разорвал его нос пополам — основание вполне достаточное, чтобы, не обращая внимания на звук выстрела тяжелого штуцера, пылая ненавистью, преследовать врага.

До наступления темноты оставалось мало времени, поэтому я не стал звать людей, чтобы снять с медведя шкуру, а решил сам зайти за ними; надо было успеть засветло добраться до рест-хауза, ведь в этих местах обитал людоед. Возле хижины помимо моих людей оказалось еще около десятка крестьян. Все они напряженно всматривались в долину, а когда я появился среди них, онемели от изумления.

Первым обрел дар речи Бала Сингх. Выслушав его, я понял, почему собравшиеся смотрели на меня так, словно я вернулся с того света.

— Мы советовали вам не садиться слишком близко от земли, — сказал Бала Сингх, — и, когда услышали ваш первый крик, а затем рев тигра, решили, что он стащил вас с дерева и вы боретесь с ним не на жизнь, а на смерть. Вскоре тигр умолк, а вы продолжали кричать, и мы подумали, что он уносит вас. Позже

мы услышали два выстрела из вашего штуцера, потом еще один и никак не могли понять, как человек, которого тащит тигр, может стрелять. Мы стали обсуждать, как поступить. Вдруг появляетесь вы. Мы так растерялись, что не могли произнести ни слова.

Если люди прислушиваются к звукам, доносящимся оттуда, где охотник сидит в засаде, ожидая тигра, у них напряжены нервы и им легко принять рев медведя за крик человека, поскольку эти звуки очень схожи, а на расстоянии вообще неразличимы.

Пока я рассказывал собравшимся о борьбе, звуки которой они слышали, и об убитом медведе, Бала Сингх приготовил мне чай.

Медвежий жир высоко ценится как средство от ревматизма, и я привел в восторг своих слушателей, сказав, что жир мне не нужен и они могут поделить его между собой. На следующее утро я отправился снимать с медведя шкуру. Меня сопровождала целая толпа. Всем не терпелось не только получить свою долю жира, но и посмотреть на зверя, вступившего в борьбу с тигром. Мне никогда не приходилось измерять или взвешивать медведей, хотя они попадались мне много раз, но этот, несомненно, был самым большим и жирным из всех гималайских медведей, каких я когда-либо видел. Когда сало и заслуживающие внимания части туши были поделены, толпа счастливых людей устремилась в Дабидхура. Самым счастливым среди них был Бала Сингх: к всеобщей зависти, он гордо нес, привязав к спине, полученную от меня шкуру медведя.

Тигр не вернулся заканчивать свою прерванную трапезу, и к вечеру грифы дочиста обглодали кости коровы и медведя.

Снимать шкуру с жирного медведя — работа очень грязная. Покончив с ней, я с трудом тащился в рест-хауз, чтобы принять горячую ванну и перекусить. По дороге мне встретился взволнованный лесник. Прошлой ночью он обходил отдаленный участок и, возвращаясь сегодня утром в Дабидхура, узнал в лавке бании, что я убил медведя. Леснику необходимо было медвежье сало для страдающего ревматизмом отца. Он торопился, чтобы получить хоть немного этого целебного средства, и тут увидел бегущее в страхе стадо. Мальчик, сопровождавший стадо, сказал, что тигр убил одну из его коров. Лесник примерно знал, где пасся скот, когда на него напал тигр, поэтому (тогда как Бала Сингх и остальные продолжали свой путь в Дабидхура) мы отправились на поиски убитой коровы. Пройдя более двух миль вверх и вниз по склонам холмов, вышли к небольшой долине. Лесник предполагал, что корова была убита именно в этом месте.

Несколько дней назад в Алмора происходила распродажа военного обмундирования, списанного со складов гуркских[8] контингентов войск. Мой спутник приобрел там пару башмаков

военного образца. Они были ему очень велики, и он тяжело ступал в них, шагая впереди меня, пока мы не подошли к долине. Там я велел ему снять башмаки и, увидев, в каком состоянии его ноги, содрогнулся. Непостижимо, как человек, проходивший всю жизнь босиком, только из тщеславия мог подвергнуть себя такой пытке.

— Я купил большие башмаки потому, — пояснил он, — что думал, они со временем станут меньше.

Долина величиной около пяти акров, похожая по форме на лодку, напоминала прекрасный парк с редко посаженными гигантскими дубами. Склон, по которому мы подошли к долине, был пологим, и на нем росла лишь трава. С противоположной стороны холм был довольно крутым, поросшим отдельными кустами. Я постоял несколько минут, внимательно изучая каждую пядь земли, находившуюся в поле зрения, и, не обнаружив ничего подозрительного, спустился в долину. За мной шел лесник, теперь бесшумно ступавший босыми ногами. На дне долины я увидел огромную кучу опавших листьев и сухих веток, собранных со значительной площади. Хотя трупа коровы не было видно, я понял, что под этой грудой тигр спрятал свою жертву. Я поступил очень неразумно, не предупредив об этом лесника, который, как он признался позже, не знал о привычке тигров прятать добычу. Если тигр прячет убитое животное, это означает, что он не намеревается залечь поблизости, но неосторожно считать, что так бывает всегда. Поэтому, хотя я внимательно осмотрел землю, прежде чем спуститься в долину, я снова остановился и еще раз все оглядел.

Неподалеку от груды листьев и веток холм поднимался под углом в сорок пять градусов, а в сорока ярдах выше по склону росло несколько кустов. Когда мой взгляд упал на эти кусты, я увидел тигра. Он лежал, вытянув в мою сторону лапы, но тут же повернулся ко мне спиной. Мне была видна часть его головы и туловища от плеча до бедра. О выстреле в голову нечего было и думать, а ранение в какое-либо иное место не дало бы нужного результата. Я располагал половиной дня и всем вечером, поэтому решил сесть и выждать удобного для выстрела момента, ведь рано или поздно тигр непременно встанет. Едва я принял это решение, как уловил слева какое-то движение и, повернув голову, увидел медведицу. Она крадучись подбиралась к корове; с ней были два почти взрослых медвежонка. Медведица, очевидно, знала, что тигр убил корову, и, дав ему время успокоиться (как я сам делал не раз), шла теперь на разведку. Иначе быть не могло, ибо без особых причин медведи среди дня не разгуливают. Если бы я не стоял в нескольких шагах от убитого животного, а

находился на краю долины, то несомненно стал бы свидетелем интереснейшего зрелища. Ведь, найдя корову, что было для медведей нетрудно — у них превосходное обоняние, — они стали бы разгребать покрывавшие ее листья и ветки; это разбудило бы тигра, и, безусловно, он не уступил бы свою добычу без боя. А такой бой стоит посмотреть.

Лесник все это время спокойно стоял позади меня и ничего не видел. Но, заметив медведей, воскликнул:

— Смотри, саиб, вон медведи!

Тигр мгновенно вскочил и пустился наутек, но ему надо было пробежать около двадцати ярдов по открытой местности. Я прицелился в него и нажал на спусковой крючок; лесник, думая, что я целюсь не туда, куда нужно, схватил меня за руку, в результате пуля попала в дерево в нескольких ярдах от места, где мы стояли. Гнев никогда не ведет к добру, а в джунглях тем более. Лесник не знал, что скрывалось под кучей листьев, не видел тигра и полагал, что, обратив мое внимание на страшных медведей, спас мне жизнь, поэтому я ничего не мог ему сказать. Потревоженные выстрелом, медведи неуклюже пошли прочь, а мой спутник тем временем взволнованно убеждал меня: «Стреляйте, стреляйте!»

На обратном пути в Дабидхура лесник понуро брел за мной. Чтобы поднять его настроение, я спросил, не знает ли он, где можно убить горала, — мои люди все еще оставались без мяса. Он не только знал такое место, но даже вызвался, несмотря на свои волдыри и переживания, проводить меня туда. После чая в сопровождении двоих моих людей, которые, как сказал лесник, понадобятся, чтобы нести «трофеи», мы отправились за горалом.

От веранды рест-хауза холм круто уходил вниз. Лесник вел нас по нему несколько сот ярдов, пока мы не вышли на проложенную горалами узкую тропинку. Дальше я пошел первым и, свернув вправо, примерно через полмили оказался у скалистого края глубокого оврага. Взглянув на его противоположный край, я увидел горала. Он стоял на выступе скалы и смотрел в пространство, как обычно это делают все дикие козы, включая тара, каменного козла и мархура. По белому пятну на шее животного я определил, что это самец. До него было немногим более двухсот ярдов. Наконец представился случай не только раздобыть мясо для моих людей, но и испытать точность боя новой винтовки. Я лег на землю, поставил прицел на двести ярдов, тщательно навел винтовку и выстрелил. Горал упал на том же месте, где стоял. Это было чрезвычайно удачно, потому что прямо под ним начинался глубокий обрыв. Вскоре появился еще один горал, которого я раньше не видел, и с ним детеныш.

Постояв некоторое время неподвижно, он глянул несколько раз в нашу сторону и скрылся за холмом.

Пока мы с лесником курили, двое моих людей сходили за убитым горалом. Лишившись медвежьего сала, лесник был очень огорчен, но, когда я пообещал ему кусок козлятины и шкуру, он почувствовал себя счастливым. Он решил обить ею скамейку, на которой, греясь на солнце, целыми днями сидит его старый, больной ревматизмом отец.

5

Я вернулся в долину рано утром на следующий день и убедился, что мое предположение верно: тигр не возвращался к своей добыче, а медведи приходили сюда снова. Они оставили от коровы лишь кости, да и теми, когда я пришел туда, усердно занимался одинокий бенгальский гриф.

Было еще очень рано, поэтому я поднялся по склону холма в том направлении, в каком накануне ушел тигр, перевалил через вершину и спустился к лохаргхатской дороге, высматривая следы леопарда-людоеда. Возвратившись днем в рест-хауз, я узнал еще об одной жертве тигра. Сообщил об этом толковый молодой человек, который направлялся в Алмора в суд и из-за этого не мог проводить меня к месту, где тигр убил корову. Он лишь кусочком угля на полу веранды набросал мне план местности. Съев сразу первый и второй завтраки, я отправился на поиски убитой коровы. Она находилась — если чертеж молодого человека был верен — в пяти милях от места, где я накануне стрелял в тигра. Там я обнаружил, что тигр напал на небольшое стадо, которое паслось у ручья, протекавшего по долине, и, судя по следам на мягкой почве, с трудом справился с выбранной им жертвой. Убить большое сильное животное в шестьсот — семьсот фунтов весом — нелегкое дело, и, совершив такое убийство, тигр обычно отдыхает. Но на этот раз он, судя по отсутствию следов крови, сразу же потащил корову через ручей в густые джунгли у подножия холма.

Накануне тигр припрятал свою жертву там, где убил ее; сегодня он явно намеревался унести добычу как можно дальше. Мили две я шел по следу вверх по крутому склону через густой лес. В нескольких сотнях ярдов от вершины холма задняя нога коровы застряла между двумя молодыми дубами. Дернув изо всех сил, тигр оторвал ногу и, оставив ее, унес добычу. Место, куда тигр притащил корову, было ровным; на нем росли молодые дубы в один-два фута в обхвате. Под деревьями не было ни кустов, ни

какой-либо иной растительности, и он оставил свою добычу, даже не попытавшись спрятать ее.

Я шел по следу волока медленно, нес только винтовку и несколько патронов, и все же, когда поднялся на вершину, рубашка моя взмокла, а во рту пересохло. Поэтому я мог себе представить, какую жажду испытывал тигр и как он стремился ее утолить. Желая напиться, я отправился искать источник, у которого, по всей вероятности, мог найти и тигра. Справа, в полумиле, находился овраг, где я застрелил медведя. Там протекал ручей. Слева, ближе, был другой овраг, и я решил сначала сходить туда.

Пройдя около мили вниз по этому оврагу, я дошел до места, где его крутые глинистые края почти сходились. Обогнул большую скалу и прямо перед собой на расстоянии двадцати ярдов увидел тигра. Он спал на узкой полоске песка между маленьким прудиком и правой стороной оврага. Отсюда овраг круто сворачивал вправо, поэтому я не мог видеть все туловище тигра. Он лежал на левом боку спиной к водоему, и мне видны были только его хвост и часть задних лап. Между мною и тигром громоздилась огромная куча сухих веток, предназначенных на корм буйволам. Ветки недавно срубили с нависавших над оврагом деревьев. Преодолеть это препятствие бесшумно я не мог, так же как и пройти по осыпавшимся краям оврага. Оставалось одно: сидеть и ждать, пока тигр сам предоставит мне возможность выстрелить в него.

После огромного напряжения, утолив жажду, тигр крепко спал и в течение получаса не сделал ни одного движения. Затем он повернулся на правый бок, показав мне еще часть лап. Несколько минут он оставался в этом положении, потом поднялся и исчез за поворотом оврага. Не снимая пальца со спускового крючка, я ждал, когда он появится, — его добыча находилась на холме позади меня. Шло время. Где-то неподалеку пронесся вниз по холму с истерическим криком каркер, немного погодя закричал замбар. Тигр все не шел. Я не понимал почему. Ведь сегодня он уже потрудился достаточно, меня же учуять он не мог — у тигров слабое обоняние. Но я не беспокоился. Тигр непременно вернется к своей добыче: он с таким упорством тащил ее на вершину холма. Вода в прудике, из которого пил тигр, оказалась ледяной. Напившись, я смог наконец с удовольствием закурить.

Когда солнце было уже близко к закату, я удобно устроился на дубе в десяти ярдах к северо-востоку от убитой коровы. Учитывая, что тигр придет с запада, я не хотел, чтобы добыча находилась прямо между ним и мною, так как тигр обладает

острым зрением. С моего места на дереве хорошо была видна долина и холмы за нею. Когда огненный шар солнца коснулся края земли, в долине подо мной закричал замбар. Тигр возвращался к своей добыче. До наступления темноты еще оставалось некоторое время, значит, он успеет прийти засветло и я смогу точно прицелиться.

Пылающий шар скрылся за линией горизонта, красноватый отсвет исчез, сумерки уступили место темноте. И в джунглях все смолкло. Луна еще не всходила, но свет звезд (нигде в мире нет таких ярких звезд, как в Гималаях) позволял ясно различать белую корову. Если тигр придет и начнет есть ее с задней ноги (она лежала ко мне головой), он не будет виден. Можно, конечно, выстрелить, прицелившись выше коровы. В таком случае мои шансы попасть в тигра равнялись бы пятидесяти из ста возможных. Но ведь я имел дело не с людоедом, в которого нужно стрелять при любых условиях, а с храмовым тигром. Он никогда не трогал людей и не совершил никакого преступления против закона джунглей, хотя убил четырех коров за четыре дня. Уложи я его наповал, я оказал бы услугу тем, кто страдал от его грабежей. Но, стреляя почти наугад в темноте, можно было лишь ранить его. Тогда он долго будет мучиться и, если не оправится от раны, станет людоедом, что совершенно недопустимо.

На востоке посветлело, от стволов деревьев легли на землю неясные тени. Вскоре поднялась луна, осветив открытые участки. В это время появился тигр. Я не видел его, но знал, что он пришел, так как всем своим существом почувствовал его присутствие. Быть может, он наблюдал за мною, притаившись неподалеку от своей жертвы, чуть приподняв голову над краем холма? Нет, этого быть не могло. С того времени, как я устроился на дереве, я стал как бы его частью, а тигры не расхаживают по джунглям, пристально разглядывая без особой нужды каждое дерево. И тем не менее тигр был здесь и смотрел на меня.

Стало довольно светло. Я мог хорошо видеть и начал внимательно осматривать местность перед собой. Затем повернул голову направо, чтобы посмотреть назад, и увидел тигра. Он сидел на задних лапах на залитой лунным светом поляне. Перед ним была его добыча, но он, подняв голову, смотрел на меня. Увидев, что я заметил его, он прижал уши, но я не шелохнулся, и уши вернулись в прежнее положение. Казалось, он говорил: «Ну вот ты меня и увидел, что ты собираешься делать дальше?» А я почти ничего не мог сделать. Чтобы выстрелить, мне пришлось бы повернуться, это вспугнуло бы тигра, который наблюдал за мной с расстояния футов пятнадцать. Оставалась, правда, возможность стрелять с левого плеча, что я и решил попытаться сделать.

Винтовка лежала у меня на коленях стволом влево. Когда я поднял ее и стал поворачивать вправо, тигр нагнул голову и снова прижал уши. В таком положении он оставался до тех пор, пока я был неподвижен, но стоило мне поднять винтовку чуть выше, как он вскочил и исчез в тени.

Ничего не поделаешь, тигр и во втором раунде одержал решительную победу. До тех пор пока я сижу на дереве, он не вернется, но, если уйду, он, возможно, придет за своей добычей и унесет ее. А так как он не съест всю корову за один раз, у меня будет возможность на следующий день подстеречь его.

Следовало подумать о том, где переночевать. За день я прошел двадцать миль, и перспектива проделать еще восемь до рест-хауза, к тому же лесом, не привлекала меня. В любом другом месте я отошел бы на двести — триста ярдов от убитого животного и спокойно уснул на земле, но здесь обитал леопард-людоед, а он охотится по ночам. Еще вечером, сидя на дереве, я слышал отдаленное треньканье колокольчиков, доносившееся откуда-то из деревни или загона для скота, и тогда же точно определил направление звука. Теперь я отправился в ту сторону. В Гималаях скот не содержат в стойлах, а устраивают для него в джунглях вблизи пастбищ общественные загоны. Такие загоны имеются на территории всего Кумаона. Звук, который я слышал ранее, привел меня к одному из загонов. Он представлял собой навес, обнесенный прочным частоколом, где размещалось около ста голов скота. Загон находился в глубине джунглей и не охранялся, что свидетельствовало о честности горцев и о том, что в районе Дабидхура тигры прежде не трогали домашний скот.

Ночью в джунглях все животные крайне настороженны, и если я намеревался провести ночь под защитой обитателей этого загона, мне следовало рассеять их вполне естественную подозрительность. Жители деревни Каладхунги, где я живу, держат около девятисот коров и буйволов; мне с детства приходилось иметь дело со скотом, поэтому я знаю, как с ним надо обращаться. Продвигаясь очень медленно и разговаривая с животными, я приблизился к навесу, сел, прислонившись спиной к изгороди, и закурил. Поблизости стояло несколько коров; одна из них подошла к частоколу и, просунув голову между жердями, стала влажным языком лизать мой затылок — жест дружеский, но не очень приятный, так как на высоте восемь тысяч футов ночи холодные. Выкурив сигарету, я разрядил винтовку, прикрыл ее соломой и перелез через изгородь.

Когда ночуешь в загоне для скота, нужно очень тщательно выбрать место, где лечь, потому что, если ночью поднимется тревога и животные начнут в панике метаться, находиться на

земле небезопасно. Почти в центре навеса около одного из поддерживавших его столбов, на который в случае необходимости я мог влезть, оказалось свободное местечко. Переступая через лежавших животных, отворачивая головы стоявших, чтобы пройти, я добрался до облюбованного мною места и устроился между двумя коровами, спавшими спинами друг к другу. Ночь прошла спокойно, и влезать на столб не пришлось. Живое тепло, исходившее от коров, согревало меня, а медвяно-душистый запах здоровых животных был таким приятным, что я уснул, примиренный со всем на свете, включая и леопардов-людоедов.

Солнце только вставало, когда на следующее утро, услышав голоса, я открыл глаза и увидел троих мужчин с подойниками в руках, разглядывавших меня сквозь изгородь. Придя в себя от изумления, они напоили меня парным молоком. Это было весьма кстати, ибо после завтрака, съеденного накануне, у меня во рту не было ничего, кроме воды, выпитой из того же прудика, из которого пил тигр. Отклонив приглашение пойти с ними в деревню поесть, я поблагодарил за угощение и пристанище и, прежде чем вернуться в рест-хауз, чтобы помыться и основательно подкрепиться, отправился взглянуть, куда тигр дел добычу. К своему удивлению, я нашел ее на прежнем месте. Чтобы уберечь корову от грифов и золотистоголовых орлов,[9] я прикрыл добычу ветками и лишь после этого пошел в рест-хауз.

По-моему, нигде в мире слуги не проявляют такой терпимости к причудам своих хозяев, как в Индии. Когда после двадцатичетырехчасового отсутствия я вернулся в рест-хауз, никто не выразил удивления и не задал ни единого вопроса. Меня ждали горячая ванна, чистое белье, и через некоторое время я уже сидел за завтраком из овсяной каши, яичницы-болтуньи, горячих чапати,[10] меда — подарок старого священника — и чая. После завтрака я сел около веранды на траву полюбоваться чудесным видом и обдумать планы на будущее. Я расстался со своим домом в Найни-Тале ради одной-единственной цели — убить Панарского леопарда-людоеда. Но после той ночи, когда этот хищник попытался стащить пастуха с площадки возле храма, о нем ничего не было слышно. Священник, бания и все люди из ближних и дальних деревень, которых я расспрашивал о нем, говорили, что временами он надолго исчезает, словно сквозь землю проваливается. Все они сходились на том, что наступил один из таких периодов, но никто не мог сказать, долго ли он продлится. Людоед орудовал на огромной территории, где обитало, возможно, еще десятка два леопардов. Найти на этих просторах и застрелить единственно нужного зверя, который к тому же временно перестал убивать людей, представлялось мне

безнадежной затеей.

Покончить с людоедом мне не удалось, и дальнейшее пребывание в Дабидхура было бесцельным. Оставался, правда, храмовый тигр. Но я не считал себя обязанным уничтожать этого тигра и был твердо убежден, что, если бы не преследовал его, он убил бы гораздо меньше скота. Трудно сказать, почему тигр-самец начал убивать домашний скот в день моего прибытия в Дабидхура. Прекратит ли он это делать после моего отъезда, покажет время. Во всяком случае, я приложил все усилия, чтобы убить его, возместив, насколько позволял мой кошелек, убытки, которые он причинил людям. Благодаря ему я пережил много волнующих минут. Охота была очень интересной. Поэтому я не был в обиде на него за то, что он оказался победителем в той захватывающей игре, которую мы вели с ним последние четыре дня. Эти четыре дня потребовали от меня напряжения всех сил, и сегодня я решил отдохнуть, перед тем как завтра пораньше отправиться в обратный путь — в Найни-Тал. Едва я принял это решение, как голос позади меня произнес:

— Здравствуйте, саиб. Я пришел сказать, что тигр убил у меня корову.

Итак, еще один шанс попытаться застрелить тигра. Но убью я его или нет, мой план уехать на следующий день остался неизменным.

6

Раздраженный вмешательством людей и медведей, тигр переменил место и убил последнюю жертву на восточном склоне Дабидхурской горы, в нескольких милях оттуда, где я поджидал его накануне вечером. Эта холмистая местность, покрытая редким кустарником и одиноко стоящими деревьями, — идеальное место для горных куропаток, но меньше всего можно было надеяться обнаружить здесь тигра.

Склон горы наискось пересекала неглубокая ложбина, в которой участки густого мелколесья чередовались с поросшими низкой травой полянами. Корова была убита на краю одной из таких полян. Затем тигр оттащил ее на несколько ярдов по направлению к кустам и бросил на открытом месте. По другую сторону поляны, ниже по склону, рос большой дуб. На этом дереве, единственном на сотни ярдов вокруг, я и решил дожидаться тигра.

Пока мои люди грели воду для чая, я попробовал выяснить, нельзя ли застрелить тигра, не влезая на дерево. Я был уверен,

что он залег где-то в ложбине, но, несмотря на тщательные поиски, не нашел ни малейших признаков его присутствия.

Дерево, на котором я собирался устроиться, изгибалось в сторону поляны. Его ветви часто обрубали, поэтому на нем росло множество молодых побегов. По ним легко было взобраться, но они мешали сверху видеть ствол. Футах в двадцати от земли имелся единственный нависавший над поляной большой сук, подходящий для засады, но добраться до него было трудновато и сидеть на нем не слишком удобно. В четыре часа дня я отослал людей в деревню, расположенную выше на холме, и велел там ждать меня, так как не намеревался оставаться в засаде после захода солнца.

Убитое животное, как я уже сказал, лежало на открытом месте в десяти ярдах от дерева и примерно на расстоянии ярда от густого кустарника. Я просидел на дереве уже около часа, наблюдая за бюльбюлями, обиравшими куст малины справа от меня, когда, скосив глаза в сторону коровы, увидел высовывавшуюся из-за куста голову тигра. Он, по-видимому, лежал, так как голова его находилась почти у самой земли, и смотрел на меня. Вскоре тигр протянул вперед лапу, за ней другую, потом очень медленно, не отрывая брюха от земли, подтянулся к добыче. Пролежав несколько минут неподвижно, все еще не спуская с меня глаз, нащупал губами хвост коровы, откусил его, отложил в сторону и начал есть. С тех пор как он подрался с медведем три дня назад, он ничего не ел, был очень голоден и теперь с жадностью откусывал большие куски мякоти от задней ноги коровы. Он напоминал человека, который с аппетитом ест яблоко вместе с кожурой.

Винтовка лежала у меня на коленях стволом в ту сторону, где находился тигр, нужно было лишь поднять ее к плечу. Я мог бы это сделать, если бы тигр хоть на миг отвел от меня взгляд. Но он сознавал грозившую ему опасность и, не отрывая от меня глаз, не спеша, но безостановочно ел. Когда он съел фунтов пятнадцать — двадцать мяса, а бюльбюли покинули куст малины и вместе с двумя подлетевшими к ним черношейными сойками подняли на ветках позади тигра невероятный шум, я решил, что настало время действовать. Если поднимать винтовку очень медленно, возможно, он не заметит этого. Но не успел я поднять ее на шесть дюймов, как тигр исчез за кустами, словно его оттянула мощная пружина. Держа винтовку у плеча и упираясь локтями в колени, я ждал, когда он высунет голову снова, так как не сомневался, что это скоро произойдет. Прошло некоторое время, и я услышал тигра. Он обошел кусты и, приблизившись к дереву сзади, там, где густая поросль молодых побегов не давала возможности

видеть его, начал царапать ствол. Тихонько рыча от удовольствия, он несколько раз с силой рванул когтями по дереву. А я сидел на своей ветви и трясся от беззвучного смеха.

Я знал, что воронам и обезьянам свойственно чувство юмора, но не думал до того дня, что оно присуще и тиграм. Не предполагал я также, что зверю может просто везти, что он может обладать такой дерзостью, как этот единственный в своем роде тигр. В течение пяти дней он убил пять коров, причем четырех среди бела дня. За эти пять дней я восемь раз видел его и четыре раза стрелял в него. А теперь, насытившись за полчаса, пока я вынужденно бездействовал под его взглядом, он царапал дерево, на котором я сидел, и довольным ворчанием выражал мне свое презрение.

Старый священник, рассказывая о тигре, сказал:

— Я не возражаю, саиб, чтобы вы попытались застрелить этого тигра, но ни вам, ни кому-либо другому никогда не удастся это сделать.

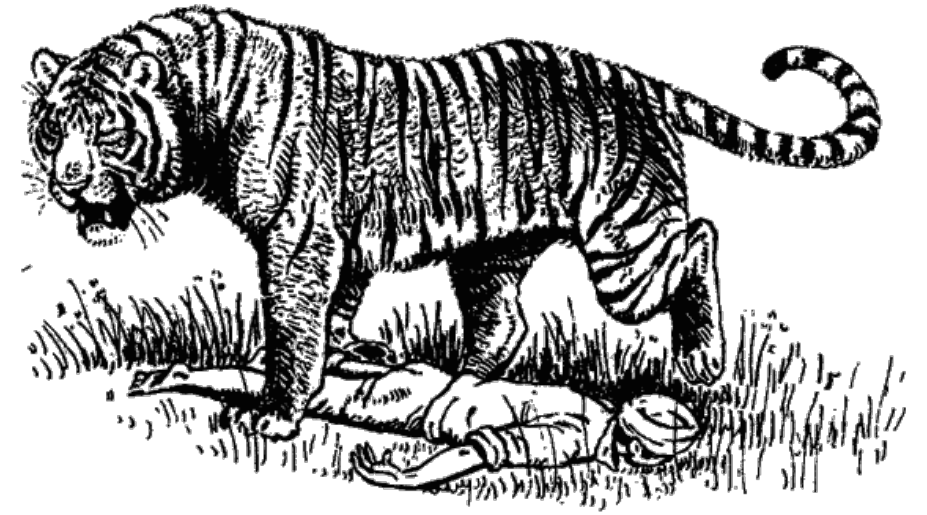
И вот тигр по-своему подтвердил слова священника. Что ж, ему принадлежит последний ход в волнующей игре, которую мы оба вели, не причинив вреда друг другу. Но я не собирался доставить ему удовольствие еще и смеяться последним. Опустив винтовку, я рупором приложил ладони ко рту, дождался, пока тигр перестал терзать дерево, и крикнул во всю мощь своих легких. Крик эхом прокатился по холмам, заставив тигра во весь опор броситься вниз по склону, а моих людей бегом примчаться из деревни.

— Мы видели, как тигр, подняв хвост, удирал, — сказали они. — Посмотрите, что он сделал с деревом.

На следующее утро я простился с друзьями из Дабидхура и заверил их, что вернусь, как только людоед снова начнет действовать.

В последующие годы, охотясь на людоедов, я не раз бывал в Дабидхура, но никогда не слышал, чтобы кому-нибудь удалось убить храмового тигра. Надеюсь, что этот старый вояка, как отслуживший службу солдат, мирно окончил свой век, когда пришло время.

ЛЮДОЕД ИЗ МУКТЕСАРА



В восемнадцати милях к северо-востоку от Найни-Тала есть гора, тянущаяся с востока на запад двенадцать — пятнадцать миль; ее высота восемь тысяч футов. Западная оконечность этой горы круто поднимается вверх, и у ее подножия расположен Муктесарский ветеринарный научно-исследовательский институт, где вырабатывают вакцины и различные препараты для борьбы с заболеваниями домашнего скота в Индии. Лаборатории и жилые помещения для сотрудников института находятся на северной стороне холма, откуда открывается один из прекраснейших видов на снежную гряду Гималайских гор. Эти горы, как и холмы, лежащие между ними и равнинной частью Индии, идут с востока на запад, и с них хорошо видны не только снежные вершины на севере, но и холмы и долины на востоке и западе. Люди, которым приходилось жить в Муктесаре, утверждают, что это одно из красивейших мест в Кумаоне и что климат там не имеет себе равных.

Тигрица, ценившая достоинства Муктесара так же высоко, как и люди, обосновалась в обширных лесах, подступавших к маленькому институтскому поселку. Здесь она счастливо жила, охотясь на замбаров, каркеров и кабанов, пока, на свою беду, не повстречалась с дикобразом. Произошла схватка, тигрица потеряла глаз, и полсотни игл, длиной от одного до девяти дюймов, вонзились ей в предплечье и в подушку правой передней лапы. Некоторые иглы, натолкнувшись на кость, загнулись в форме латинского «U»,[11] причем острие и обломанный конец почти сошлись. Там, где тигрица пыталась извлечь иглы зубами,

образовались гнойники. Однажды, когда она, голодная, лежала в густой траве и зализывала раны, какая-то женщина пришла на этот участок, чтобы нарезать травы на корм скоту. Сначала тигрица не обращала на нее внимания, но когда женщина оказалась совсем рядом, она ее ударила. Удар пришелся женщине по голове и раздробил череп. Смерть наступила мгновенно; на следующий день нашли труп женщины и увидели, что она все еще одной рукой сжимала серп, другой — пучок травы. Не тронув трупа, тигрица пошла прочь. Она проковыляла около мили и спряталась в небольшой яме под упавшим деревом. Через два дня сюда пришел мужчина, чтобы разрубить это дерево на дрова. Тигрица убила и его, разорвав при этом когтями его спину. По голому телу обильно потекла кровь. Вероятно, впервые инстинкт подсказал ей, что перед ней нечто такое, чем она может утолить свой голод. Во всяком случае, прежде чем уйти, тигрица съела небольшой кусок из спины убитого. День спустя она убила уже намеренно, без малейшего повода с его стороны, третьего человека. С этого времени она стала настоящим людоедом.

Я узнал о тигрице вскоре после того, как она начала убивать людей. Но в Муктесаре были свои охотники, жаждавшие уничтожить ее (она действовала буквально у их порога), поэтому я посчитал, что постороннему неудобно вмешиваться. Однако, когда число жертв достигло двадцати четырех и люди в поселке и соседних с ним деревнях оказались в опасности, а работа в институте была нарушена, директор института обратился к властям, чтобы они призвали меня на помощь.

Передо мной встала трудная задача. Мой опыт борьбы с людоедами был весьма ограниченным, кроме того, я совершенно

не знал той территории, на которой хозяйничала тигрица, и не представлял себе, где ее можно искать.

Я вышел в полдень из Найни-Тала в сопровождении слуги и двух человек, несших спальные принадлежности и чемодан. Пройдя десять миль до рамгархского почтового бунгало, я остановился там на ночь. Кхансама (повар, судомойка и слуга) этого бунгало был моим старым приятелем: когда он узнал, зачем я иду в Муктесар, он предупредил меня, что две последние мили пути особенно опасны, так как на этом отрезке дороги тигрица недавно убила нескольких человек.

На следующее утро я велел моим людям упаковать вещи и следовать за мной, а сам, вооружившись двуствольным штуцером 500-го калибра, стрелявшим тяжелыми пулями, ушел из бунгало. Было еще очень рано, и, когда я добрался до перекрестка дорог, одна из которых вела в Найни-Тал и Алмора, а другая в Муктесар, едва начинало светать. Отсюда простиралась территория, где господствовал людоед, поэтому дальше следовало продвигаться с максимальной осторожностью. Вначале дорога шла по ровной местности, поросшей оранжевыми лилиями. (Их семена, круглые и твердые, можно употреблять вместо дроби в шомпольных ружьях.) Затем дорога зигзагами уходила вверх по крутому склону. Я впервые поднимался на этот холм, и меня очень заинтересовали пещеры, которые образовались в нависавших над дорогой скалах из песчаника. Я представил себе, какие необыкновенные и разнообразные звуки должны рождаться в этих пещерах во время бури, ведь пещеры разной величины: одни — совсем небольшие, другие уходят, по-видимому, далеко в глубь породы.

В том месте, где дорога выходит на седловину холма, есть небольшая ровная площадка; на ее дальнем конце расположились муктесарская почтовая контора и маленький базар. В этот ранний час почта была еще закрыта, но одна из лавок уже торговала. Лавочник охотно объяснил мне, как найти почтовое бунгало, которое, по его словам, находилось на северной стороне холма на расстоянии полумили. В Муктесаре два почтовых бунгало: одно для правительственных чиновников, другое — для всех прочих. Я не знал этого, а доброжелательный лавочник, приняв меня, возможно из-за размеров моей шляпы, за должностное лицо, направил в бунгало для правительственных чиновников. В результате кхансама, заправлявший делами в бунгало, и я навлекли на себя неудовольствие находившихся там чиновников: кхансама — тем, что подал мне завтрак, я — тем, что съел его. Но в тот момент я находился в счастливом неведении относительно этого, а позже позаботился о том, чтобы кхансама никоим

образом не пострадал из-за моей ошибки.

Пока в ожидании завтрака я любовался великолепным видом снежных вершин, мимо меня прошла группа из двенадцати европейцев с боевыми винтовками. Через несколько минут за ними проследовали сержант и два солдата с флажками и мишенями для стрельбы. Сержант, добрая душа, сообщил мне, что прошедшие только что люди направляются на полигон и что они держатся вместе из-за людоедов. От него же я узнал, что накануне глава института получил правительственную телеграмму о том, что я выехал в Муктесар. Сержант выразил надежду, что мне удастся застрелить людоеда, так как, добавил он, положение в поселке стало тяжелым. Даже днем никто не осмеливается появляться на улице в одиночку, а с наступлением сумерек люди вынуждены сидеть за запертыми дверями. Многочисленные попытки убить тигрицу ни к чему не привели: она ни разу не возвращалась к своим жертвам, возле которых устраивали засаду.

После превосходного завтрака я попросил кхансаму сообщить моим людям, когда они появятся, что отправился добывать сведения о людоеде и что не знаю, когда вернусь. Захватив штуцер, я зашел сначала на почту послать матери телеграмму о благополучном прибытии в Муктесар.

Южный склон муктесарского холма, изрезанный ущельями, покрытый густым кустарником и разрозненными деревьями, сразу же от площадки перед почтой и базаром круто обрывается. Я стоял на краю этой площадки и смотрел вниз на долину и простиравшиеся за нею лесистые склоны рамгархских холмов, когда ко мне подошли почтмейстер и несколько лавочников. Поскольку полученная вчера правительственная телеграмма прошла через руки почтмейстера, он, увидев мою подпись на бланке, который я только что подал, заключил, что я и есть тот, о ком говорилось в телеграмме. Поэтому он и его друзья подошли предложить мне свою помощь. Меня это очень обрадовало: они имели наибольшую возможность беседовать со всеми, кто прибывал в Муктесар, а так как людоед, несомненно, был главной темой любого разговора, возникавшего при встрече хотя бы двух человек, они могли собрать очень ценную для меня информацию. В Индии для жителей сельской местности почта и лавка имеют то же значение, что таверны и клубы для горожан. Следовательно, если нужны какие-либо сведения, за ними лучше всего идти именно сюда.

В складке холма, на расстоянии примерно двух миль влево и тысячи футов вниз по склону, я увидел участок возделанной земли. Это был, как мне сказали, яблоневый сад Бадри Саха.

Несколько месяцев назад Бадри, сын одного моего старого приятеля, посетил меня в Найни-Тале. Он предложил остановиться в его доме для приезжих и пообещал помочь мне уничтожить людоеда. В тот раз по упомянутой выше причине я ответил отказом. Но теперь, прибыв в Муктесар по просьбе правительства, я решил воспользоваться предложением Бадри, тем более что последнего человека, как сообщили мои собеседники, тигрица убила в долине, расположенной ниже его сада.

Поблагодарив почтмейстера и лавочников и сказав им, что и в дальнейшем рассчитываю получать от них сведения о людоеде, я стал спускаться по дхарийской дороге. День только начинался, и, прежде чем зайти к Бадри, я мог успеть еще посетить несколько деревушек, лежащих восточнее на склоне холма. Я прошел около шести миль (здесь не было дорожных столбов), побывал в двух деревнях и повернул обратно. На полдороге я нагнал маленькую девочку лет восьми, безуспешно воевавшую с черным волом. Вол должен был идти в направлении Муктесара, но стремился в противоположную сторону. К моменту моего появления у них был полный разлад: ни один не желал уступить другому. Однако на поверку вол оказался старой смирной скотиной, и, когда девочка, держа обвязанную вокруг его шеи веревку, пошла вперед, а я погнал его сзади, он не причинил больше никаких хлопот. Пройдя немного, я спросил:

— Мы ведь не уводим чужого Калву, а?

Я слышал, как она называла животное этим именем.

— Не-ет, — ответила она негодующе, взглянув на меня большими карими глазами.

— Чей же он? — продолжал я.

— Отца, — сказала она.

— И куда мы его ведем?

— К моему дяде.

— А зачем твоему дяде нужен Калва?

— Поле пахать…

— Но Калва не может один пахать поле?

— Конечно нет, — ответила она.

Каким я был бестолковым! Но разве можно ожидать, чтобы саиб хоть что-нибудь смыслил в волах и пахоте.

— У твоего дяди только один вол? — упорствовал я.

— Да, — сказала она, — теперь у него один вол, но было два.

— Куда же делся второй? — спросил я, полагая, что его, наверно, продали за долги.

— Его вчера убил тигр, — ответила девочка.

Вот это новость! Пока я обдумывал ее слова, мы продолжали

путь молча. Девочка то и дело оборачивалась и поглядывала на меня, наконец собралась с духом и спросила:

— Вы приехали застрелить тигра?

— Да, я приехал попытаться застрелить тигра.

— Почему же вы уходите от того места, где лежит вол?

— Потому что нам нужно отвести Калву к твоему дяде.

Ответ, по-видимому, удовлетворил девочку, и мы побрели дальше. Я получил очень важные сведения, но хотел знать больше и вскоре задал новый вопрос:

— Разве тебе неизвестно, что этот тигр — людоед?

— Конечно, известно, — ответила она, — он съел отца Кунтхи, маму Бишона Сингха и много других людей.

— Тогда почему твой папа послал тебя с Калвой, а не пошел сам?

— У него малярия.

— А братьев у тебя нет?

— Нет. Был один брат, но он давно умер.

— А мама?

— Мама есть. Она готовит обед.

— А сестра?

— У меня нет сестры.

Так на долю этой маленькой девочки выпала опаснейшая задача отвести вола к дяде по дороге, по которой даже взрослые осмеливались ходить лишь большими группами и где, кроме нее, за все четыре часа пути я не встретил ни одной живой души.

Мы дошли до тропинки, и девочка свернула на нее, вол последовал за девочкой, а я за ним. Вскоре показалось поле, на дальнем краю которого стоял небольшой дом. Когда мы приблизились к дому, девочка крикнула, что привела Калву.

— Хорошо, Путли,[12] — ответил из дома мужской голос, — привяжи его к столбу и иди домой: я ем.

Мы привязали Калву к столбу и вернулись на дорогу. Лишившись связующего звена — Калвы, Путли застеснялась и ни за что не хотела идти со мной рядом. Мне пришлось идти впереди, приноравливаясь к ее шагу. Некоторое время мы молчали, затем я сказал:

— Я хочу застрелить тигра, который убил вола твоего дяди, но не знаю, где этот вол находится. Ты мне покажешь?

— О да, конечно, — проговорила она с готовностью.

— Ты видела убитого вола?

— Нет, но я слышала, как дядя рассказывал, где он лежит.

— Это близко от дороги?

— Не знаю.

— Вол был один, когда на него напал тигр?

— Нет, он был с деревенским стадом.

— Тигр убил его утром или вечером?

— Утром, когда стадо шло пастись.

Разговаривая с девочкой, я зорко поглядывал по сторонам: дорога была узкая, слева ее окаймлял густой лес, а справа — не менее густой кустарник. Мы прошли около мили, когда увидели протоптанную скотом тропу, она вела в джунгли. Девочка остановилась и сказала, что вол, по словам дяди, был убит именно на этой тропе. Теперь я знал все необходимое, чтобы найти убитое животное, и, благополучно проводив девочку до дому, вернулся на тропу. Тропа пересекала долину; пройдя по ней около четверти мили, я обнаружил место, откуда стадо обратилось в бегство. Сойдя с тропы, я направился параллельно ей через джунгли и очень скоро набрел на след волока, который вел в долину. Через несколько сот ярдов я нашел вола. Он лежал футах в сорока от начала глубокого оврага. Тигрица съела лишь небольшую часть задней ноги. Между ним и оврагом росло чахлое дерево, увитое дикой розой. Это было единственное подходящее для засады дерево. Ночь предстояла безлунная, и если тигрица явится после наступления темноты (в чем я не сомневался), чем ближе я окажусь к добыче, тем больше у меня будет шансов убить зверя.

Было два часа пополудни — самое время зайти к Бадри и попросить у него чашку чаю, в котором я очень нуждался после продолжительной ходьбы, ведь я покинул Рамгарх в четыре часа утра. Дорога к саду Бадри начиналась неподалеку от места слияния тропы, проложенной скотом, с дхарийской дорогой и на протяжении мили шла по склону крутого холма сквозь густой кустарник. Я нашел Бадри поблизости от принадлежавшего ему дома для приезжих; он занимался поврежденной яблоней. Узнав о цели моего посещения, он пригласил меня в дом, стоявший на небольшом холме над садом. Мы устроились на веранде, и, пока слуга готовил для меня чай и еду, я рассказал Бадри о цели своего приезда в Муктесар и об убитом воле, которого девочка помогла мне разыскать. Когда я спросил Бадри, почему об этой жертве не известили охотников в Муктесаре, он ответил, что, поскольку их попытки застрелить тигра всякий раз кончались неудачей, крестьяне перестали им верить, а заодно и сообщать о новых жертвах. Неудачи охотников Бадри объяснял слишком тщательными приготовлениями к засаде: возле убитого животного вырубали кусты и низкие деревья, затем сооружали большой махан и на нем размещалось по нескольку человек сразу. Неудивительно, что тигр никогда не возвращался к своей добыче.

Бадри утверждал, что в районе Муктесара обитал только один тигр и что он прихрамывает на переднюю правую лапу, но не знал причин хромоты, а также самец это или самка.

На веранде подле нас лежал эрдельтерьер. Вдруг он, глядя в сад, зарычал. Посмотрев туда же, мы увидели большого лангура, который сидел на земле и, пригнув ветку яблони, поедал незрелые плоды. Бадри схватил прислоненный к перилам веранды дробовик и, зарядив его четвертым номером дроби, выстрелил. Расстояние до зверя было слишком велико, и дробь, даже попав в лангура, не могла причинить ему вреда, но выстрел заставил его броситься вверх по склону, а собаку — в погоню за ним. Опасаясь, как бы собака не попала в беду, я попросил Бадри вернуть ее, но он ответил, что беспокоиться нечего, так как она постоянно гоняется за этим лангуром — он портит молодые деревья. Собака нагоняла лангура; когда между ними оставалось всего несколько ярдов, лангур быстро повернулся, схватил терьера за уши и откусил у него кусок шкуры с головы. Рана оказалась серьезной. Пока мы ее обрабатывали, поспел мой чай и горячие пури.[13]

Я рассказал Бадри, какое дерево выбрал для засады, и, когда собрался уходить, он настоял на том, чтобы сопровождать меня вместе с двумя людьми, которые захватили все необходимое для сооружения маленького махана. Свыше года они жили под угрозой смерти от клыков и лап людоеда и не питали в отношении него никаких иллюзий. Поэтому когда они увидели, что возле убитого вола нет подходящих деревьев, то стали упорно советовать мне отказаться в ту ночь от засады, уверяя, что тигр перетащит свою добычу в другое место и следующей ночью я смогу устроиться надежнее. Я бы так и поступил, не будь тигр людоедом. Но он был людоедом, и я не хотел, пусть даже с некоторым риском для себя, упустить случай, который на другой день мог не представиться. В этом лесу водились медведи, а гималайские медведи относятся к тиграм без почтения и, не колеблясь, присваивают их добычу. Поэтому, если хоть один из них учует вола, мне придется расстаться с надеждой застрелить людоеда. Взобраться на дерево, увитое розой, — подвиг. Когда я устроился на нем настолько удобно, насколько позволяли колючки, мне подали винтовку, и Бадри со своими людьми ушел, пообещав вернуться на следующий день рано утром.

Я расположился лицом к холму, спиной — к оврагу. Любое животное, которое спускалось бы по склону, могло ясно видеть меня, но я рассчитывал, что тигр появится снизу и не заметит меня, пока не подойдет к добыче. Вол, белый, лежал на правом боку ногами в мою сторону примерно на расстоянии пятнадцати

футов. Я залез на дерево в четыре часа дня, а часом позже на краю оврага двумястами ярдами ниже закричал каркер: появился тигр, и каркер, заметив его, поднял тревогу. Крик каркера слышался хорошо, потом все слабее и слабее, пока не замер за выступом холма. Это означало, что тигр залег, увидев свою добычу. После рассказа Бадри о причинах неудачи при попытках убить тигра возле его жертвы я предвидел, что это случится. Тигр будет лежать, прислушиваясь и глядя в оба, пока не убедится, что рядом с добычей нет человека, и лишь после этого подойдет к ней. Шло время, спустились сумерки; очертания предметов стали неясными, потом вовсе исчезли. Вол еще смутно белел, когда где-то в овраге треснула ветка и крадущиеся шаги стали приближаться ко мне; шаги смолкли совсем рядом. Минуту или две стояла мертвая тишина, потом я услышал, как тигр улегся на сухие листья под моим деревом.

На закате сгустились облака, и теперь тучи сплошным пологом закрывали звезды. Вокруг было черным-черно, когда тигр наконец встал и направился к добыче. Как я ни напрягал зрение, мне не удавалось разглядеть ни белого вола, ни тем более тигра. Подойдя к добыче, он начал на нее дуть. В Гималаях, особенно летом, трупы животных привлекают массу шершней, большая часть которых улетает с наступлением темноты, но некоторые, отяжелев от выпитой крови, не могут взлететь и остаются на месте. Тигр, возможно, имел уже горький опыт и теперь, прежде чем приступить к еде, сдувал присосавшихся к волу насекомых. Мне не имело смысла торопиться с выстрелом: как ни близко находился тигр, он не увидит меня, если я не привлеку его внимания каким-либо движением или звуком. Безлунной ночью я довольно хорошо вижу при свете звезд, но в ту ночь не было ни звезд, ни даже вспышек молнии. Я знал, однако, что тигр лежит ко мне боком, по правую сторону от добычи, так как он не двигал вола, прежде чем начал есть.

Так как уже предпринимались неоднократные попытки убить тигра, я не ждал его прихода до наступления темноты и заранее решил, пользуясь светом звезд, прицелиться, куда будет возможно, затем передвинуть ствол винтовки так, чтобы пуля прошла на один или два фута правее вола. Но тучи закрыли звезды, я ничего не видел и мог рассчитывать только на свои уши — у меня был превосходный слух в то время. Подняв штуцер и упираясь локтями в колени, я тщательно прицелился в направлении звука, который издавал тигр, и, стараясь не сдвинуть ружье, повернул голову в сторону звука. Я взял прицел немного выше, чем следовало, поэтому чуточку опустил штуцер, снова повернул голову и прислушался. Проделав это несколько

раз и убедившись, что целюсь точно на звук, сдвинул ствол ружья немного вправо и нажал на спуск. Двумя прыжками тигр достиг двадцатифутового края оврага, где имелась небольшая ровная площадка, за которой начинался крутой подъем. Я слышал, как тигр шуршал сухими листьями на этой площадке, потом все стихло. Наступившая тишина могла означать и то, что тигр умер, и то, что он даже не ранен. Минуты три-четыре я держал штуцер у плеча, напряженно прислушиваясь. Не раздалось ни звука, и я опустил ружье. В ответ на это движение с высокого края оврага донеслось глухое рычание: значит, тигр невредим и видит меня.

Когда я устраивался на дереве, ветка, на которую я сел, находилась в десяти футах от земли, но под тяжестью моего тела она прогнулась, и расстояние сократилось до восьми футов, ноги свисали еще ниже. А всего в каких-нибудь двадцати футах от меня, выше по склону, грозно рычал тигр-людоед.

Даже днем близость тигра, если он вас и не видит, заставляет сердце биться учащенно. Но ночью, к тому же темной, сердце вовсе готово выскочить из груди. Я убежден, что, если тигра не провоцируют, он убивает лишь для того, чтобы утолить голод. Наблюдавший за мною тигр был обеспечен едой на два-три дня, значит, ему незачем было меня убивать. Тем не менее я опасался, что в данном случае именно этот тигр может оказаться исключением из правила. Я знал все же, несмотря на владевшее мною беспокойство, что мне нечего бояться, пока нахожусь на дереве, то есть пока не свалюсь, уснув или потеряв равновесие: мне не за что было держаться. Я не видел более причин отказывать себе в удовольствии закурить и достал портсигар. Как только я чиркнул спичкой, тигр отскочил подальше от края оврага. Скоро он вернулся и снова зарычал. Я выкурил три сигареты, а он все не уходил. Тем временем пошел дождь. Сначала упало несколько крупных капель, затем начался сильный ливень. Выходя утром из Рамгарха, я оделся очень легко. Надо мной не было ни листочка, поэтому через несколько минут я промок до нитки. С первыми же каплями дождя тигр, конечно, поспешил укрыться под каким-нибудь деревом или скалой. Дождь начался в одиннадцать часов ночи, прекратился в четыре, и небо прояснилось. На мою беду, поднялся ветер, и если раньше мне было только холодно, то теперь я просто замерзал. Когда у меня начинается приступ ревматизма, я вспоминаю эту ночь и ей подобные и радуюсь, что еще легко отделался.

Как только стало подниматься солнце, пришел Бадри, добрый друг, с человеком, который нес чайник с горячим чаем. Они взяли у меня штуцер, потом подхватили меня самого, когда я соскользнул с дерева: мои ноги затекли и не слушались. Я лег на

землю и стал пить чай, а они массировали мне ноги, чтобы восстановить кровообращение. После того как я смог встать, Бадри отослал человека разжечь огонь в доме для приезжих.

Мне никогда прежде не приходилось целиться на слух, и я обрадовался, обнаружив, что пуля прошла всего в нескольких дюймах от головы тигра. Угол прицела был правильным, но я недостаточно подвинул ствол ружья вправо, поэтому пуля попала в вола в шести дюймах от места, где находилась голова тигра.

Горячий чай и быстрая ходьба вернули мне хорошее самочувствие, и на пути к саду Бадри мне мешали только мокрая одежда и пустой желудок. Дорога пролегала по красной глине и была очень скользкой после дождя. На ней отпечатались три пары следов: Бадри и его человека — вверх по дороге и следы человека в обратном направлении. На протяжении пятидесяти ярдов на мокрой глине виднелись только эти три пары следов, но на повороте дороги сверху спрыгнула тигрица и пошла по пятам за человеком Бадри. Его следы и отпечатки лап тигрицы показывали, что оба шли быстро. Ни Бадри, ни я не могли в тот момент ничего предпринять. Человек ушел на двадцать минут раньше нас, и, если он не успел благополучно добраться до сада, никакая помощь ему уже не требовалась. Одолеваемые мрачными мыслями, мы заспешили, насколько позволяла скользкая дорога, и облегченно вздохнули лишь тогда, когда достигли тропинки, откуда увидели сад и работавших в нем людей, так как в этом месте обнаружили, что тигрица проследовала вниз по дороге, а человек свернул к саду. Позже выяснилось, что он даже не подозревал о близости тигрицы.

Пока мое платье сушилось перед пылающим очагом, я расспрашивал Бадри о джунглях, куда направилась тигрица. Он рассказал, что тропа, по которой она ушла, ведет в глубокий, заросший лесом овраг, тянущийся одну-две мили по склону очень крутого холма; справа к этому оврагу примыкает другой. Там, где они соединяются, протекает ручей, а около него есть открытая площадка, откуда хорошо виден выход из обоих оврагов. Бадри считал, что на день тигрица скорее всего заляжет в овраге, куда она, очевидно, и направилась. Овраг, судя по всему, — идеальное место для загона, поэтому мы решили попытаться использовать этот способ покончить с тигрицей, если удастся набрать достаточное количество людей. Бадри позвал своего старшего садовника Говинда Сингха, и мы объяснили ему наш план. Он попросил дать ему время до полудня, чтобы иметь возможность выделить тридцать человек для загона и выполнить распоряжение хозяина собрать пять маундов[14] (410 фунтов) гороха. Помимо яблоневого сада, Бадри принадлежал обширный огород, а

накануне вечером он получил телеграмму, что цены на горох мозговых сортов на рынке в Найни-Тале подскочили до четырех анна[15] за фунт. Бадри не хотелось упускать возможность хорошо продать товар, поэтому все люди были заняты сбором гороха, чтобы вечером отправить его на вьючном пони к утреннему базару в Найни-Тал.

Я вычистил штуцер, прогулялся по саду, затем позавтракал с Бадри (в связи с предстоящим загоном завтрак подали на час раньше), а в полдень Говинд привел обещанных людей. Поскольку кто-то должен был присматривать за сборщиками гороха, Бадри решил остаться, а Говинда послать со мной. И Говинд, и все остальные тридцать человек были местными жителями и хорошо понимали, какую опасность представляет тигр-людоед. Тем не менее, когда я объяснил, что им предстоит делать, они выразили полную готовность выполнять все мои указания. Мы договорились, что сначала я осмотрю овраг и попытаюсь найти тигрицу; если мне не удастся ее застрелить — устроюсь на открытой площадке возле ручья. На это мне давался один час. Говинд тем временем должен был разделить людей на две группы, одну возглавить сам, для другой подобрать надежного человека. По истечении часа Бадри выстрелит. По этому сигналу обе группы двинутся по противоположным сторонам оврага, крича, хлопая в ладоши и сбрасывая вниз камни. Казалось, все очень просто, но у меня не было полной уверенности в успехе, потому что я не раз видел неудачные загоны.

Пройдя небольшое расстояние по тропинке, по которой утром направлялась тигрица, я обнаружил, что она теряется в огромных просторах густого кустарника. Я с трудом пробрался на несколько сотен ярдов вглубь и увидел, что склон холма изрезан глубокими оврагами. Спустившись по краю одного из них, я принял его за правую сторону того оврага, где должен был проводиться загон, вышел к другому обрыву, у подножия которого соединялось несколько оврагов и протекал ручей. Пока я взглядом искал внизу открытый участок, где мне следовало находиться во время загона, мое внимание привлек рой мух, гудевших где-то поблизости. Проследив, откуда шел звук, я увидел останки коровы, убитой, вероятно, неделю назад. Следы на шее животного говорили о том, что ее убил тигр. Он съел корову почти целиком, оставив лишь часть передних ног, шею и голову. Я подтащил остов коровы к краю обрыва и сбросил вниз. Скатившись ярдов на сто, он угодил в небольшую впадину недалеко от ручья. Слева на гребне в трехстах ярдах от этой впадины я увидел открытую площадку. Местность сильно отличалась от той, какую я себе представлял. Здесь неоткуда было наблюдать за склоном холма, намеченного

для загона, и тигрица могла появиться совершенно неожиданно. Но менять что-либо было поздно, так как Бадри уже выстрелил, следовательно, загон начался. Вскоре вдали послышались крики людей. Некоторое время мне казалось, что они приближаются, но крики становились все слабее и наконец замерли где-то в стороне. Через час я снова услышал голоса загонщиков, они спускались с холма справа от меня. Когда мы оказались на одной высоте, я крикнул им, чтобы они прекратили загон и присоединились ко мне. Винить было некого в том, что облава сорвалась. Не зная местности, без предварительной подготовки, мы пытались с горсткой необученных людей прочесать громадное пространство, покрытое густыми зарослями, — такая задача была бы трудна даже для сотни опытных загонщиков.

Участникам загона сильно досталось, когда они пробирались сквозь кустарник. Теперь они кучкой сидели на земле, курили сигареты, которыми я их угостил, и вытаскивали из рук и ног занозы. Мы с Говиндом стояли друг против друга и обсуждали его предложение провести завтра еще один загон с участием всего мужского населения Муктесара и окружающих деревень. Вдруг Говинд смолк на полуслове. Что-то позади меня привлекло его внимание: глаза его сузились, а на лице появилось выражение крайнего изумления. Быстро обернувшись, я увидел, что за ручьем по склону холма через заброшенное поле спокойно шла тигрица. Она направлялась в нашу сторону, и от нас ее отделяло ярдов четыреста.

* * *

Если вы задумали убить или сфотографировать тигра в лесу, то в тот момент, когда животное уже приближается к вам, вас всегда охватывает тревога — как бы что-нибудь не помешало. Однажды я сидел на склоне холма и следил за звериной тропой, поджидая тигра. Тропа вела к высокочтимой святыне, известной под названием Барам-ка Тхан[16] *{так}*. Барам — бог джунглей, который защищает людей и не разрешает убивать животных в своих владениях. Лес, где в самом сердце находится святыня, очень богат дичью и является излюбленным местом охоты окрестных браконьеров. Сюда же стекаются охотники-спортсмены со всех концов Индии. Однако за всю жизнь я ни разу не слышал, чтобы какое-либо животное убили вблизи от святыни. Поэтому, намереваясь в тот день застрелить тигра, «взимавшего дань» буйволами с деревень этого района, я выбрал место в миле от святыни бога Барама. В четыре часа дня я расположился за

кустом, а часом позже в том направлении, откуда я ждал тигра, раздался крик замбара. Немного погодя ближе ко мне закричал каркер — тигр шел по тропе, у которой я засел. Джунгли в этом месте были редкими и состояли преимущественно из молодых деревьев двух-трех футов в обхвате. Тигра, крупного самца, я заметил еще на расстоянии двухсот ярдов. Он двигался не спеша. Когда расстояние между нами сократилось до ста ярдов, послышался какой-то свистящий звук. Взглянув вверх, я увидел, что одно из деревьев, ветви которого переплелись с ветвями стоявшего рядом дерева, начало клониться книзу. Оно клонилось очень медленно, пока не зацепилось кроной за соседнее дерево той же породы и почти такого же размера. Несколько минут второе дерево поддерживало первое, потом оба наклонились градусов на тридцать и задели третье, более низкое. Секунду или две деревья простояли в таком положении, затем все вместе рухнули на землю. Наблюдая за деревьями, находившимися всего в нескольких ярдах от меня, я не спускал глаз и с тигра. Как только раздался необычный шорох листьев, тигр остановился, а когда деревья с шумом упали, он, не выказав ни малейшей тревоги, повернулся и ушел в том направлении, откуда пришел. Все происшедшее выглядело прямо-таки фантастически: рухнули молодые, крепкие деревья; дожди, которые могли бы подмыть их корни, последнее время не выпадали; в лесу — ни дуновения ветерка; наконец, деревья упали поперек тропы, ведущей к святыне, как раз в тот момент, когда тигру оставалось пройти всего несколько ярдов и он был бы убит.

Еще легче потерять возможность выстрелить, если животное, на которое охотишься, обитает в населенной местности, где люди ходят из одной деревни в другую, на рынок или обратно, прогоняют выстрелами лангуров из яблоневых садов и т. д.

* * *

Тигрице оставалось пройти до ручья еще триста ярдов, из них двести — по открытому месту без единого дерева или кустика. Ее путь шел под углом к нам, и она могла заметить любое наше движение, поэтому мы замерли, наблюдая за ней: ни одна тигрица не двигалась медленнее этой. Жители Муктесара называли ее хромой, но я не обнаружил у нее никаких признаков хромоты. Я следил за нею, и у меня созрело решение дождаться, пока она войдет в кустарник, затем пробежать вперед и попытаться застрелить ее до или после того, как она перейдет ручей. Будь между мной и местом, куда она направлялась,

достаточно растительности, я сразу поспешил бы ей навстречу и попытался убить ее на открытом участке, а в случае неудачи — у ручья. Но, к сожалению, местность не позволяла передвигаться незаметно, и я вынужден был ждать. Как только тигрица исчезла из виду, я велел людям молчать и не двигаться до моего возвращения, а сам бегом направился по склону холма. Холм был очень крутым; пересекая его по горизонтали, я налетел на огромный, разросшийся на много ярдов вверх и вниз куст дикой розы. Посредине куста имелось нечто вроде низкого туннеля. Когда я нагнулся, чтобы проскочить через него, с меня слетела шляпа, а в конце туннеля я слишком поспешно разогнулся, колючки впились мне в голову и я чуть не упал. Шипы дикой розы изогнуты и очень крепки, а так как я не мог сразу остановиться, некоторые обломились и застряли у меня в голове (сестра Мэгги с большим трудом извлекла их, когда я попал домой), разорвав кожу до кости. Кровь струйками текла по лицу, но я продолжал бежать, пока не показалась ложбина, куда я столкнул останки коровы. Ложбина имела около сорока ярдов в длину и тридцать в ширину. Ее более высокая часть, где лежала корова, а также дальний край и склон холма над ним густо заросли кустарником; нижняя часть впадины и край, на котором находился я, не имели растительности. Нагнувшись над краем ложбины, я услышал хруст костей: тигрица достигла ложбины раньше меня и, найдя старую добычу, пыталась возместить потерю прошлой ночи.

Если, покончив с тем немногим, что оставалось от коровы, тигрица выйдет на открытое место, я смогу в нее выстрелить, но если она направится вверх по холму или на дальний край впадины, я даже не увижу ее. Из густых зарослей, где она находилась, в мою сторону вела узкая тропинка, проходившая в ярде слева от меня; за нею, также на расстоянии ярда, начинался пятидесятифутовый обрыв к ручью. Я раздумывал, не бросить ли в кустарник на холме камень, чтобы заставить тигрицу выйти оттуда на открытый участок, как вдруг услышал позади себя шорох. Обернувшись, я увидал Говинда с моей шляпой в руке. В те времена в Индии ни один европеец не ходил с непокрытой головой; найдя под розовым кустом мою шляпу, Говинд подобрал ее и принес мне. Неподалеку в склоне холма была небольшая расселина. Приложив палец к губам в знак молчания, я втиснул в нее Говинда. Сидя на корточках, подпирая коленями подбородок и прижимая к себе шляпу, он выглядел очень несчастным, так как всего в нескольких ярдах от него тигрица с хрустом разгрызала кости. Когда я вернулся к краю впадины, тигрица перестала есть — то ли заметила меня, то ли, что более вероятно, падаль пришлась ей не по вкусу. С минуту из впадины не раздавалось ни

звука, потом я увидел тигрицу. Она направлялась вдоль противоположного края впадины к холму. Там, где она проходила, росли молодые тополя дюймов по шесть в обхвате. За их стволами тигрицы почти не было видно. В отчаянной надежде, что моя пуля минует дерево и сама найдет тигрицу, я вскинул штуцер и поспешно выстрелил. Тигрица резко повернулась, спрыгнула с края впадины и напрямик по тропе быстро направилась в мою сторону. Тогда я не знал, что пуля попала в ствол возле ее головы и что она была слепа на один глаз, поэтому стремление испуганного зверя убежать от опасности (она не могла определить, откуда раздался выстрел) я принял за обдуманное намерение напасть на меня. Как бы то ни было, я полагал, что раненая рассвирепевшая тигрица несется прямо на меня. Подпустив ее на расстояние двух ярдов, я подался вперед и всадил в нее последний оставшийся заряд. Он попал ей между плечом и шеей. Это была огромная удача: пуля, выпущенная из тяжелого штуцера 500-го калибра, не позволила тигрице нанести мне удар, а сила инерции стремительного прыжка увлекла ее к пятидесятифутовому обрыву, откуда она упала в ручей. Шагнув к обрыву, я глянул вниз: туловище тигрицы погрузилось в воду, а лапы торчали в воздухе; вода в ручье быстро краснела.

Говинд все еще сидел в своем укрытии. Я сделал ему знак подойти. Увидев тигрицу, он закричал ждавшим нас на гребне людям:

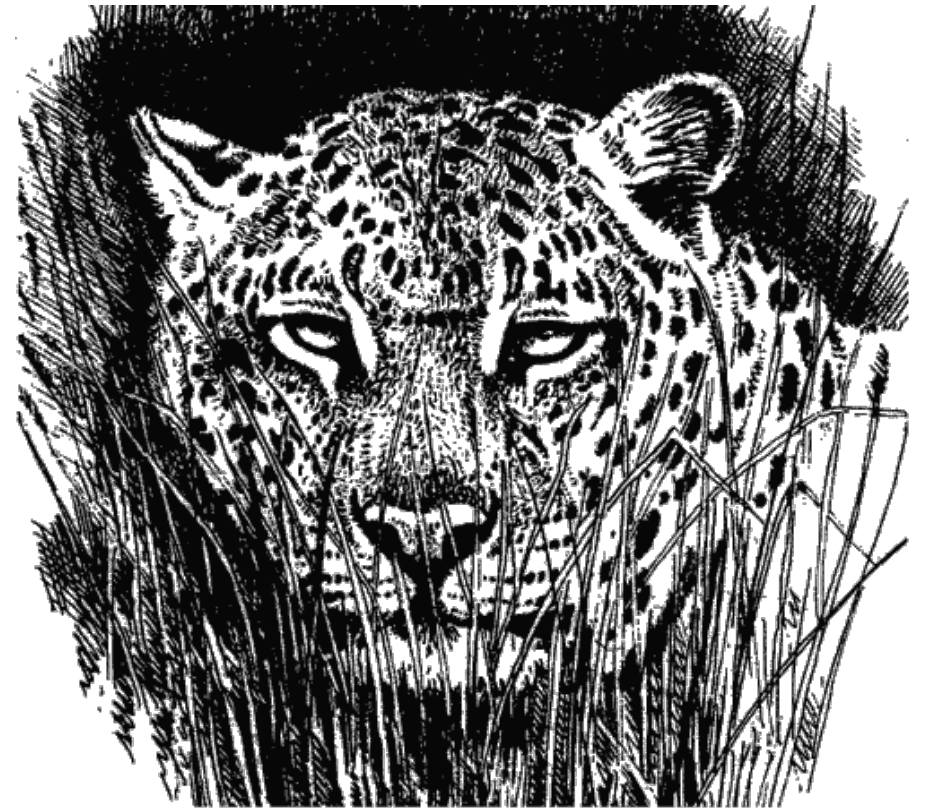
— Тигр убит! Тигр убит!

Воздух огласился криками наших загонщиков. Услыхав их, Бадри схватил дробовик и выстрелил из него десять раз подряд. Выстрелы донеслись до Муктесара и окружающих деревень, и вскоре к ручью со всех сторон стали стекаться люди. Чьи-то руки с готовностью вытащили тигрицу из ручья, привязали к шесту и с триумфом понесли к саду Бадри. Здесь ее положили на подстилку из соломы для всеобщего обозрения, а я пошел в дом выпить чашку чаю. Через час при свете фонарей и при большом скоплении людей, среди которых находилось и несколько охотников из Муктесара, я снял с тигрицы шкуру. Тут-то я и обнаружил, что она была слепа на один глаз и что в ее предплечье и подушке правой передней лапы сидело около пятидесяти игл дикобраза. В десять часов вечера, отклонив любезное приглашение Бадри переночевать у него, я вместе с возвращавшимися домой людьми и двумя моими помощниками, несшими шкуру, направился в Муктесар. На площадке перед почтой мы разложили шкуру, чтобы почтмейстер и его друзья могли ею полюбоваться. В полночь я добрался до почтового бунгало, предназначенного для простых смертных, чтобы хоть

несколько часов поспать. Через четыре часа я снова был на ногах, а в полдень, после трехдневного отсутствия, — у себя дома в Найни-Тале.

Уничтожение людоеда приносит чувство глубокого удовлетворения. Удовлетворения оттого, что необходимое дело сделано, что побежден достойный противник, притом в его родной стихии. Но самую большую радость доставляет сознание, что теперь маленькая храбрая девочка может спокойно ходить хотя бы по небольшой части своей родной земли.

ПАНАРСКИЙ ЛЮДОЕД



1

О леопарде-людоеде, который терроризировал население деревень восточной части Алморского округа, я услышал в 1907 году, когда охотился на Чампаватского тигра. У леопарда было несколько имен, ему приписывали убийство четырехсот человек, о нем поступали запросы в палату общин. Мне о нем сообщили как о Панарском людоеде, так я и буду называть его в своем рассказе.

Вплоть до 1905 года в правительственных отчетах нет никаких сведений о людоедах, поэтому можно предположить, что до Чампаватского тигра и Панарского леопарда людоедов в Кумаоне не было. Появление этих двух людоедов, уничтоживших на территории провинции 836 человек, поставило власти в затруднительное положение, так как они не располагали никакими средствами для борьбы с хищниками и потому

оказались вынужденными прибегнуть к помощи охотников-спортсменов. К сожалению, в те времена в Кумаоне очень немногие занимались охотой на тигров и леопардов, считавшейся — справедливо или несправедливо — настолько же опасной, как предпринятая несколькими годами позже попытка Вильсона в одиночку покорить Эверест. Тогда я знал о людоедах так же мало, как Вильсон об Эвересте, и то, что мое предприятие увенчалось успехом, а он потерпел неудачу, — чистая случайность.

Когда, убив Чампаватского тигра, я вернулся в Найни-Тал, правительство обратилось ко мне с просьбой уничтожить Панарского леопарда. Так как у меня было очень много работы, прошло несколько недель, прежде чем я смог найти время, чтобы снова отправиться на охоту. Когда я собрался ехать в отдаленный район Алморского округа, где свирепствовал леопард, мне передали настоятельную просьбу комиссара Найни-Тала Бертауда помочь жителям Муктесара, терроризируемым тигром-людоедом. Лишь после того, как был убит тигр, о чем рассказывалось выше, я отправился охотиться на Панарского леопарда.

Мне не приходилось прежде бывать в том обширном крае, где орудовал леопард, поэтому я поехал через Алмора, надеясь получить о нем как можно больше сведений от комиссара Стиффа. Он любезно пригласил меня позавтракать, снабдил картами, но на прощание поверг в некоторое замешательство, спросив, сознаю ли я, какому риску подвергаюсь, и написал ли завещание.

Судя по картам, до нужного места можно было добраться через Панванаулу по питхорагорской дороге и через Ламгару дабидхурской дорогой. Я выбрал последнюю и после второго завтрака, в хорошем настроении, несмотря на упоминание о завещании, отправился в путь в сопровождении одного слуги и четырех носильщиков, которые несли багаж. Мои люди и я уже проделали в тот день нелегкий четырнадцатимильный переход из Хаирны, но мы были молодыми, сильными, закаленными и могли пройти еще столько же до конца дня.

Всходила луна, когда мы добрались до маленького, стоявшего обособленно здания. Каракули на стенах и валявшиеся повсюду куски бумаги говорили о том, что оно использовалось под школу. Дверь школы оказалась запертой, и мы решили провести ночь во дворе. Это было совершенно безопасно, так как мы находились еще далеко от охотничьих владений людоеда. Небольшой двор примыкал к дороге; с трех сторон его огораживала стена высотой в два фута, с четвертой — здание школы.

В джунглях позади школы имелось достаточно топлива, и скоро мои люди разожгли костер в углу двора, а слуга занялся

приготовлением обеда. Я прислонился спиной к запертой двери и закурил. Слуга положил баранью ногу на низкую стену, за которой была дорога, и отвернулся присмотреть за огнем. Вдруг над стеной, рядом с бараньей ногой, появилась голова леопарда. Я сидел неподвижно, как зачарованный, и наблюдал — леопард был прямо напротив меня: как только слуга отошел в сторону, леопард схватил мясо, прыгнул через дорогу и скрылся в джунглях. Мясо лежало на большом листе бумаги; услышав шуршание и решив, что какая-то собака схватила мясо, мой слуга с криком бросился вдогонку. Но затем, сообразив, что имеет дело не с собакой, а с леопардом, он круто повернулся и еще быстрее помчался обратно. На Востоке всех европейцев считают не совсем нормальными не только по той причине, что они расхаживают в самую жару, и, боюсь, мой добрый слуга, увидев, что я смеюсь, подумал тогда, что я ненормальный в еще большей степени, чем остальные люди моей расы, — уж очень удрученно он произнес:

— Ведь леопард ваш обед утащил и у меня нет ничего другого.

Однако, к его чести, он вскоре подал еду, которой я отдал должное, так же как, я уверен, голодный леопард — превосходной бараньей ноге.

Назавтра мы рано утром двинулись в путь, остановились в Ламгаре поесть, а к вечеру добрались до почтового бунгало в Доле, откуда начинались владения людоеда. На следующее утро, оставив своих людей в бунгало, я отправился собрать сведения о леопарде. Я обошел несколько деревень, внимательно разглядывая каждую тропинку в поисках следов леопарда, и поздним вечером вышел к одинокому хутору, представлявшему собой каменный дом с шиферной крышей, к которому примыкало несколько акров обработанной земли. Хутор со всех сторон обступали густые заросли кустарника. На тропинке, ведущей к дому, я обнаружил отпечатки лап леопарда-самца.

Когда я приблизился к дому, на узком балкончике появился человек. Он спустился по деревянным ступеням и направился мне навстречу. Это был молодой мужчина лет двадцати двух; по его лицу я видел; что у него большое горе. Оказалось, прошлой ночью, когда он и его жена спали на полу единственной комнаты, дверь которой оставалась открытой (стоял апрель, и было очень жарко), на балкон взобрался людоед, схватил женщину за горло и потащил прочь. Она приглушенно вскрикнула и схватилась рукой за мужа. Мгновенно сообразив, что произошло, молодой человек одной рукой поймал ее руку, другой уперся в дверной косяк, вырвал жену у леопарда и захлопнул дверь. Остаток ночи он и жена провели, дрожа от страха, в углу комнаты, прислушиваясь,

как леопард пытается сорвать дверь. Из-за жары и духоты раны женщины начали гноиться, и к утру от страданий и страха она потеряла сознание.

Весь день молодой человек просидел возле жены; он боялся оставить ее одну — ведь леопард мог вернуться и утащить ее, да и сам он был так напуган, что не сумел заставить себя пройти джунглями милю до ближайшего соседа. День клонился к вечеру. Бедняге предстояла еще одна ужасная ночь, когда он увидел, как я направляюсь к его дому. Выслушав его рассказ, я перестал удивляться тому, что он со слезами на глазах выбежал мне навстречу.

Я оказался в затруднительном положении. До того времени я не обращался к правительству с ходатайством обеспечить людей в районах, где орудовал людоед, средствами первой помощи. Никаких медикаментов нельзя было найти ближе, чем в Алмора, а до Алмора — двадцать пять миль. Чтобы оказать женщине помощь, мне пришлось бы отправиться туда самому, а это означало бы обречь ее мужа на безумие: он уже вынес столько, сколько вообще может вынести человек, и еще одна ночь в этой комнате, куда снова мог попытаться проникнуть леопард, несомненно, окончилась бы для него сумасшедшим домом.

Жена молодого человека — ей было лет восемнадцать — лежала на спине, когда леопард схватил ее за горло. В тот момент, когда муж потянул ее к себе, леопард, чтобы удержать добычу, вонзил когти передней лапы ей в грудь. В результате на груди женщины оказались четыре глубокие раны. В душной маленькой комнате без окна, где гудел рой мух, раны на горле и груди женщины стали сильно гноиться, и надежды на то, что она выживет, — будет ей оказана медицинская помощь или нет — почти не оставалось. Поэтому я решил никуда не ходить и провести ночь с ними. От души надеюсь, что никому из читателей этого рассказа никогда не придется видеть и слышать страдания живого существа — человека или животного, который имел несчастье побывать в лапах у тигра или леопарда, и к тому же не располагать никакими средствами, кроме пули, чтобы облегчить или прекратить эти страдания.

Балкон тянулся вдоль дома, имел пятнадцать футов в длину, четыре в ширину и был огорожен с обоих концов, во двор от него вели ступеньки. Против ступенек находилась единственная в доме дверь, а под балконом хранились дрова.

Молодой человек просил меня остаться в комнате вместе с ним и его женой, но я отказался. Поэтому мы переложили дрова и освободили под балконом место, где я мог бы сесть, прислонясь спиной к стене. Приближалась ночь. Умывшись и выпив воды из

ближайшего родника, я устроился в своем углу, а мужчине посоветовал пойти к жене и держать дверь комнаты открытой. Поднявшись на ступеньки, он сказал:

— Если леопард убьет вас, саиб, что мне тогда делать?

— Закрыть дверь и ждать утра, — ответил я.

Полнолуние кончилось две ночи назад. Теперь до восхода луны наступал короткий период темноты. Этот промежуток времени меня тревожил. Если леопард царапал дверь до рассвета, как утверждал молодой человек, значит, он далеко не ушел и, возможно, сейчас скрывается где-нибудь в кустах и наблюдает за мной. Прошло около получаса. Я сидел, напряженно вглядываясь в темноту, с нетерпением ожидая появления луны над холмами на востоке, когда тревожно завыл шакал. Он выл во всю силу своих легких, и его далеко было слышно. Шакал не умолкает до тех пор, пока не исчезает опасность. Когда леопард охотится или подбирается к припрятанной добыче, он двигается очень медленно. Значит, пройдет некоторое время, пока он — если это тот самый людоед — покроет разделяющее нас расстояние. Даже если луна еще не взойдет, все равно будет достаточно светло, чтобы стрелять. Моя тревога улеглась, и я вздохнул свободнее.

Медленно тянулись минуты. Шакал смолк. Поднялась луна, залив пространство передо мной ярким светом. Тишина стояла такая, что я мог слышать, как несчастная женщина отчаянно борется за каждый глоток воздуха; казалось, во всем мире только и остался один этот звук. Минуты превратились в часы, луна начала клониться к западу, и тень от дома упала на полоску земли, за которой я наблюдал. Наступил второй опасный промежуток времени, ибо, если леопард видел меня, он со свойственным этим животным терпением решил дождаться, когда длинные густые тени помогут ему подкрасться незаметно. Но ничего не произошло. Солнце наконец осветило ту часть неба, где двенадцать часов назад всходила луна. Кончилась одна из самых длинных ночей, которую я провел без сна, сидя в засаде.

Хозяин дома крепко спал после прошлой бессонной ночи и встал лишь тогда, когда я, покинув свой угол, разминал занемевшее тело: только тот, кому приходилось часами неподвижно сидеть на твердой земле, знает, как потом болят кости. В течение двадцати четырех часов я ничего не ел, кроме нескольких ягод лесной малины, а поскольку дальнейшее пребывание на хуторе было бесцельным, я попрощался с хозяином и отправился обратно в Дол, находившийся в восьми милях отсюда. Там я рассчитывал застать моих людей и послать кого-либо на помощь молодой женщине. Пройдя всего несколько миль, я их встретил. Встревоженные моим долгим отсутствием,

они упаковали вещи, расплатились в почтовом бунгало и пошли меня искать. Пока мы разговаривали, верхом на крепкой тибетской лошадке подъехал смотритель дорог, о котором уже упоминалось в рассказе «Храмовый тигр». Он направлялся в Алмора и с готовностью взялся доставить Стиффу мое письмо. Получив его, Стифф немедленно послал на хутор фельдшера, но женщина уже в нем не нуждалась.

Смотритель дорог сообщил мне, что людоед убил человека, и это заставило меня отправиться в Дабидхура, где на мою долю выпало одно из самых интересных и волнующих переживаний, связанных с охотой. Когда я потом спросил старого священника дабидхурского храма, не пользуется ли людоед таким же надежным покровительством его храма, как и тигр, которого мне не удалось застрелить, он ответил:

— Нет, нет, саиб. Этот дьявол убил много людей, которые ходили в мой храм, и, когда вы вернетесь, чтобы застрелить его, как вы обещаете, я буду днем и ночью молиться за ваш успех.

2

Какой бы счастливой ни была наша жизнь, в ней всегда есть периоды, которые вспоминаешь с особым удовольствием. Таким для меня был 1910 год. В тот год я убил двух людоедов — Муктесарского тигра и Панарского леопарда, а между этими великими для меня событиями мои люди и я установили небывалый в Мокамех-Гхате рекорд, погрузив вручную пятьдесят пять тонн груза за один рабочий день.

Первую попытку застрелить Панарского леопарда я предпринял в апреле 1910 года, и только в сентябре того же года удалось найти время для второй. Я не знаю, сколько человеческих жизней загубил хищник между апрелем и сентябрем, так как правительство об этом не сообщало, а в индийской прессе, насколько мне известно, упоминалось лишь о запросах, сделанных в связи с ним в палате общин. Говорили, что Панарский леопард уничтожил четыреста человек, но о нем было известно меньше, чем о Рудрапраягском леопарде, который убил «всего» сто двадцать пять человек и тем не менее фигурировал в заголовках газет всей Индии. Это можно объяснить исключительно тем, что Панарский людоед орудовал в глухой, удаленной от оживленных дорог местности, а Рудрапраягский распоряжался на территории, через которую ежегодно проходили шестьдесят тысяч паломников всех сословий, и жизнь каждого подвергалась смертельной опасности. Паломники и ежедневный

бюллетень, издававшийся правительством, сделали Рудрапраягского леопарда более известным, хотя он причинил людям меньше горя, чем Панарский.

Десятого сентября в сопровождении слуги и четырех человек, несших необходимые вещи и провизию, я покинул Найни-Тал, чтобы вторично попытаться застрелить Панарского леопарда. Когда в четыре часа утра мы вышли из дому, небо было обложено тучами. Едва мы успели пройти несколько миль, как начался проливной дождь. Он лил весь день, и, проделав двадцать восемь миль, мы прибыли в Алмора вымокшими до нитки. Я должен был ночевать у Стиффа, но, так как в багаже не оказалось ни одной сухой вещи и не во что было переодеться, я извинился и остался в почтовом бунгало.

Кроме нас, других путешественников там не оказалось, и распорядитель бунгало любезно предоставил нам две комнаты с каминами. К утру вещи подсохли, и мы могли продолжать путь.

Из Алмора я намеревался следовать той же дорогой, что и в апреле, и начать охоту на леопарда от дома, где умерла от ран молодая женщина. Но пока я завтракал, явился каменщик по имени Панва, который выполнял для нас кое-какую работу в Найни-Тале. Его дом находился в Панарской долине. Узнав от моих людей, что я направляюсь туда охотиться на людоеда, он попросил разрешения присоединиться к нам, так как хотел побывать дома, а предпринять такое путешествие в одиночку боялся. Панва знал местность, и по его совету я изменил свой маршрут: вместо дабидхурской дороги мимо школы, где леопард съел мой обед, мы пошли по дороге, ведущей на Питхорагарх. Переночевав в почтовом бунгало в Панва-Науле, мы рано утром отправились дальше и, пройдя еще несколько миль по питхорагархской дороге, свернули направо. Теперь мы находились на территории, где распоряжался людоед, а между деревнями не было иных дорог, кроме пешеходных троп.

Продвигались мы медленно, так как деревни были разбросаны далеко друг от друга на пространстве в сотни квадратных миль и в каждую приходилось наведываться, поскольку мы не знали точного местонахождения леопарда. Обследовав районы Салан и Рангот, на четвертый день поздно вечером я добрался до Чакати, где староста сообщил мне, что несколько дней назад в деревне Саноули, на противоположном берегу реки Панар, леопард убил человека. Река Панар вздулась после недавних сильных дождей, и староста советовал переночевать в его деревне, пообещав на следующее утро дать проводника, который покажет единственное безопасное для переправы место: через реку не было мостов.

Наш разговор со старостой происходил возле длинного ряда двухэтажных строений. Когда по его совету я решил остаться на ночь в деревне, он сказал, что освободит для меня и моих людей две комнаты в верхнем этаже. Но я заметил, что крайняя комната нижнего этажа не занята, и попросил его предоставить ее мне, а моих людей устроить в одной из комнат наверху. Помещение, которое я выбрал для себя, не имело двери, но это было несущественно, потому что последнее убийство произошло на другом берегу, а я знал — людоед не отважится переправляться через разлившуюся реку.

В комнате не имелось никакой мебели. Мои люди вымели из нее солому и тряпье, сетуя при этом, что последний жилец был, видимо, очень неряшливым человеком, разостлали подстилку на земляном полу и приготовили мне постель. Я съел обед, сваренный слугой на костре, и вскоре уснул, так как в тот день проделал длинный двенадцатичасовой путь. На следующее утро, как только начало всходить солнце, наполняя комнату светом, меня разбудил какой-то тихий звук. Я открыл глаза и увидел, что возле моей постели сидит прокаженный лет пятидесяти. Заметив, что я проснулся, несчастный выразил надежду, что мне хорошо спалось. Затем он рассказал, что отлучался на два дня навестить друзей в соседней деревне, а когда вернулся и нашел меня спящим в своей комнате, стал ждать, пока я проснусь.

Проказа, самая ужасная и заразная[17] болезнь на Востоке, очень широко распространена в Кумаоне, и особенно в Алморском округе. Люди здесь — фаталисты и смотрят на эту болезнь как на Божью кару, поэтому пораженных недугом не изолируют и никаких мер против заражения не принимают. По этой причине староста и не счел нужным предупредить меня, что в выбранной мною комнате в течение ряда лет жил прокаженный. В то утро я оделся очень быстро, и, как только появился наш проводник, мы оставили деревню.

Мне часто приходилось бывать в Кумаоне, и я всегда боялся заразиться проказой, но никогда не испытывал такого страха перед этой болезнью, как после ночи, проведенной в комнате этого бедняги. У первого же ручья я велел остановиться. Слуга приготовил мне завтрак, мои люди тоже поели. Затем я попросил их выстирать подстилку и разложить на солнце постельные принадлежности, а сам достал кусок карболового мыла и спустился к небольшому водоему, окруженному высокими скалами. Сняв с себя всю одежду, я выстирал ее и разложил на камнях. Оставшимся мылом я помылся с таким усердием, с каким не мылся никогда прежде. Через два часа, испытывая волчий аппетит, я вернулся к месту стоянки. Одежда после «суровой»

обработки коробилась, зато я снова почувствовал себя чистым.

Наш проводник был человеком низенького роста (около четырех футов шести дюймов), с большой головой, покрытой копной волос, туловищем, напоминавшим бочку, и с короткими ногами. Он был очень немногословен. В ответ на мой вопрос, предстоят ли нам трудные подъемы, он коротко ответил «нет» и повел нас вниз по очень крутому склону. Вместо того чтобы, как я надеялся, долиной пройти к скале, он, не вымолвив ни слова и даже не повернув головы, пересек открытое пространство и устремился на холм в противоположной стороне долины. Этот холм, очень крутой и поросший густым колючим кустарником, был к тому же покрыт рыхлым гравием, что еще больше затрудняло подъем. А солнце уже стояло над головой и припекало вовсю. Поэтому, когда мы достигли вершины, пот лил с нас ручьями. Наш проводник, чьи ноги, по-видимому, были созданы для лазанья по горам, не выказывал ни малейшей усталости.

С вершины мы увидели еще два высоких холма, которые, по словам проводника, нам предстояло одолеть прежде, чем мы достигнем реки. Панва, несший сверток с подарками для семьи и тяжелое темного цвета пальто, вручил последнее проводнику и сказал, что, поскольку он заставляет нас взбираться на все холмы Кумаона, пусть дальше несет его сам. Оторвав кусок веревки, сплетенной из козьей шерсти и обмотанной вокруг его тела, проводник сложил пальто и привязал себе на спину. Мы дважды спускались и взбирались на холмы, пока наконец вдали, в глубокой долине, не увидели реку. До сих пор мы пробирались по нехоженым местам, не встречая ни единой деревни, теперь вышли на узкую тропу, которая вела прямо к реке. Чем ближе мы подходили к реке, тем сильнее я беспокоился. Тропа на нашем и на противоположном берегу указывала, что здесь имелся брод, но река разлилась и переход через нее казался очень рискованным. Проводник, однако, заверил нас, что опасаться нечего, и мы с Панвой, сняв башмаки и носки, взявшись за руки, вошли в воду. Река имела ярдов сорок в ширину, и, глядя на ее сильно рябившую поверхность, я подумал, что у нее каменистое дно. Мое предположение подтвердилось: я несколько раз больно ушиб пальцы ног о камни. Осторожно ступая, чтобы нас не снесло течением, мы выбрались на другой берег.

Наш проводник вошел в реку следом за нами. Оглянувшись, я увидел, что он находится в затруднительном положении: вода доходила нам немного выше колен, а ему — по пояс, но, достигнув самого бурного места, он не стал поворачиваться спиной к потоку, чтобы двигаться, подобно крабам, боком. В

результате течение сбило его с ног, и он оказался под водой. Я был бос и не мог ступать по острым камням, но Панва — для него острые камни не препятствие — бросил свой сверток и опрометью кинулся берегом к тому месту, где ярдах в пятидесяти ниже по течению возле большого выступа скалы, вдававшегося в реку, начиналась бурная стремнина. Добежав до мокрой, скользкой скалы, Панва лег на нее и, когда тонущий проводник проносился мимо, схватил его за длинные волосы и с огромным трудом втащил на скалу. Они подошли ко мне (проводник походил на мокрую крысу), и я поздравил Панву с благородным и храбрым поступком: рискуя собственной жизнью, он спас этого коротышку. Поглядев на меня с удивлением, Панва сказал:

— Я хотел спасти не его, а свое новое пальто, которое привязано к его спине.

Как бы то ни было, трагедию удалось предотвратить. После того как остальные, держась за руки, благополучно перешли реку, я решил дальше в тот день не идти и переночевать тут же на берегу. Деревня Панвы находилась в пяти милях вверх по реке, и он ушел, прихватив с собой проводника, который не отваживался вторично пересечь реку.

3

На следующее утро мы отправились на поиски Саноули, где леопард убил свою последнюю жертву. Поздним вечером того же дня мы оказались в широкой открытой долине и, поскольку нигде поблизости не видно было жилья, решили заночевать под открытым небом. Мы находились в самом сердце владений людоеда и провели беспокойную ночь на холодной сырой земле. Назавтра около полудня мы добрались до Саноули. Жители этой маленькой деревеньки очень обрадовались нам и охотно предоставили моим людям комнату, а мне — неогороженный помост под тростниковой крышей.

Деревня стояла на склоне холма; в долине под нею террасами располагались поля, с которых недавно собрали рис. В противоположном конце долины возвышался другой холм; у подножия его пологого склона, в сотне ярдов от полей, рос густой кустарник, занимавший акров двадцать. Над кустарником, почти у вершины холма, находилась деревня, правее на выступе — другая. Слева, где кончались поля, долину замыкал крутой, поросший травой холм. Таким образом, к кустарнику с трех сторон примыкали поля, с четвертой — открытый участок.

Пока готовился завтрак, я беседовал с крестьянами, кружком

сидевшими возле меня. В течение второй половины августа и первой половины сентября людоед убил четырех человек в этом районе. Первое убийство произошло в деревне, расположенной на выступе холма, второе и третье — в деревне у его вершины и последнее — в Саноули. Всех четверых леопард убил ночью и унес ярдов на пятьсот в глубь кустарника, где спокойно, не торопясь, съел: жители этих деревень не имели оружия и были слишком напуганы, чтобы попытаться забрать тела жертв. Последнее убийство произошло шесть дней назад, и мои собеседники не сомневались, что людоед все еще находится в зарослях.

В тот день я купил двух козлят в деревне, через которую мы проходили рано утром, и вечером привязал меньшего у края кустарника, чтобы проверить, правы ли крестьяне, утверждая, будто леопард еще там. Я не устраивал засады около козленка, так как не нашел поблизости подходящего дерева; кроме того, тучи затянули небо, и похоже было, что ночью пойдет дождь. Помост, предоставленный в мое распоряжение, был открыт со всех сторон, поэтому неподалеку от него я привязал второго козленка в надежде, что, если леопард явится ночью в деревню, он предпочтет нежное козье мясо жесткому человечьему. До глубокой ночи я прислушивался, как перекликались козлята, и убедился, что леопарда нет близко. Однако он мог вернуться. Тем не менее, надеясь на лучшее, я заснул.

Ночью прошел небольшой дождь, и, когда в безоблачном небе поднялось солнце, листья и травы заискрились каплями влаги, а птицы радостными песнями приветствовали новый день. Козленок, привязанный у помоста, с довольным видом ощипывал листья куста и время от времени блеял. Другой, находившийся на противоположной стороне долины, молчал. Велев слуге позаботиться, чтобы мой завтрак не остыл, я направился к месту, где привязывал меньшего козленка. Там я обнаружил, что еще до того, как начался дождь, леопард убил его и, оборвав веревку, уволок. Дождь смыл след волока, но это не имело значения, так как унести свою жертву леопард мог только в кустарник.

Подкрадываться к леопарду или тигру, находящемуся около добычи, чрезвычайно интересно, но позволить себе это можно лишь при благоприятных обстоятельствах и надежде на успех. В данном случае слишком густые заросли мешали бесшумно приблизиться к леопарду. Вернувшись в деревню и позавтракав, я созвал крестьян, чтобы расспросить поподробнее об окружающей местности. Мне нужно было найти убитого козленка и решить, стоит ли устраивать засаду: сделать же это, не потревожив леопарда, было невозможно. Я хотел выяснить у крестьян, есть ли

где-нибудь поблизости другое укрытие, куда он сможет уйти, когда я его спугну. Мне ответили, что ближайшее укрытие находится на расстоянии двух миль и попасть туда леопард может, лишь пройдя широкое вспаханное поле.

Днем я снова отправился к зарослям кустарника и в сотне ярдов от места, где был привязан козленок, нашел то, что от него осталось: копытца, рога и часть желудка. Я не опасался, что леопард днем уйдет из своего убежища за две мили в джунгли, и в течение нескольких часов пытался подкрасться к нему. Бюльбюли, дронго, дрозды и беблеры помогали мне в этом, сообщая о каждом движении зверя. На случай, если у кого-нибудь возникнет вопрос, почему я не собрал крестьян трех деревень и не выгнал леопарда на открытое место, где мог бы его застрелить, скажу, что сделать это, не рискуя жизнью загонщиков, не представлялось возможным. Как только леопард понял бы, что его гонят на открытое место, он бросился бы назад и напал на первого, кто стоял на его пути.

Возвратившись в деревню после безуспешной попытки застрелить леопарда, я свалился с жестоким приступом малярии и сутки пролежал в забытьи под навесом. К вечеру следующего дня приступ прекратился, и я смог продолжать охоту. Предыдущей ночью мои люди по собственной инициативе привязывали второго козленка там же, где был убит первый, но леопард не тронул его. Это к лучшему: значит, теперь зверь голоден. Вечером я отправился на охоту, преисполненный надежд.

Неподалеку от кустарника, в сотне ярдов от места, где две ночи назад был убит козленок, я приметил старый дуб. Он рос на возвышении между двумя расположенными друг над другом полями под некоторым углом к склону холма, что позволило мне, надев башмаки на каучуковой подошве, взобраться на него. Футах в пятнадцати от земли, над нижним полем, нависала большая, довольно толстая ветвь. Полая и гнилая, она не была ни удобной, ни безопасной для засады, но я все же решил рискнуть и воспользоваться ею, так как более подходящей ветви на дубе не видел, а других деревьев в радиусе нескольких сотен ярдов не было.

Судя по сходству между отпечатками лап, обнаруженными в кустарнике, и теми, что я видел в апреле на тропинке к хутору, где была убита молодая женщина, я полагал, что имею дело с Панарским людоедом. Я велел моим людям нарезать длинных терновых веток и, после того как устроился на дереве, прислонившись спиной к стволу и вытянув вдоль ветви ноги, попросил связать ветки в пучки и прочной веревкой прикрепить

их к стволу. Убежден, что обязан жизнью умелому и добросовестному выполнению этого небольшого задания.

Несколько веток, длиной от десяти до двадцати футов, торчали по обе стороны ствола, а так как мне не за что было держаться, чтобы сохранять равновесие, я сдвинул их и крепко зажал под мышками. К пяти часам все приготовления закончились: я сидел на ветви, воротник тужурки был высоко поднят и прикрывал горло, а мягкая шляпа низко сдвинута на затылок, чтобы защитить шею. Козленка привязали к колышку, вбитому в землю в тридцати ярдах от меня. Мои люди сидели в поле, курили и громко разговаривали.

До этого момента в кустарнике стояла тишина, затем беблер издал пронзительный тревожный крик, а минуту или две спустя послышалось взволнованное щебетание нескольких белошеих дроздов. Эти два вида птиц — самые надежные осведомители в гористой местности, поэтому, услыхав их, я подал сигнал моим людям возвращаться в деревню. Они очень обрадовались и быстро удалились, продолжая громко разговаривать. Сразу же после их ухода заблеял козленок, но потом в течение получаса все безмолвствовало. Когда солнце начало опускаться за вершину холма, высившегося над деревней, два дронго, сидевших высоко надо мной на дереве, взлетели и стали с криком носиться над открытым пространством между мной и кустарником, привлекая внимание к какому-то животному. Козленок, который до этого момента блеял, глядя на деревню, теперь повернулся в мою сторону и замолк. Наблюдая за ним, я мог судить о передвижении заинтересовавшего его животного. Этим животным мог быть только леопард.

Луна находилась в третьей фазе, и до ее восхода предстояло несколько часов темноты. Я предвидел, что леопард появится, когда стемнеет, и вооружился двустволкой 12-го калибра,[18] стрелявшей крупной картечью: больше шансов попасть в животное, когда в патроне восемь картечин, а не одна пуля.

В то время, о котором я пишу, в Индии не употреблялись такие вспомогательные средства для ночной охоты, как электрические фонари или переносные лампы. Единственное, что могло служить ориентиром для прицеливания, — это лоскут белой материи, обвязанный вокруг стволов штуцера.

Время шло, но все оставалось без изменений. Вдруг я почувствовал, как сзади кто-то тихонько потянул за терновые ветки, которые я по-прежнему прижимал к себе. Я благословил свою предусмотрительность, потому что все равно не смог бы повернуться и обороняться, а воротник и шляпа — плохая защита. У меня больше не оставалось сомнений, что я имею дело с

людоедом, притом с очень решительным. Убедившись после первой же попытки, что взобраться на дерево по ветвям терновника невозможно, леопард ухватился зубами за их толстые концы и начал неистово дергать, крепко прижимая меня к стволу. В небе угасли последние отблески света, и леопард, нападающий на людей только под покровом ночи, оказался в своей стихии, я же — в крайне невыгодном положении, ибо в темноте человек — самое беспомощное существо, и мужество покидает его, во всяком случае, могу сказать это о себе. Леопард, убивший в ночное время уже четыреста человек, совершенно не боялся меня: он рвал ветки и рычал при этом так громко, что его голос доносился до деревни, где люди, как я узнал позже, с тревогой к нему прислушивались. Его рычание, как они потом мне рассказывали, наводило на них ужас. А у меня оно поднимало настроение, так как позволяло определить, где леопард и что он делает. Мне становилось страшно, когда он молчал, потому что я не знал, что произойдет в следующее мгновение. Несколько раз я едва не упал из-за того, что леопард яростно набрасывался на ветви, а затем внезапно отпускал их. Стоило ему подпрыгнуть и коснуться меня, как я полетел бы на землю — ведь мне фактически не за что было держаться.

После одного из выматывающих нервы периодов затишья леопард бросился к козленку. В надежде, что хищник появится до наступления полной темноты и еще можно будет стрелять, я привязал козленка в тридцати ярдах от дерева с таким расчетом, чтобы успеть убить леопарда, прежде чем он доберется до приманки. Но в темноте я был не в состоянии спасти козленка: несмотря на белый цвет его шерсти, я ничего, кроме неясного пятнышка, не видел. Пришлось выждать, пока козленок перестал сопротивляться. Затем я прицелился туда, где, по моему предположению, находился леопард, и нажал на спуск. В ответ на

выстрел раздалось гневное рычание. В темноте мелькнуло светлое пятно, и леопард исчез где-то на нижних террасах поля. В течение десяти или пятнадцати минут я с беспокойством прислушивался, не ушел ли он совсем. Затем услышал голоса моих людей, спрашивавших, следует ли им идти ко мне. Теперь они могли сделать это без риска, держась верхних полей. Я крикнул им, чтобы они зажгли сосновые факелы и выполняли мои указания. Эти факелы из смолистых сосновых лучин длиной от двенадцати до восемнадцати дюймов ярко горят. Они — единственный вид освещения, какой знают в глухих деревнях Кумаона.

После невероятного шума и суеты человек двадцать с факелами в руках вышли из деревни. Следуя моим указаниям, они обогнули верхние поля и приблизились к дереву сзади. Леопард так туго затянул узлы веревок, прикреплявших терновые ветки, что их пришлось разрезать. Когда отбросили терновник, люди взобрались на дерево и помогли мне сойти, поскольку от неудобного сидения мои ноги свела судорога.

Пламя двадцати факелов осветило поле, на котором лежал мертвый козленок, но дальше все тонуло в темноте. Раздав сигареты, я сказал людям, что ранил леопарда, но тяжело ли — не знаю; искать его буду утром, а сейчас мы все вернемся в деревню. Они были разочарованы.

— Если вы ранили леопарда, он наверняка уже мертв.

— Нас много, и вы вооружены, нам нечего опасаться.

— Давайте по крайней мере дойдем до конца поля и посмотрим, не оставил ли леопард кровавого следа.

После того как все доводы за и против немедленных поисков леопарда были исчерпаны, я, вопреки собственному мнению, согласился дойти до края террасы и осмотреть поле, лежавшее ниже.

Уступив, я потребовал от них обещания идти позади меня развернутой цепью, высоко держа факелы, и, если леопард нападет, не убегать и не оставлять меня в темноте. Они охотно пообещали это, и, когда факелы, пополненные свежими лучинами, ярко разгорелись, мы двинулись вперед: я — первым, люди — в пяти ярдах сзади.

Тридцать ярдов до козленка и еще двадцать до конца поля. Мы шли очень медленно, молча. Когда дошли до козленка (было уже не до поисков кровавого следа), увидели дальний конец нижнего поля. С каждым шагом оно открывалось нам все больше и больше; вот неосвещенной осталась лишь узкая полоска. Вдруг леопард, угрожающе зарычав, выпрыгнул из темноты и предстал перед нами.

Есть что-то бесконечно жуткое в грозном рычании нападающего леопарда. Мне пришлось видеть, как строй слонов, не дрогнувший перед тигром, обратился в паническое бегство от леопарда. Поэтому я не удивился, когда мои безоружные помощники все как один повернулись и пустились наутек. К счастью, убегая, люди в суматохе наталкивались друг на друга и из факелов, которые они некрепко держали в руках, выпадали горящие лучины. Некоторые из них продолжали мерцать на земле, давая немного света, и я смог послать в грудь леопарда заряд картечи.

Услышав выстрел, люди остановились, затем до меня донеслись слова одного из них:

— Нет, он не будет сердиться на нас, он знает, что этот дьявол превратил наше мужество в воду.

Да, я знал, что страх перед людоедом лишает человека мужества, и только что сам испытал это, сидя на дереве. Будь я на их месте, я убежал бы одним из первых. Значит, не за что было сердиться. Пока я делал вид, будто рассматриваю леопарда, чтобы дать им время прийти в себя от смущения, они стали по двое, по трое возвращаться. Наконец все собрались, и я спросил, не поднимая головы:

— Вы захватили с собой бамбуковый шест и веревку, чтобы отнести леопарда в деревню?

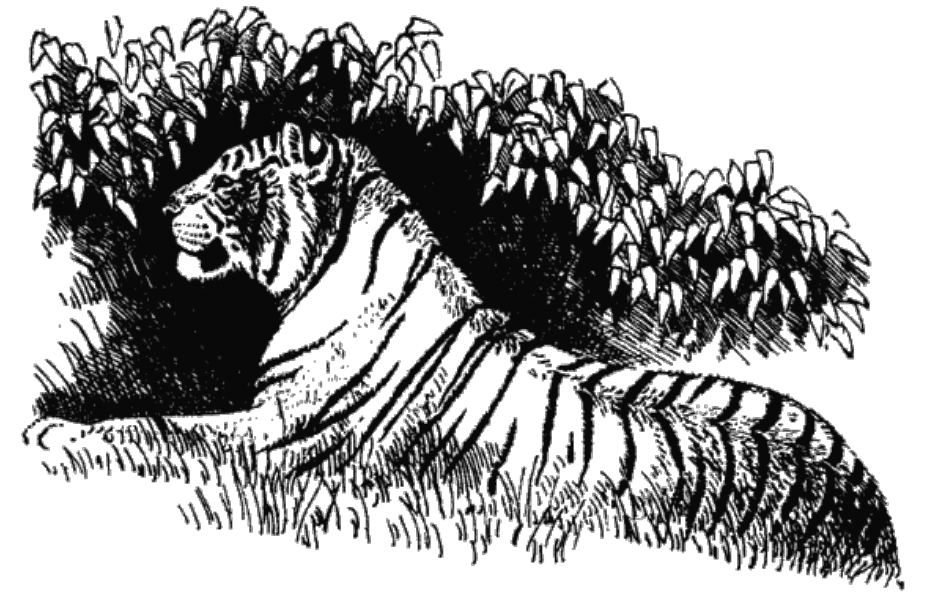
— Да, — ответили они с готовностью, — мы оставили их возле дерева.

— Принесите, — сказал я, — мне хочется вернуться в деревню и выпить горячего чаю.

Холодный ветер, дувший ночью с севера, вызвал новый приступ малярии, и, после того как все волнения остались позади, я почувствовал, что с трудом держусь на ногах.

С той ночи жители Саноули стали спать спокойно.

ЛЮДОЕД ИЗ ЧУКА



1

Чука, от которой пошло название тигра-людоеда из долины Ладхья, — небольшая деревушка в десять дворов, расположенная на правом берегу реки Сарда, неподалеку от слияния ее с рекой Ладхья.

К северо-западу от деревни начинается тропа, на протяжении четверти мили она идет вдоль горелого леса, затем делится на две: одна ведет прямо к гребню горы, в деревню Тхак, другая — наискось по склону и далее через холмы к деревне Котекиндри.

Зимой 1936 года по этой тропе человек гнал двух волов. Когда он приблизился к Чука, около горелого леса внезапно появился тигр. С мужеством, достойным уважения, человек встал между тигром и волами; размахивая палкой и крича, он пытался прогнать зверя. Волы воспользовались вмешательством человека и тут же бросились бежать в деревню, а лишенный добычи тигр перенес свое внимание на человека. Испугавшись угрожающей позы зверя, человек хотел убежать, но, как только повернулся, тигр прыгнул на него. На плечах у человека был деревянный плуг, а на спине — сумка с провизией. Пока тигр раздирал когтями и грыз плуг и сумку, человек сбросил ношу и с криком о помощи стремглав помчался в деревню. Родственники и друзья, услышав

крик, поспешили на выручку потерпевшему. Коготь тигра разорвал ему правую руку от плеча до кости, оставив глубокую рану.

Спустя несколько недель двое мужчин возвращались с рынка из Танакпура. Поднимаясь по крутой тропе к Котекиндри, они увидели, что пятьюдесятью ярдами выше тропу пересек тигр. Выждав несколько минут, чтобы дать ему время уйти подальше, они с громким криком побежали в деревню. Но тигр не ушел и, когда бежавший впереди человек поравнялся с ним, прыгнул. Этот человек нес на голове мешок гура,[19] причем половина мешка свисала ему на спину. Тигр впился зубами в мешок и потащил его вниз по склону холма, не причинив человеку никакого вреда. Неизвестно, что думал тигр о захваченных им трофеях — плуге и мешке гура, но, по-видимому, они пришлись ему не по вкусу, так как с тех пор он стал нападать на людей, не нагруженных ни плугами, ни мешками.

В деревне Тхак, расположенной на три тысячи футов выше Чука, довольно большое для горного селения число жителей. Раджи Чанда, которые правили Кумаоном до нашествия гурков, в награду за верность пожаловали земли Тхака предкам нынешних его владельцев и назначили их потомственными хранителями пурнагирийских храмов. Плодородные земли и значительные доходы от храмов позволили жителям Тхака выстроить добротные дома и завести большие стада скота.

Как-то в начале июня 1937 года семь мужчин и два четырнадцатилетних подростка пасли скот в двухстах ярдах к западу от Тхака. В десять часов утра несколько животных отбились от стада, которое паслось на поляне, и направились к джунглям. Одного из мальчиков послали вернуть их. Через шесть часов мужчин, проспавших всю жаркую часть дня, разбудил крик каркера, доносившийся с опушки джунглей, куда к этому времени успело уйти все стадо. Они послали второго мальчика пригнать животных. Вскоре после того как он вошел в джунгли, оттуда в страхе побежал скот, и, когда животные на пути к деревне пересекали открытый овраг, на одну из коров прыгнул тигр и убил ее на глазах семерых мужчин. Мычание скота и крики людей, пасших стадо, привлекли внимание жителей деревни, и вскоре над оврагом собралась толпа крестьян. Среди них находилась мать второго мальчика, вдова. Она услышала, как мужчины звали ее сына, и побежала к ним выяснить, что случилось. Узнав, что мальчик ушел в джунгли за скотом и не вернулся, она бросилась его искать. Подошли родители первого мальчика и стали о нем спрашивать. Только тут все семеро вспомнили, что не видели его с десяти часов утра.

В сопровождении большой толпы, собравшейся к тому времени в овраге возле убитой коровы, обезумевшая от горя мать побежала в джунгли и нашла своего сына на том месте, где тигр убил его. Под соседним кустом родители первого мальчика обнаружили его растерзанное тело. Рядом лежал теленок. Из того, что впоследствии рассказывали жители деревни о трагических событиях этого дня, я заключил, что тигр находился в джунглях и видел пасшийся на поляне скот. Когда теленок, никем не замеченный, забрел в чащу, тигр убил его, но прежде чем успел оттащить в сторону, появился мальчик, который то ли нечаянно, то ли из любопытства приблизился к теленку. Тигр убил и его, затем отнес мальчика под куст и там съел часть добычи. До четырех часов дня тигр, очевидно, лежал неподалеку от своих жертв, пока каркер по пути к небольшому водоему на краю вырубки не заметил его или не почувствовал его запаха. Крики каркера разбудили спавших людей. Обнаружив, что стадо ушло в джунгли, они послали за ним второго мальчика. Тот, на свою беду, направился прямо к тому месту, где расположился тигр.

Нападение на второго мальчика произошло, вероятно, на виду у всего стада, и животные бросились ему на помощь: я видел, что так поступают коровы и буйволицы. Отогнав тигра от тела мальчика, они устремились к деревне. Зверь, разъяренный тем, что его отогнали от добычи, да еще при этом, возможно, грубо обошлись с ним, кинулся за убегающим стадом и выместил свою злобу на первом же попавшемся ему животном. Если бы стадо не направилось прямо в деревню, он вряд ли ограничился бы только этим убийством. Однажды я был свидетелем, как при таких же обстоятельствах взбешенный тигр уничтожил отчаянно сопротивлявшееся стадо из пяти буйволов. Сначала тигр убил одного из них, тогда четверо благородных животных бросились на врага и дрались, пока не пал последний. Тигр, должно быть, жестоко пострадал в той битве: покидая поле боя, он оставил за собой кровавый след.

Бессмысленное на первый взгляд убийство двух человек и двух животных в один и тот же день, явившееся, я уверен, результатом того, что тигру помешали съесть первую жертву, вызвало большую тревогу в округах Найни-Тал и Алмора. Были приложены все усилия к тому, чтобы уничтожить тигра. Несколько раз устраивались засады возле убитых животных, во время которых люди ночи напролет просиживали на маханах. Дважды удавалось ранить тигра, к сожалению, дробью, и он продолжал убивать людей. Его жертвою вскоре стал еще один из жителей все той же злополучной деревни Тхак.

Выше по склону, в двухстах ярдах от деревни Тхак, было пшеничное поле. С него уже сняли урожай, и два мальчика, братья-сироты десяти и двенадцати лет, пасли на стерне несколько коров. Дети сидели посреди поля: так было безопаснее. Дальний край поля был окаймлен редким кустарником, от него на тысячу футов вверх круто поднимался склон холма, с которого мальчики отовсюду были хорошо видны. Около полудня одна из коров направилась к кустам, и оба брата пошли за нею, чтобы вернуть ее на поле. Старший шел немного впереди; когда он поравнялся с кустарником, тигр, прятавшийся там в ожидании добычи, бросился на него и утащил. Младший помчался в деревню и, добежав до группы мужчин, с плачем упал к их ногам. Когда он смог наконец говорить, то рассказал, что большое рыжее животное — ему никогда прежде не случалось видеть тигра — унесло его брата. Люди быстро собрались и отправились на поиски. Они проявили большое мужество, пройдя милю по кровавому следу сквозь густой лес, росший в овраге Сувар-Гадх к востоку от деревни. Приближалась ночь, и они вернулись в деревню. Весь следующий день с помощью крестьян из близлежащих деревень продолжались поиски, но, кроме красной шапки и разорванной, запачканной кровью одежды, ничего найти не удалось. Это была последняя человеческая жертва Чукского людоеда.

Думаю, что оценить по достоинству мужество человека можно лишь в момент опасности, так как только тогда оно по-настоящему проявляется. Те, кто никогда не жил в местности, где орудует людоед, могут подумать, что нет ничего мужественного в поведении матери, которая идет искать сына в густые джунгли, зная, что там находится разъяренный тигр, или двух мальчиков, пасущих скот и в страхе прижимающихся друг к другу, или невооруженных людей, отправляющихся на поиски пропавшего ребенка по оставленному людоедом кровавому следу. Но каждый, кто бывал в подобных районах, знает, что для таких поступков требуется огромное мужество, и оно заслуживает величайшего восхищения.

2

Чукский людоед дезорганизовал жизнь в долине Ладхья, поэтому вскоре после того, как Ибботсона назначили помощником комиссара в округах Найни-Тал, Алмора и Гарвал, мы объединили усилия, чтобы постараться избавить этот район от постигшего его несчастья.

Знойным апрельским полднем 1937 года Ибботсон, его жена Джин и я сошли с автобуса в Буме, что находится выше Барамдео. Мы выехали из Найни-Тала рано утром, проследовали через Халдвани и Танакпур и прибыли в Бум в самое жаркое время дня, с ног до головы покрытые пылью и множеством синяков на всех частях тела. Чай, который мы выпили, отдыхая на мягком песке у реки Сарда, вернул нам хорошее настроение. Мы прошли немного вдоль реки, затем направились в Тхули-Гадх, где нам уже были приготовлены палатки.

На следующее утро после завтрака мы двинулись на Каладхунга.[20] Расстояние между Тхули-Гадх и Каладхунга, если идти прямо через ущелье реки Сарда, — восемь миль, через Пурнагири — четырнадцать. Ибботсоны и я направились ущельем, а наши слуги и носильщики — через Пурнагири. Ущелье тянулось четыре мили; раньше по нему проходила узкоколейка, проложенная в скалах Дж. В. Коллиером для перевозки миллиона кубических футов древесины сала,[21] подаренных дарбаром[22] Непала правительству Индии после Первой мировой войны. Узкоколейку давным-давно уничтожили оползни и наводнения, и весь путь на протяжении этих четырех миль приходилось карабкаться по скалам, где каждый неверный шаг или не найденная вовремя рукой опора неминуемо грозили падением в холодные воды реки. Мы благополучно миновали ущелье и в том месте, где узкоколейка подходила к лесу, у большой скалы, нависшей над рекой, поймали двух рыб.

Всем патвари[23] и лесникам этого района было приказано встретить нас на Каладхунга и сообщить новости о тигре. В бунгало нас ждали четыре человека с приятными вестями: за последние несколько дней человеческих жертв не было; полагали, что тигр находился в окрестностях деревни Тхак, где три дня назад убил теленка.

Каладхунга — полого поднимающийся полуостров конусообразной формы, длиной около четырех миль, шириной в одну, с трех сторон омываемый рекой Сарда, а с четвертой окаймленный грядой высотой пять тысяч футов. Бунгало, трехкомнатный дом с просторной верандой, расположено высоко в северной части полуострова и обращено на восток. Когда над дальними холмами поднимается солнце и рассеивается туман, с веранды открывается один из самых восхитительных видов, какой только можно себе представить. Впереди, за рекой, — широкая долина, уходящая далеко в глубь Непала, по ней извивается речка с изумрудно-зелеными берегами. По обе стороны от долины раскинулись холмы, поросшие густым лесом. Кругом не видно жилья, а доносящиеся до бунгало рычание тигров и крики других

животных свидетельствуют, что долина изобилует дичью. В этой-то долине Коллиер и вырубил миллион кубических футов леса.

Мы провели день на Каладхунга. Пока наши люди разбивали лагерь в Чука, мы, вернее Ибботсоны, удили рыбу, а я после приступа малярии, трепавшей меня прошлой ночью, сидел на берегу и наблюдал за ними. Ибботсоны, специалисты по забрасыванию лески, прочесали дюймовыми блеснами реку от стремнины ниже бунгало до конечной точки полуострова, то есть на расстоянии около пятисот ярдов, но не поймали ни единой рыбешки. Речушка, протекающая по долине на непальской стороне, впадает в реку Сарда как раз напротив конечной точки полуострова. В этом месте Сарда расширяется и мелеет и следующие ярдов двести течет по каменистому руслу вплоть до большого водоема. У верхнего конца этого участка реки, довольно далеко от берега, Ибби и поймал свою первую рыбу, фунтов восьми весом. Ему пришлось порядком повозиться, прежде чем, осторожно ведя свою легкую снасть, он вытащил улов из воды.

Всякий страстный рыболов испытывает удовольствие, наблюдая за другим рыболовом, ведь рыбная ловля — один из лучших видов спорта. Что касается меня, я скорее предпочту смотреть на других, чем рыбачить сам, особенно если рыба хорошо клюет, а под ногами рыболова нет прочной опоры — как в данном случае, например, — и течение в реке довольно быстрое. Вскоре после того, как Ибби оглушил пойманную рыбу, у Джин, удившей в быстрине на расстоянии тридцати ярдов от берега, тоже начало клевать. На ее катушке было всего сто ярдов лески, и, опасаясь, что рыба направится к водоему и порвет ее, Джин попыталась, пятясь к берегу, повести рыбу за собой, но поскользнулась, и в течение минуты над водой виднелись лишь пальцы ее ноги и конец удочки. Вы, естественно, думаете, что я, забыв о недавнем приступе малярии, кинулся к ней на выручку? Ничего подобного! Я сидел на берегу и смеялся, потому что оказывать помощь в подобных случаях одному из Ибботсонов — такое же пустое занятие, как спасать из воды выдру, боясь, что она утонет. После долгой и упорной борьбы Джин стала на ноги и, добравшись до берега, убила свою шестифунтовую рыбу. Не успела она это сделать, как под водой вместе с удочкой исчез Ибби. Стараясь подальше забросить блесну, он потерял равновесие и упал в реку.

За водоемом, вниз по течению, река поворачивает вправо. На непальской стороне у этой излучины прежде росло гигантское дерево. На верхних ветвях его из года в год вила гнездо пара скоп. Дерево стало для них идеальным домом: с его вершины река была далеко видна, а огромные ветви, росшие под прямым

углом к стволу, служили своего рода столом, на котором птицы могли поедать скользкую добычу. Но в прошлом году в результате наводнения во время муссона размыло берег, и старого дерева не стало, а чета скоп устроила себе новое гнездо на высоком дереве у опушки леса в ста ярдах от берега.

Эта часть реки была, очевидно, излюбленным местом рыбной ловли птиц, и, пока самка сидела в гнезде, самец то и дело летал взад и вперед над головами Ибботсонов. Наконец бесполезные полеты ему надоели, и он направился вниз по течению, где несколько небольших скал, торчавших из воды, отделили от реки маленький поток. Рыба, по-видимому, в нем плавала, потому что птица, сложив крылья и сделав крутой вираж, раз десять камнем бросалась вниз. У самой воды она расправляла крылья и, помогая себе хвостом, снова набирала высоту для следующего броска. Наконец ее терпение было вознаграждено. Неосторожная рыба приблизилась к самой поверхности воды, и птица, в один миг пролетев разделявшие их сто ярдов, глубоко нырнула. Острые, как иглы, и крепкие, как сталь, когти скопы схватили добычу, но она, должно быть, оказалась тяжелее, чем предполагал хищник. Неистово хлопая крыльями, птица снова и снова пыталась подняться в воздух вместе с рыбой, но всякий раз падала обратно на воду. Думаю, что в конце концов скопе пришлось бы выпустить добычу, если бы в этот критический момент ей не помог порыв ветра. Как только скопа ощутила приближение сильной струи воздуха, она, сделав последнее отчаянное усилие, вытащила рыбу из воды. Воздушное течение несло ее в противоположную от гнезда сторону, и так как повернуть против ветра у птицы не хватало сил, она направилась к большой плоской скале у берега.

Но оказалось, не я один наблюдал за скопой. Едва она опустилась на скалу, как женщина, стиравшая белье на непальской стороне реки, что-то взволнованно крикнула, и тотчас же на высоком берегу появился мальчик. Он сбежал к ней по крутой тропинке, выслушал ее и помчался между разбросанными вдоль берега валунами к скале с такой быстротой, что рисковал сломать себе шею и ноги. Скопа не сделала ни малейшей попытки унести свою добычу. Поднявшись в воздух, она лишь кружила над головой мальчика, пока тот держал рыбу на весу, чтобы женщина могла ее видеть; рыба весила фунта четыре.

Затем я потерял скопу из виду. Мы уже покончили с завтраком, когда она появилась снова. Довольно долго летала на одной и той же высоте, потом сделала вираж, спустилась футов на пятьдесят, сделала еще один вираж и нырнула в воду. На этот раз ее добыча была меньше — рыба фунта в два. Легко подняв ее из воды и держа как торпеду, чтобы уменьшить сопротивление

воздуха, скопа повернула к дому. Однако в тот день ей не везло. Не успела она пролететь и половину пути, как сзади появился орлан, вдвое превосходивший ее по весу и размеру. Заметив орлана, скопа взяла немного вправо и полетела к лесу, намереваясь там избавиться от своего преследователя. Но орлан распознал эту хитрость, издал негодующий крик и полетел еще быстрее. Оставалось пролететь каких-нибудь двадцать ярдов, и скопа была бы спасена, но риск был слишком велик. Выпустив добычу, птица вовремя взмыла вверх. Орлан тут же подхватил рыбу, сделал плавный разворот и направился вниз по реке туда, откуда появился. Однако легко удрать с чужим добром, как он рассчитывал, ему не удалось. Пара ворон, кормившаяся остатками со стола скопы, снялась и полетела за ним. Чтобы отделаться от них, орлану тоже пришлось повернуть к лесу. У опушки вороны отстали. Едва орлан скрылся из виду, как буквально с неба свалились два других орлана и с невероятной скоростью устремились в ту же сторону. К сожалению, я не видел развязки. Пока я оставался на берегу, ни одна из птиц не поднялась над лесом: первый орлан, по-видимому, долго не выпускал добычу.

Только однажды я оказался свидетелем более интересной погони. Шла охота на черных куропаток. Я вел в ряд сквозь траву восемнадцать слонов. Пятнадцать человек, участники охоты, видели, как кустарниковый чекан, убитый в двух шагах от нас ястребом-перепелятником, ни разу не коснувшись земли, перешел к красношейному соколу, затем к осоеду и наконец к сапсану, который и проглотил его целиком. Если кто-либо из бывших со мною в то февральское утро прочтет мой рассказ, он, возможно, вспомнит этот случай, происшедший на Рудрапур-Майдане.

На следующее утро мы рано позавтракали и направились в Чука, за пять миль от Каладхунга. Окончился один из тех чудесных дней, какие надолго остаются в памяти рыболова. Солнце приятно пригревало, с севера дул освежающий ветерок, в реке плавала масса всевозможной крупной рыбы, которая так и просилась, чтобы ее поймали. Во время ловли произошло много волнующих сражений, не все из них выиграли мы. Все же к концу дня наш улов был достаточно велик, чтобы накормить весь лагерь из тридцати человек.

3

Чтобы помочь нам покончить с людоедом, а также предотвратить дальнейшие человеческие жертвы, из Танакпура

прислали шесть бычков, предназначавшихся для приманки. По прибытии в Чука мы узнали, что три ночи подряд бычков привязывали за деревней, и хотя возле некоторых из них обнаружили отпечатки лап тигра, он не тронул ни одного. В течение следующих четырех дней мы по утрам навещали бычков, днем искали тигра, а по вечерам сопровождали людей, которые ходили привязывать буйволов на ночь. На пятый день утром мы обнаружили, что тигр убил и уволок бычка, привязанного у самых джунглей неподалеку от деревни Тхак, где погибли два мальчика. Против нашего ожидания, тигр потащил свою добычу не в джунгли, а через открытую местность на скалистый бугор. Он поступил так, очевидно, для того, чтобы не проходить через участок, где в него уже дважды стреляли с махана, а возможно, и ранили. Тигр не далеко ушел со своей ношей: рога бычка застряли между скалами, и так как хищнику не удалось их высвободить, он там же съел несколько фунтов мяса из задней ноги буйвола и удалился. Мы стали искать следы зверя, желая выяснить, в какую сторону он ушел, и нашли отпечатки его лап на месте лежки буйволов, на полпути к джунглям. Следы показывали, что бычка убил крупный тигр-самец.

Окружные власти считали, неизвестно на каком основании, что людоед — тигрица. Когда мы показали крестьянам следы на месте лежки буйволов, они сказали, что не разбираются в них и не знают, является ли людоед самцом или самкой, но наверняка знают, что у него сломан клык. Судя по всем жертвам тигра, как людям, так и животным, убитым возле их деревни, один его зуб не прокусывает, а только обдирает кожу.

В двадцати ярдах от убитого бычка, на вершине бугра, росло одинокое дерево. Мы вытащили животное из узкого прохода между скалами, затем послали человека обломать сучья, которые помешали бы наблюдать за бычком с единственной пригодной для засады ветви. Дерево было хорошо видно из джунглей, и хотя человек, выполняя данное ему поручение, действовал чрезвычайно осторожно, я полагаю, тигр заметил его.

В одиннадцать часов утра люди ушли в деревню обедать, а Ибби и я спрятались под куст. Мы разговаривали и дремали, дремали и опять разговаривали, пока не миновала наиболее жаркая часть дня. В половине третьего мы решили перекусить. Вдруг на опушке джунглей, где был убит бычок, взволнованно защебетали калиджи. Услышав их, наши люди вернулись из деревни. Ибби и его верный Шем Сингх отправились в джунгли отвлечь внимание тигра, а я тем временем тихонько полез на дерево. Через несколько минут, когда я уже устроился на ветви, Ибби и Шем Сингх вышли из джунглей и направились к нашему

лагерю в Чука. Двое моих людей остались в деревне Тхак.

Вскоре после ухода Ибби снова закричали калиджи, а следом за ними — каркер. Где-то неподалеку бродил тигр, но вряд ли он приблизится к своей добыче по открытой местности, прежде чем сядет солнце и уснет деревня. Каркер покричал минут пятнадцать и умолк. С того момента и вплоть до захода солнца слышался лишь обычный птичий гомон. Не раздалось ни единого звука, который указывал бы на присутствие тигра.

Когда за непальскими холмами на другом берегу реки Сарда исчез красный отблеск заходящего солнца и замерла деревня, с той стороны, где обычно лежали буйволы, снова донесся крик каркера. Тигр возвращался к своей добыче той же дорогой, по какой ушел. Соседняя ветвь оказалась превосходной подставкой для штуцера, и единственное движение, которое мне понадобится сделать, когда приблизится тигр, это нагнуть голову к прикладу. Минута проходила за минутой, а тигр не появлялся. Через полтора часа в двухстах ярдах выше по склону холма вдруг тревожно закричал каркер, и если раньше я считал, что у меня десять шансов против одного застрелить тигра, теперь остался лишь один шанс из тысячи. Я больше не сомневался, что тигр видел, как обламывали сучья; после захода солнца он подкрался к дереву и, обнаружив меня, ушел. С той минуты слышался крик то каркера, то замбара, но каждый раз со все более далекого расстояния. К полуночи тревожные крики и вовсе прекратились. Наступил период ночного покоя, предопределенный природой, когда прекращается борьба и обитатели джунглей могут мирно спать. Те, кому приходилось проводить ночь в джунглях Индии, отмечали этот период, который в зависимости от времени года и фазы луны длится, как правило, от полуночи до четырех часов утра. В эти часы хищники находятся во власти сна, и те, кто живет в постоянном страхе перед ними, спокойны. Естественно, что плотоядные спят в течение этого времени, но мне хочется думать, что природа выделила эти несколько часов для тех животных, которые постоянно опасаются за свою жизнь, чтобы они могли хоть немного отдохнуть.

День едва начался, когда, с трудом расправив затекшие суставы, я спустился с дерева и, достав из-под куста предусмотрительно зарытый Ибби термос, с наслаждением выпил столь необходимый мне чай. Вскоре пришли мои люди. Пока мы прикрывали бычка ветками, чтобы защитить его от грифов, на холме в полумиле от нас трижды прорычал тигр. Когда по дороге в лагерь я проходил через Тхак, мне навстречу вышли старики и просили не падать духом из-за неудачи, постигшей меня прошедшей ночью. Они сказали, что справлялись по звездам и

молились, и если тигр не погибнет сегодня, он непременно будет мертв завтра или послезавтра.

Горячая ванна и плотный завтрак вернули мне силы. В час дня я снова поднимался по крутому холму к деревне Тхак. Там мне сообщили, что на холме, возвышавшемся над деревней, несколько раз кричал замбар. Из лагеря я вышел с намерением устроить засаду, использовав как приманку одного из живых бычков, и, чтобы не ждать тигра напрасно в одном месте, в то время как он будет доедать свою добычу в другом, я разложил возле бычка, около которого провел ночь, несколько газет. В джунглях проходила тропа, по которой постоянно гоняли скот. На ней-то, по словам крестьян, и кричал замбар. На одном из деревьев рядом с тропой я укрепил сиденье, сделанное из веревки, а к корню привязал бычка. В три часа дня я забрался на дерево. Часом позже с дальнего конца долины, за тысячу ярдов от меня, послышался крик каркера, а затем и рычание тигра. Перед бычком лежала огромная охапка зеленой травы, и всю ночь напролет он звенел привязанным к шее колокольчиком, но так и не привлек внимания тигра. На рассвете пришли мои люди и рассказали, что ночью в глубоком овраге, где нашли красную шапку и разорванную одежду мальчика, раздавались крики замбара и каркера; по просьбе крестьян у нижнего края этого оврага мы привязали одного из бычков.

По возвращении в Чука я узнал, что Ибби еще до рассвета ушел из лагеря. Накануне стало известно, что восемью милями выше в долине Ладхья тигр убил вола. Ибби просидел в засаде всю ночь, но тигра так и не видел и возвратился в лагерь лишь на другой день поздно вечером.

4

Утром, после моего ночного бдения около живого бычка, когда Джин и я завтракали, пришли люди, которые привязывали в разных местах пять оставшихся в живых буйволов, и сказали, что бычок, находившийся у нижнего края оврага, где прошлой ночью кричали замбар и каркер, пропал. Пока мы разговаривали, в Чука прибыл Макдональд, служащий окружного лесничества, перебиравшийся сюда в тот день с Каладхунга. Он сообщил, что заметил следы тигра у нижнего края оврага, где, по его предположению, был привязан наш бычок. Следы похожи на те, какие он видел неподалеку от Тхака, когда в прошлый приезд пытался убить людоеда.

После завтрака Джин и Мак отправились вниз по реке ловить

рыбу, а я и Шем Сингх пошли выяснить, что случилось с бычком. Кроме порванной веревки и следов тигра, ничто не указывало на то, что бычок убит. Внимательно приглядевшись, я обнаружил место, где он рогом ковырнул землю. Отсюда начиналась отчетливо различимая кровавая дорожка. То ли тигр заблудился, то ли хотел замести следы, но, протащив бычка несколько миль по труднопроходимой местности, он возвратился с ним к тому же оврагу, откуда начал свой путь. Здесь овраг сужался до десяти футов, и, весьма возможно, тигр залег в нем со своей добычей. Поскольку я собирался всю ночь провести в засаде, то решил присоединиться к рыболовам и пообедать с ними.

Подкрепившись, мы с Шем Сингхом пошли обратно. С нами были еще три человека на случай, если я найду убитого бычка и останусь в засаде: Шем Сингху было бы небезопасно одному возвращаться в лагерь. Я немного всех опередил и, как только приблизился к оврагу, услышал рычание тигра. Края оврага в том месте были очень крутыми и сплошь завалены валунами. Тигр рычал ярдах в двадцати от меня за густым кустарником. В джунглях нет ничего страшнее близкого рычания невидимого тигра. Оно недвусмысленно предупреждает непрошеных гостей не делать ни шагу дальше. Продолжать двигаться по узкому проходу, когда тигр занимает более выгодную позицию, было бы неразумно, и я дал людям знак уходить. Выждав несколько минут, пока они удалились, я стал медленно, пятясь, отступать — единственный безопасный способ избежать нежелательного столкновения с любым животным. Как только мне удалось выбраться из опасного места, я свистнул, люди остановились, и ста ярдами ниже по оврагу я присоединился к ним. Теперь я точно знал, где находится тигр, и не сомневался, что могу справиться с ним, поэтому велел людям вернуться к рыболовам. Но они побоялись это сделать. Ведь ясно, что тигр, рычание которого мы только что слышали, людоед, и лучше оставаться под защитой моего штуцера. Провожать их в лагерь пришлось бы не менее двух часов. Поскольку мы находились в саловом лесу и вокруг не было ни одного дерева, на которое можно было бы взобраться, пришлось разрешить им остаться.

Мы поднялись по крутому откосу, прошли ярдов двести от оврага и свернули влево. Я отмерил шагами еще двести ярдов, мы снова повернули налево и вышли к оврагу ста ярдами выше того места, где находился тигр. Теперь позиционное преимущество оказалось на нашей стороне. Я знал, что тигр не спустится вниз, по оврагу, потому что всего несколько минут назад видал там людей; не пойдет и вверх, так как в этом случае ему не миновать нас. Мы устроились над оврагом на высоте тридцати футов, где

не было подлеска, и у тигра оставался единственный выход — идти вверх по склону противоположного холма. Минут десять мы сидели на краю оврага, внимательно осматривая лежавшую перед нами местность. Затем отступили на несколько шагов, прошли тридцать ярдов влево и снова сели. В этот момент человек, находившийся рядом со мной, указывая на другую сторону оврага, прошептал: «Тигр». Я ничего не мог разглядеть, поэтому попросил рассказать, что именно он видел. Оказалось, он заметил, как тигр пошевелил ушами. На расстоянии пятидесяти ярдов уши тигра — плохой ориентир, а поскольку все вокруг было усыпано сухими листьями, я не смог обнаружить хищника. По дыханию людей я чувствовал, что их волнение достигло предела. Вскоре один из них поднялся, чтобы как следует разглядеть зверя; в тот же миг тигр, лежавший головой в нашу сторону, вскочил и побежал вверх по склону. Как только его голова показалась из-за куста, я выстрелил. Пуля, как выяснилось впоследствии, задела шерсть на шее тигра и ударилась о скалу; осколки заставили его высоко подпрыгнуть. Падая, тигр угодил в разросшееся ползучее растение, выпутаться из которого ему стоило большого труда. Увидев, как он барахтается, мы решили, что с ним покончено. Но когда тигр все-таки поднялся и удрал, мне пришлось согласиться с Шем Сингхом, что он даже не ранен. Я пересек овраг и нашел клок длинной шерсти, срезанный пулей, кусочки отбитой скалы, растерзанное растение, но не обнаружил ни капли крови.

Однако я мог и ошибиться: ведь кровь не всегда начинает течь сразу после того, как животное ранено. Следовало разыскать убитого бычка, тогда я на следующий день узнаю, ранен ли тигр. Но найти его было не так просто. Мы дважды обошли весь участок, прежде чем обнаружили бычка в наполненной водой яме глубиной четыре фута, куда тигр запрятал его, по-видимому, чтобы уберечь от шершней и мясных мух. Отправив троих людей обратно к рыболовам (теперь это было безопасно), Шем Сингх и я спрятались возле убитого буйвола и стали прислушиваться к звукам джунглей. Через час, не услышав ничего интересного, мы вернулись в лагерь. Рано утром Мак и я отправились в овраг, где выяснили, что тигр извлек свою добычу из лужи, оттащил ее в сторону и съел, оставив лишь голову и копыта. Отсутствие следов крови там, где он лежал, поедая добычу, говорило, что тигр не ранен.

Когда мы пришли в лагерь, нам сказали, что на другой стороне реки Ладхья в широком овраге убита корова; люди нашли ее и прикрыли ветками. Ибби еще не вернулся из деревни, расположенной в восьми милях вверх по Ладхья, и после второго

завтрака Мак и я отправились посмотреть на корову. Крестьяне припрятали ее в полдень, вскоре явился тигр, разбросал ветки и унес свою добычу, не оставив следа волока. В лесу здесь росли только большие саловые деревья, без подлеска, но нам понадобился целый час, чтобы найти корову, спрятанную под огромной кучей сухих листьев. Мак, проявив большую любезность, соорудил для меня махан на ближнем дереве, а я тем временем выкурил несколько сигарет и опустошил его флягу с водой: температура в тени доходила до 110° по Фаренгейту.[24] Затем он помог мне взобраться на дерево и ушел в лагерь. Через час я услышал, как с крутого холма за оврагом скатился камень, затем увидел тигрицу с двумя детенышами. Детенышей, несомненно, впервые вели к добыче, и было чрезвычайно интересно наблюдать за стараниями матери внушить им, какая опасность таилась в том, что они делали, и какую огромную осторожность необходимо соблюдать в подобных случаях. Поведение тигрят было не менее любопытным. Они ступали только по следам матери, ни разу не сделав попытки обогнать друг друга; обходили каждое препятствие, которое обходила тигрица, каким бы незначительным оно ни было; неподвижно застывали всякий раз, как она останавливалась, пройдя несколько ярдов, чтобы прислушаться. Земля была покрыта сухими, как трут, большими листьями, по которым невозможно передвигаться бесшумно; тем не менее тигрята опускали и поднимали лапы так тихо, что их почти не было слышно.

Перейдя овраг, тигрица (детеныши не отставали от нее ни на шаг) направилась к моему дереву, обошла его и улеглась на землю так, что добыча оказалась прямо перед ней на расстоянии тридцати ярдов. Это послужило, по-видимому, сигналом для тигрят, и они направились туда, куда она указывала взглядом. Несомненно, мать каким-то образом сообщала детенышам, что здесь для них имеется еда, но я не знаю, как она это делала.

По-прежнему соблюдая осторожность, тигрята приступили к поискам, всем своим видом показывая, что ищут нечто вполне определенное. Я всегда утверждал, что тигры лишены обоняния, и поведение тигрят лишний раз подтвердило мою правоту.[25] Хотя о том, что корова убита, мы узнали только сегодня утром, в действительности это произошло накануне, и прежде чем спрятать тушу, тигрица съела ее большую часть. Погода, как я уже говорил, стояла невероятно жаркая, и именно запах помог нам с Маком в конце концов обнаружить труп животного. А два голодных тигренка сновали взад и вперед, десятки раз проходили на расстоянии ярда от добычи и не могли ее найти. Лишь скопище мясных мух выдало им ее наконец. Вытащив остатки

коровы из-под листьев, тигрята уселись рядом и начали есть. Тигрица следила за детенышами не менее внимательно, чем я, и только однажды, когда в поисках добычи они ушли слишком далеко, издала какой-то звук. Как только добыча была найдена, мать перевернулась на спину и уснула.

Пока я смотрел, как тигрята ели, мне вспомнилась сцена у горы Трисул, свидетелем которой я был несколько лет назад. Я лежал на гребне холма и в полевой бинокль разглядывал высившуюся напротив отвесную скалу, надеясь обнаружить тара, самую смелую из гималайских коз. На узком выступе, где-то посредине между подножием и вершиной, я увидел козу с детенышем. Они спали. Вскоре мать поднялась, потянулась, детеныш немедленно прижался к ней и стал сосать. Минуту или две спустя она оттолкнула его, сделала несколько шагов и, примерившись, спрыгнула на еще более узкий выступ двенадцатью или пятнадцатью футами ниже. Оставшись один, козленок заметался по скале, то и дело останавливаясь поглядеть на мать, но не решался последовать за ней — под уступом шириной в несколько дюймов была глубокая пропасть. Я находился от них слишком далеко и не слышал, уговаривала ли мать детеныша прыгнуть, но по тому, как она держала голову, думаю, что уговаривала. Козленок очень волновался, и мать, вероятно опасаясь, что он может сделать какую-нибудь глупость, решила вернуться к нему, взобравшись по расселине, которая на расстоянии казалась всего-навсего трещиной в отвесной скале. Вернувшись, она сейчас же легла, по-видимому, чтобы помешать ему сосать. Вскоре она встала, немного покормила его и точно рассчитанным движением снова прыгнула вниз. Малыш опять забегал. В течение получаса это повторилось семь раз, пока наконец козленок не рискнул положиться на судьбу и не прыгнул. Он благополучно достиг уступа, и в награду мать разрешила ему вволю напиться молока. Урок, который должен был научить его спокойно повсюду следовать за нею, окончился. Инстинкт играет большую роль, но лишь безграничное терпение матери и безоговорочное повиновение детеныша дают возможность потомству достигнуть зрелости. Очень сожалею, что не смог заснять различных животных в тот момент, когда они занимались воспитанием своих детенышей, потому что в джунглях нет ничего более интересного.

Когда тигрята насытились и вернулись к матери, она стала приводить их в порядок, переворачивая и слизывая кровь, которой они испачкались во время еды. Покончив с этим и удостоверившись, что тигрята чистые, тигрица повела их к мелкому броду через Ладхья — на этой стороне реки не было

подходящего укрытия, да и от добычи уже ничего не осталось.

Я не знал тогда, а если бы и знал, это ничего бы не изменило, что тигрица, за которой я с таким интересом наблюдал в тот день, впоследствии из-за огнестрельных ран станет людоедом и будет наводить ужас на всех, кто жил или работал в долине Ладхья и близлежащих деревнях.

5

Бычка, убитого возле деревни Тхак, у которого я устраивал засаду прошлой ночью, отдали на съедение грифам, а в верхнем конце долины, к западу от деревни, ярдах в двухстах от прежней жертвы, привязали другого. Через три дня староста Тхака дал знать, что тигр убил и уволок его.

Мы быстро собрались, и в полдень Ибби и я, разгоряченные торопливым подъемом на гору, прибыли на место. Убив бычка и оборвав очень крепкую веревку, тигр направился с добычей прямо в долину. Мы взяли с собой двух человек, чтобы нести еду. Велев им держаться как можно ближе к нам, мы пошли по следу волока. Скоро стало ясно, что тигр направлялся в определенное место. На протяжении двух миль нам пришлось пробираться сквозь густое мелколесье, заросли крапивы и малины, спускаться с крутых откосов, пролезать под и над упавшими деревьями, карабкаться по скалам. Наконец мы добрались до самшита, похожего на зонтик, под которым в небольшой ложбине обнаружили добычу. Нас обеспокоило то, что, хотя тигр и убил бычка прошлой ночью, он не притронулся к нему. Однако стремление тигра притащить добычу именно в это место говорило о том, что, если ему ничто не помешает, он, несомненно, вернется. По следам, оставленным зубами тигра на шее бычка, мы определили, что имеем дело с тем самым людоедом, которого ищем.

После быстрого подъема к деревне Тхак и трудного спуска по заросшему густым лесом холму мы обливались потом, поэтому решили присесть в ложбине отдохнуть и поесть.

Поглощая еду и огромное количество чая, я поглядывал по сторонам в поисках удобного для засады дерева, на котором, если понадобится, можно было бы провести и ночь. На краю ложбины, под углом в сорок пять градусов к склону холма, рос огромный фикус. Он пустил корни в сгнившей части ствола одного из гигантских деревьев этого леса. От него пошел целый частокол молодых побегов, и старое дерево, давшее ему жизнь, погибло. Побеги начали срастаться, образуя ствол дерева-паразита. В десяти футах от земли, где кончалась шпалера молодых побегов,

остался пень от погибшего дерева. На нем я и решил устроиться.

После того как мы поели и выкурили по сигарете, Ибби отвел наших людей ярдов на шестьдесят в сторону и велел им влезть на дерево, трясти ветки и делать вид, что они сооружают махан, чтобы отвлечь внимание тигра, если он лежит где-нибудь поблизости и наблюдает за нами. Тем временем я, стараясь производить как можно меньше шума, забрался на фикус. Ствол, который я выбрал, был кривым и усыпан древесной трухой и сухими листьями. Опасаясь, что тигр заметит меня, если я стану счищать их, я сел прямо на листья, надеясь, что в полом стволе нет змей, а в листьях — скорпионов.

Чтобы не упасть, пришлось просунуть ноги между тонкими стволами. Когда я окончательно устроился, люди спустились с дерева и, громко разговаривая, ушли вместе с Ибби.

В десяти футах подо мною находилась ровная площадка шириной десять, длиной двадцать футов; за ней начинался крутой склон холма, поросший высокой травой и густым кустарником, откуда доносился шум ручья. Тигр нашел идеальное место для укрытия.

Минут через пятнадцать после ухода Ибби в дальнем конце долины закричала обезьяна, предупреждая население джунглей о присутствии тигра. Поскольку она не поднимала тревоги, когда мы спускались по следу волока, было ясно, что при нашем приближении тигр оставался на своем месте. Вскоре (так обычно поступают тигры) он решил выяснить, что за звуки раздавались около его добычи. Тигр мог быть где-то рядом, хотя обезьяна, которая подняла тревогу, и находилась от меня на расстоянии четверти мили — природа одарила обезьян превосходным зрением.

Убитый бычок лежал слева от меня. Обезьяна успела крикнуть восемь раз, когда на склоне холма за моей спиной хрустнула сухая ветка. Повернув голову вправо, я посмотрел сквозь частокол побегов, возвышавшихся над моей головой, и увидел тигра. Он стоял в сорока ярдах от меня и смотрел в направлении моего дерева. Несколько минут он не двигался и лишь переводил взгляд с этого дерева на то, куда лазили наши люди. Наконец, решив направиться в мою сторону, он стал подниматься по склону. Ни одному человеку не удалось бы преодолеть этот крутой и трудный подъем без помощи рук и не подняв шума, но тигр проделал это очень тихо. Чем ближе он подбирался к ровной площадке, тем осторожнее становился и тем теснее прижимался брюхом к земле. У края площадки он медленно приподнял голову и внимательно осмотрел дерево, на которое взбирались наши люди. Убедившись, что на нем никого

нет, он прыгнул на площадку и исчез из поля моего зрения. Я рассчитывал, что он направится к добыче и появится слева от меня, но, услышав шуршание сухих листьев, понял, что тигр улегся под моим деревом.

Следующие четверть часа я не шевелился, но и тигр не издал ни звука. Тогда я повернул голову вправо, вытянул шею и в просвет между побегами увидел его голову. Если бы у меня выкатилась слеза, она наверняка упала бы ему прямо на нос. Его подбородок покоился на земле, глаза были закрыты. Но вот он открыл их, поморгал, чтобы отогнать мух, снова закрыл и уснул. Я повернул голову влево. С этой стороны не росли ни молодые побеги, ни ветви, на которые я мог бы опереться.

Следовало хорошенько обдумать положение. Ствол, о который я опирался спиной, был футов трех толщиной и полностью закрывал меня — я не был виден тигру. Несомненно, если его ничто не побеспокоит, он отправится к своей добыче. Вопрос в том, когда он это сделает. День был жаркий, но тигр лежал в густой тени моего дерева, к тому же в долине дул прохладный ветерок. Поэтому он мог проспать очень долго и не подойти к добыче до наступления темноты, лишив меня тем самым возможности выстрелить. Значит, нельзя было ожидать, пока тигр выспится, так как, помимо того что кончалось время, которое мы с Ибби выкроили для этой охоты — а от ее исхода зависела жизнь многих людей, — другой такой случай мог и не представиться. Короче говоря, следовало покончить с тигром незамедлительно. Я мог просунуть ствол штуцера между побегами с правой стороны. Но его невозможно было бы опустить настолько, чтобы взять на прицел голову тигра. Не составило бы труда забраться повыше и стрелять поверх побегов, но это не удалось бы сделать бесшумно. Ведь сухие листья, на которых я сидел, стали бы с шуршанием распрямляться, освободившись от тяжести моего тела, а всего в десяти футах от меня находился зверь, обладавший очень острым слухом. Таким образом, выстрелить в голову было невозможно.

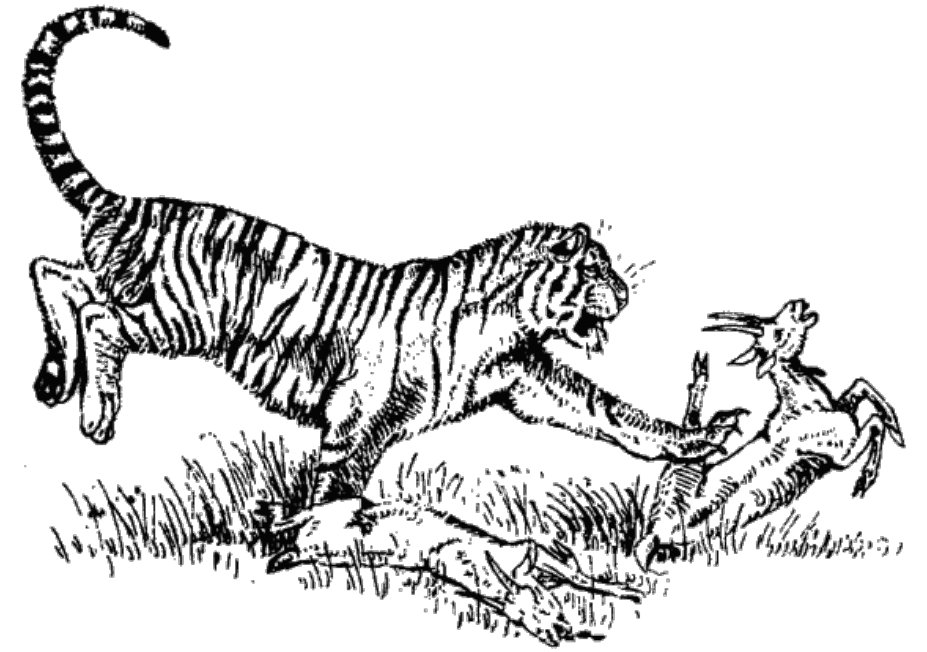
Когда я держал штуцер обеими руками и вытягивал шею влево, я видел почти весь хвост тигра и часть его задней лапы. Я обнаружил, что, ухватившись правой рукой за побеги и наклонившись вперед, вижу треть туловища тигра. Если бы, оставаясь в таком положении, я сумел сохранить равновесие, не держась за побеги, мне все равно не удалось бы тяжело ранить его. Мысль искалечить животное, притом спящее, только за то, что ему нравилось разнообразие в еде, была мне ненавистна. Однако чувствам нет места, когда дело касается людоеда. Уже

много дней я искал случая застрелить этого тигра, чтобы предотвратить дальнейшую гибель людей, и теперь не имел права пренебречь таким случаем лишь из-за того, что сначала необходимо было перебить ему хребет. Итак, судьба тигра была решена, хотя мне и претил способ его уничтожения. Осуществить задуманное требовалось как можно скорее, так как, перенося добычу, тигр оставил след длиною в две мили и какой-нибудь голодный медведь мог, наткнувшись на него, явиться в любую минуту и все испортить. Заняв нужное положение, я медленно разжал пальцы, державшие побеги, затем взял ружье обеими руками, прицелился и выстрелил. Мне не хотелось бы так стрелять еще раз. Когда я нажимал на спуск своего штуцера-экспресса 450/400-го калибра, его приклад был направлен в небо, а мой взгляд — под прицельную рамку. При отдаче мне ушибло руку, но пальцы и запястье остались целы. Тигр вскинул переднюю часть туловища и начал на спине сползать вниз по холму, а я быстро повернулся и пустил ему в грудь пулю из второго ствола. Я не чувствовал бы себя таким страшным убийцей, если бы после первого выстрела тигр начал рычать и неистовствовать, но, будучи поистине благородным животным, он не издал ни звука и после второго выстрела умер.

Когда Ибби уходил, он намеревался устроить засаду возле бычка, убитого четыре дня назад у деревни Тхак, — грифы его почему-то не тронули. Ибби считал, что, если тигр видел, как я лез на фикус, он не подойдет к этой добыче, а вернется к старой, и он его там застрелит. Услышав выстрелы, Ибби поспешил ко мне, полагая, что я нуждаюсь в помощи. Мы встретились в полумиле от фикуса и вместе пошли осмотреть тигра. Это был большой красивый самец в расцвете сил, не менее девяти футов шести дюймов в длину. Нижний правый клык у него действительно был сломан; позже я обнаружил несколько дробинок в разных частях его тела.

Тигр оказался очень тяжелым, и вчетвером мы не могли отнести его в лагерь. Мы набросали на него травы, веток, обломков деревьев, придавили сверху большими камнями, чтобы уберечь от медведей, и ушли. За ночь весть о том, что людоед убит, облетела окрестные селения, и, когда на следующее утро мы перенесли тигра к фикусу, чтобы снять с него шкуру, вокруг толпилось более ста мужчин и мальчишек, явившихся посмотреть на него. Среди них находился и десятилетний брат последней жертвы Чукского людоеда.

ТАЛЛАДЕШСКИЙ ЛЮДОЕД



1

В предгорьях Гималаев не найти более красивого места для лагеря, чем в лесу неподалеку от Биндукхера, среди «пламенеющих» деревьев, особенно в период их цветения. Представьте себе белые палатки под шатром из оранжевых цветов; массу сверкающих красным и золотым оперением птиц — длиннохвостых попугаев с розовыми головками, золотистых иволг, дятлов с ярко-желтыми спинками, украшенными хохолками дронго, которые порхают с дерева на дерево и, раскачивая ветки, усыпают землю цветами, превращая ее в ярко-оранжевый ковер. На заднем плане — густо поросшие лесом холмы, над ними — громоздящиеся друг над другом гребни гор, а еще выше — вершины Гималаев, покрытые вечными снегами. Вообразите все это, и вы получите представление о нашем лагере в Биндукхера, каким он был февральским утром 1929 года.

Биндукхера — это название места, где обычно устраивают лагерные стоянки. Оно находится на западном краю обширной, покрытой травой равнины, длиною двенадцать и шириною десять миль. Когда администрацию Кумаона возглавлял сэр Генри

Рамсей, всю эту землю возделывали, но в то время, к которому относится мой рассказ, здесь осталось всего три деревушки, с несколькими акрами пашни при каждой. Пашня была разбросана вдоль берегов реки, лениво извивающейся по равнине. За несколько недель до нашего прибытия трава на равнине выгорела, лишь в сырых местах остались зеленые островки. Здесь-то мы и рассчитывали найти дичь, ради которой приехали на неделю в Биндукхера. В течение последних десяти лет я не раз охотился в этих местах и знал там каждую пядь земли, поэтому руководить охотой поручили мне.

Стрелять дичь на зеленых равнинах Тераи,[26] устроившись на спине хорошо обученного слона, — один из самых приятных видов охоты. Как бы долго ни продолжалась охота, каждый миг ее интересен, наполнен волнениями и переживаниями.

В удачные дни нам удавалось подстрелить до восемнадцати видов различных птиц и животных, начиная с перепела и бекаса и кончая леопардом или болотным оленем. Вокруг видишь целый мир пернатых, которых не замечаешь, охотясь пешком.

В то февральское утро — первый день нашей охоты — в лагере находилось девять охотников и пять наблюдателей. После раннего завтрака мы взобрались на слонов и выстроили их в шеренгу. Я занял место в центре строя, и мы двинулись на юг. С правого края в пятидесяти ярдах впереди шеренги ехал охотник, который должен был преграждать путь к лесу птицам, взлетавшим из травы при нашем приближении. Если во время охоты на разнородную дичь вам представится возможность выбрать место в строю слонов, выбирайте фланг, но только при условии, что вы одинаково хорошо стреляете как из гладкоствольного ружья, так и из винтовки. Ведь дичь, поднимаемая слонами, устремляется неизменно на фланги, но попасть в птицу или животное после того, как в них уже стреляли другие, очень трудно.

Чистый, свежий воздух, напоенный всеми ароматами утренних джунглей, ударяет в голову, как шампанское. Так же он действует и на птиц.

В результате и охотники и птицы склонны проявлять излишнюю горячность. Слишком нетерпеливый охотник, да если он еще и стреляет по пугливой птице, не наполнит ягдташ, поэтому первые несколько минут охоты в любой погожий день обычно так же безрезультатны, как и последние, когда мускулы и глаза уже переутомлены от долгого напряжения. В то утро птиц было очень много, и, после того как нетерпение охотников улеглось, дела пошли лучше. В первый же заход вдоль края леса мы убили пятерых павлинов, трех красных диких кур, десять

черных куропаток, четырех серых, двух кустарниковых перепелов и трех зайцев, но упустили хорошего замбара: он укрылся в лесу прежде, чем кто-либо успел в него прицелиться.

В том месте, где лес длинным языком на несколько сотен ярдов выступал на равнину, я велел остановиться. Этот лес славился тем, что в нем в любое время года водилось множество павлинов и диких кур. Но он был изрезан рядом глубоких оврагов, образованных потоками вод; они мешали поддерживать правильный строй, поэтому я решил в этот лес не заходить, тем более что один из охотников был неопытным, — в то утро он впервые стрелял со слона. Здесь несколько лет назад, когда мы с Уиндхемом как-то охотились на тигра, я первый раз увидел ярко-красную летучую мышь. Эти красивые создания, похожие при перелете из одного укрытия в другое на великолепных бабочек, встречаются, насколько я знаю, только в густой высокой траве.

После того как слоны остановились, я повернул их и направил гуськом на восток. Когда последний слон прошел участок, где мы только что подняли дичь, я снова остановил их и повернул на север. Вдали виднелись Гималаи, а прямо перед нами в небе висело ярко освещенное солнцем белое облако, казавшееся таким плотным, что на нем смело могли бы танцевать ангелы.

Длина шеренги в семнадцать слонов зависит от местности, на которой ведется охота. Там, где трава густая, я сокращал шеренгу до ста ярдов, на участках с редкой травой — увеличивал ее вдвое. Мы прошли около мили на север, застрелили еще тридцать птиц и леопарда, как вдруг перед нами взлетела земляная сова. Несколько ружей поднялись и тут же опустились, лишь только охотники сообразили, какая это птица. Земляные совы по величине в два раза превосходят куропаток, имеют более длинные, чем у обычных сов, ноги и в полете кажутся белыми. Живут они в норах, покинутых пресмыкающимися или дикобразами. При приближении слонов они обычно улетают на пятьдесят — сто ярдов вперед, держась низко над землей, и садятся. Мне кажется, они делают это для того, чтобы выждать, пока слоны минуют их норы, так как при вторичном приближении шеренги совы неизменно возвращаются обратно. Но поднятая нами в то утро сова повела себя иначе. Пролетев прямо вперед пятьдесят или шестьдесят ярдов, она вдруг небольшими кругами стала набирать высоту. Причина выяснилась минутой позже, когда из лесу слева, летя с большой скоростью, появился сокол. Сова не могла укрыться в своей норе и теперь прилагала отчаянные усилия, чтобы держаться выше сокола.

Часто взмахивая крыльями, она устремилась по спирали

вверх, а сокол тем временем на широко распростертых крыльях плавно кружил вокруг своей жертвы, уверенно набирая высоту. Мы все неотрывно следили за этим захватывающим полетом, и я приостановил охоту.

Трудно определить высоту, если ее не с чем сравнивать. Обе птицы находились примерно в тысяче футов от земли, когда сова, все еще летая кругами, стала постепенно приближаться к большому белому облаку. Мне казалось, что я вижу, как ангелы, прервав танец, уговаривают ее сделать еще одно, последнее усилие и спрятаться в их облаке. Сокол разгадал намерение совы и, сужая круги своего полета, стал быстро подниматься вверх. Успеет ли сова укрыться в облаке, или приближение сокола заставит ее, потеряв самообладание, камнем броситься вниз в тщетном усилии достичь матери-земли и найти убежище в своей норе? Некоторые из участников охоты схватили полевые бинокли. Вдоль шеренги на разных языках послышались взволнованные возгласы:

— Она не успеет!

— Успеет, успеет!

— Уже совсем близко!

— Смотри, смотри, сокол догоняет ее.

И вдруг на фоне облака стала видна только одна птица. Молодчина! Вот это молодчина! Сова одержала победу. Пока люди махали шляпами и аплодировали, сокол, сделав широкий грациозный разворот, плавно опустился на дерево, с которого взлетел.

Никогда нельзя предугадать, как станет реагировать человек на то или иное событие. В то утро участники охоты не моргнув глазом убили пятьдесят четыре птицы и четырех зверей — убили бы больше, если бы каждый выстрел попал в цель. А сейчас все, и охотники, и погонщики слонов, бурно радовались тому, что земляная сова не попала в когти сокола-сапсана.

У северного конца равнины я снова повернул слонов на юг, чтобы провести их вдоль правого берега ручья, который орошает поля трех деревень. Здесь на влажной почве росла густая трава, и все держали винтовки наготове, так как в этом районе водилось много болотных оленей и попадались леопарды.

Когда мы прошли около мили и застрелили еще пять павлинов, четырех дроф-петухов (охота на кур запрещалась), трех бекасов и одного болотного оленя с очень красивыми рогами, сидевший позади меня на слоне наблюдатель «нечаянно» выстрелил из тяжелого штуцера-экспресса. Пороховые газы опалили мне левое ухо, повредив барабанную перепонку. Остальная часть этого февральского дня была для меня

мучительной. Наконец, после бессонной ночи, когда лагерь еще спал, я под предлогом срочной работы дома на заре отправился пешком за двадцать пять миль в Каладхунги.

В Каладхунги доктор, способный молодой человек, только что завершивший свое медицинское образование, подтвердил мои опасения, установив, что у меня лопнула барабанная перепонка. Через месяц мы переехали в наш летний дом в Найни-Тале, и в больнице имени Рамсея окружной врач полковник Барбер, осмотрев ухо, согласился с этим диагнозом. Вскоре у меня образовался нарыв. Это удручало моих двух сестер не меньше, чем меня самого, но поскольку в больнице более ничего сделать не могли, я решил, вопреки желанию сестер и совету полковника Барбера, уехать.

Упоминаю об этом несчастном случае не для того, чтобы вызвать сочувствие у читателей, а потому, что оно имеет прямое отношение к истории Талладешского людоеда, которую я собираюсь теперь рассказать.

2

В 1929 году комиссарами округов Алмора и Найни-Тал были Бил Бейнес и Хэм Вивиан. Население обоих округов страдало от людоедов: первый — от Талладешского тигра-людоеда, второй — от Чоугарского.

Я обещал Вивиану сначала уничтожить тигра в его округе, но поскольку в течение зимних месяцев этот тигр проявлял меньшую активность, чем тигр в округе Бейнеса, я с согласия Вивиана решил попытаться разделаться сначала с Талладешским тигром. Я надеялся, что эта охота поможет мне справиться с болезнью и приспособиться к моему новому состоянию, вызванному частичной потерей слуха. Итак, я отправился в Талладеш.

Я не начал писать рассказ о Талладешском тигре до тех пор, пока не закончил книгу «Наука джунглей». Опубликовать этот рассказ, прежде чем читатель познакомится с книгой и узнает из нее, чему я научился, когда был ребенком и когда стал юношей (например, как передвигаться в джунглях, как пользоваться оружием), — значило бы вызвать сомнение в моей правдивости у людей, не бывавших в те времена в Кумаоне. А после того как мои прежние рассказы приняли с полным доверием, я меньше всего желал, чтобы мне перестали верить.

Я быстро закончил приготовления и 4 апреля в сопровождении шестерых гарвальцев, среди которых были Мадхо Сингх и Рам Сингх, повара по имени Елахаи и брахмана Ганга

Рама, выполнявшего разную работу (он очень хотел идти с нами), покинул Найни-Тал. Пройдя четырнадцать миль до Катгодама, мы сели на вечерний поезд, проехали через Барейли и Пилибхит и на следующий день в полдень прибыли в Танакпур. Там меня встретил пешкар и сообщил, что накануне Талладешский людоед убил мальчика. От него же я узнал, что по распоряжению Бейнеса в Талладеш через Чампават отправили двух бычков, которые предназначались в качестве приманки для тигра. После того как мои люди приготовили себе завтрак и поели, а я позавтракал в почтовом бунгало, мы в хорошем настроении отправились в Каладхунга (не спутайте с Каладхунги), рассчитывая до вечера пройти двадцать четыре мили.

Первые двенадцать миль — через Барамдео до подножия священной горы Пурнагири — дорога почти все время идет лесом. У подножия горы дорога кончается, и до Каладхунга можно добраться двумя путями. Один — более длинный — крутой тропой подняться вверх по левому склону горы до пурнагирийских храмов и, перевалив отрог, спуститься к Каладхунга. Другой — пройти вдоль узкоколейки Коллиера, построенной для перевозки миллиона кубических футов салового леса, о чем я уже рассказывал. Часть узкоколейки, проходившей прежде по ущелью реки Сарда, размыта, но участок, проложенный по отвесному скалистому склону горы, сохранился. Этот переход был очень трудным для моих шестерых тяжело нагруженных гарвальцев, и к ночи мы успели пройти только половину ущелья. Из-за возможных обвалов найти место для стоянки оказалось нелегко. В конце концов мы устроились на узком уступе под нависшей скалой, которая предохраняла нас от камней. Здесь было решено провести ночь. После обеда, пока мои люди готовили себе пищу, разложив костер из щепок и обломков бревен, я разделся и лег на походную кровать — единственный предмет лагерного оборудования помимо палатки и таза для умывания, которые я взял с собой.

Минувший день был жарким; сойдя с поезда в Танакпуре, мы прошли около шестнадцати миль, и я чувствовал приятную усталость. Наслаждаясь послеобеденной сигаретой, я вдруг увидел за рекой три светящиеся точки. В Непале леса горят ежегодно, причем пожары начинаются в апреле, и я решил, что ветер, гулявший по ущелью, раздул тлевшие угли. Пока я спокойно наблюдал за тремя огнями, немного выше появилось еще два. Вскоре один из них, левый, начал медленно двигаться вниз и слился со средним из трех первоначальных. Мне стало ясно, что я ошибся, приняв эти огни за пламя пожара. Все они были одинаковой величины — около двух футов в диаметре — и

горели ровно, без вспышек и дыма. Когда через некоторое время количество огней увеличилось — одни появились левее, другие выше по склону, — само собой напросилось объяснение: по-видимому, какой-то богатей во время охоты потерял ценную для него вещь и теперь послал людей с фонарями ее разыскивать. Объяснение, конечно, не совсем обычное, но мало ли, на наш взгляд, странного происходит на другом берегу этой начинающейся в снежных вершинах реки.

Мои люди тоже заинтересовались огнями. Река текла бесшумно, ночь стояла тихая, и я спросил их, не слышат ли они голосов или каких-нибудь иных звуков — до другой стороны ущелья было не более ста пятидесяти ярдов. Они ответили, что ничего не слышат. Строить догадки о том, что происходило напротив, на холме, было бесполезно. Мы все устали после напряженного дня, и вскоре наш лагерь погрузился в сон.

Ночью на скале над нами один раз тревожно прокричал горал, немного позже послышалось рычание леопарда.

Нам предстоял долгий путь с трудным подъемом на гору, и еще вечером я предупредил людей, что мы рано уйдем из лагеря. Как только на востоке забрезжил рассвет, мне подали горячий чай. Сборы недолги, когда нужно всего-навсего упаковать несколько кастрюль и сковородку да сложить походную кровать. После того как повар и носильщики-гарвальцы гуськом направились по козьей тропе в глубокий овраг, через который во времена Коллиера был перекинут железный мост, я еще раз взглянул на холм, где мы накануне видели огни. Солнце уже собиралось взойти, и были хорошо видны отдаленные предметы. Я внимательно оглядел каждый фут местности, начиная от вершины холма до самой воды и от воды до вершины, сначала невооруженным глазом, а потом в полевой бинокль. Никаких следов пребывания человека или, если возвратиться к моему первоначальному предположению о пожаре, признаков пламени я не обнаружил. С одного взгляда становилось ясно, что растительность здесь за последний год не была тронута пожаром. Холм был каменист, и только несколько чахлых деревьев и кустов росли в тех местах, где они смогли пустить корни в какой-нибудь расселине или трещине. Там, где вчера светились огни, скала была отвесной, и взобраться на нее человек не мог, разве только его спустили бы сверху на веревке.

Через девять дней, выполнив свою миссию, я остановился на ночь в Каладхунга. Мало есть мест в Кумаоне, которые любитель природы или рыбной ловли мог бы сравнить с Каладхунга. От бунгало, построенного Коллиером в те времена, когда из Непала в Индию шел лес, местность полого, большими террасами,

спускается к реке Сарда. Эти террасы когда-то возделывались, а теперь буйно заросли травой. По утрам и вечерам здесь пасутся замбары и читалы; в прекрасных лесах позади бунгало обитают леопарды и тигры, водится масса птиц, включая павлинов, диких кур и фазанов калиджи. Большие тихие водоемы и быстрые перекаты на реке Сарда немного ниже бунгало — лучшие места для ловли рыбы как спиннингом с крупной наживкой, так и удочкой с блесной.

Когда мы покинули Каладхунга, Ганга Рам пошел по горной тропе в Пурнагири, остальные направились более коротким путем через ущелье реки Сарда. Ганга Рам должен был — для этого ему пришлось сделать лишних десять миль — передать наши приношения на алтарь пурнагирийской святыни. Перед уходом я поручил ему заодно разузнать у местных священников об огнях, которые мы видели по дороге в Талладеш. В тот же вечер он присоединился к нам в Танакпуре и передал мне свои собственные наблюдения и все, что узнал от священников.

К пурнагирийской святыне, куда ежегодно десятки тысяч паломников приходят поклониться богине Бхагватти, ведут две дороги: одна от Барамдео, другая от Каладхунга. Обе дороги пересекаются на северном склоне горы недалеко от гребня; в этом месте находится одна из гробниц, считающаяся менее священной. Более священная расположена левее и выше. Добраться до этой «святая святых» можно лишь по узкой расселине в почти отвесной скале. Нервных людей, детей и стариков переносят туда горцы в подвешенных за спиной корзинах. Считается, что достигнуть этой гробницы могут лишь те, кому благоволит богиня, остальным следует оставлять свои приношения внизу.

Богослужение наверху начинается с восходом солнца и кончается в полдень. После этого часа ни один человек не имеет права идти дальше нижней гробницы. Рядом с верхней гробницей есть остроконечная вершина высотой сто футов, взбираться на которую запрещено богиней. В давно минувшие времена некий садху, более честолюбивый, чем его собратья, поднялся на эту вершину, желая сравняться с богиней. Разгневанная неуважением к своим повелениям, богиня сбросила садху с вершины горы на холм, расположенный по другую сторону рожденной в снегах реки. Вот там-то изгнанный навсегда из Пурнагири садху и молится возвышающейся на высоте двух тысяч футов богине, зажигая в ее честь огни. Огни появляются только в определенные дни (мы видели их 5 апреля), и заметить их могут лишь избранные. Этой чести удостоились и мои люди, так как собирались помочь горцам, которым богиня покровительствует.

Этими добытыми в Пурнагири сведениями поделился со

мной Ганга Рам, пока мы ждали поезда в Танакпуре. Спустя несколько недель мне нанес визит старший священник Пурнагири. Он пришел в связи с опубликованной мною в местной газете статьей о пурнагирийских огнях, чтобы поздравить меня, единственного европейца, когда-либо удостоенного чести их видеть. В статье я привел эту историю об огнях и добавил, что, если читатели не согласятся с приведенными мною объяснениями и пожелают найти свои, они не должны упускать из виду следующее: огни появились не одновременно; все они были одинакового размера; ветер не оказывал на них никакого действия; они перемещались с места на место.

Старший священник подчеркнул, что появление огней — установленный факт, оспаривать который невозможно (в этом я с ним согласился, ибо сам видел огни), и добавил, что никакого иного объяснения, чем то, которое я привел, быть не может.

На следующий год я отправился ловить рыбу на реке Сарда с сэром Малколмом (лордом Хейли), бывшим в то время губернатором Соединенных провинций. Сэр Малколм читал мою статью и, когда мы приблизились к ущелью, попросил показать место, где я видел огни. С нами было четверо рыбаков, управлявших наполненными воздухом кожаными мешками, на которых мы плыли по реке от стоянки к стоянке. Недавно эти люди в числе других двадцати рабочих сплавляли в Барамдео для одного подрядчика сосновые бревна из лесов Кумаона и Непала. Занятие это трудное и очень опасное, требующее большой отваги и прекрасного знания реки со всеми ее капризами.

На берегу под уступом, который Коллиер пробил с помощью взрыва в скале, где мои люди и я провели ночь по дороге в Талладеш, есть узкая полоска песка. Сюда по моей просьбе люди подогнали наши надувные мешки, и мы сошли на берег. После того как я показал сэру Малколму, где появились огни и как они перемещались, он высказал предположение, что наши провожатые могут знать разгадку или хотя бы пролить некоторый свет на это явление. Обратившись к ним (он знал, как подойти к индийцу, чтобы получить нужные сведения, да и превосходно говорил на их языке), Малколм выяснил, что рыбаки живут в долине Кангра, где у каждого есть немного пахотной земли, но ее недостаточно, чтобы прокормиться. На жизнь они зарабатывают тем, что сплавляют лес по реке Сарда для Тхакур Дан Сингх Биста. Вплоть до Барамдео им известен каждый фут реки, так как они поднимались и спускались по ней множество раз. Хорошо знают они и ущелье. Ведь в этой части реки есть заводи, где застревает сплавляемый лес, что постоянно причиняет массу хлопот. Однако ничего необычного и никаких огней они здесь никогда не видели.

Когда сэр Малколм, закончив разговор с рыбаками, повернулся ко мне, я попросил его задать им еще один вопрос: за все годы работы на реке приходилось ли им хоть раз провести ночь в этом ущелье? В ответ прозвучало категорическое «нет». Более того, они никогда не слышали, чтобы кто-нибудь ночевал в ущелье. Объяснили они это тем, что в нем обитают злые духи.

В двух тысячах футов над нами в отвесной скале на протяжении пятидесяти ярдов тянулась узкая, без малейшего выступа расселина, до блеска отполированная босыми ногами многих поколений почитателей богини. Несмотря на принятые священниками меры по охране жизни паломников, на этом участке происходило много несчастных случаев, пока махараджа[27] Майсора не выделил средства на стальной трос, который протянули вдоль скалы от нижней гробницы к верхней.

Ясно, что у подножия этой скалы вполне могли обитать духи, но уж никак не злые.

3

Вернемся к рассказу.

Когда я задержался, чтобы рассмотреть скалу, где накануне горели огни, со мной остался Ганга Рам. Он нес мой фотоаппарат. Как всякий житель Кумаона, Ганга Рам ходил очень быстро, и уже через две мили мы догнали нашего повара и гарвальцев. Следующие шесть часов мы безостановочно шли то густым лесом, то берегом реки Сарда. Наш путь лежал через Каладхунга и Чука к подножию горы, на противоположном склоне которой находились охотничьи владения Талладешского людоеда — конечная цель нашего путешествия. У основания горы мы сделали двухчасовой привал, чтобы поесть, перед тем как одолеть высоту в четыре тысячи футов.

В полдень, когда знойное апрельское солнце палило вовсю и спрятаться от него было негде, мы начали изнурительный подъем на одну из самых крутых гор, какие мне и моим людям приходилось когда-либо преодолевать. Так называемая дорога оказалась всего-навсего каменистой тропкой, шедшей к вершине прямо, как стрела. После многочисленных передышек мы на закате добрались до маленькой деревушки, от которой до гребня горы оставалось не более тысячи футов. В Чука нас предупредили, что заходить в деревушку не следует, поскольку это единственный населенный пункт на южном склоне горы и в нее регулярно наведывается людоед. Людоед людоедом, но двигаться дальше мы уже были не в состоянии и направились к

деревушке, расположенной в нескольких сотнях ярдов от тропы. Две семьи — все ее население — встретили нас очень радушно, и после того как мы отдохнули и поели, моих людей разместили в помещении, за запертыми дверями, а я устроился на своей походной кровати под деревом, у которого протекал крошечный родник, снабжавший обе семьи питьевой водой. Ружье и фонарь составляли мне «компанию».

В тот вечер, лежа в постели, я имел достаточно времени, чтобы обдумать сложившееся положение. Бил Бейнес отдал распоряжение старостам деревень до моего прибытия не трогать людей и животных, убитых тигром. Мальчик, о котором мне говорил пешкар Танакпура, убит два дня назад. Сойдя с поезда в Танакпуре, мы не щадили себя, стремясь попасть к месту убийства как можно скорее: я знал, что, хотя тигр и успеет съесть свою жертву до нашего прибытия, он, вероятнее всего, останется здесь же еще на день или два, если его не потревожат. Поэтому утром, покидая стоянку, я рассчитывал, что мы успеем вовремя добраться до места назначения и привязать одного из бычков для приманки. Но подъем на гору совершенно измотал нас. Как ни прискорбно было потерять день, мне оставалось только надеяться, что тигр не уйдет слишком далеко. Препятствием являлось и то обстоятельство, что я не знал эту часть Кумаона. Тигр уже восемь лет нападал на людей, за это время он убил сто пятьдесят человек, следовательно, имелись все основания предполагать, что он действовал на очень большой территории. Если потерять тигра из виду, могут пройти недели, прежде чем удастся вновь обнаружить его. Однако пока было бесполезно волноваться из-за того, что сделал или может сделать тигр, и я спокойно уснул.

На следующее утро мы намеревались рано отправиться в путь. Было еще совсем темно, когда я проснулся от того, что Ганга Рам зажег потухший ночью фонарь. Пока готовился завтрак, я успел умыться в роднике, а когда солнце начало подниматься над непальскими горами, я, вычистив и смазав винтовку системы «ригби-маузер» 275-го калибра и заложив в магазин пять патронов, был готов тронуться в путь. Из-за тигра-людоеда связь между деревнями была прервана, поэтому в нашей деревушке не слышали о последней жертве тигра и не знали, в каком направлении и как далеко нам следовало идти. Не имея представления о том, когда моим людям удастся снова поесть, я велел им хорошенько подкрепиться и следовать за мной, держась ближе друг к другу, а если они захотят отдохнуть, выбирать для этого открытые места.

Выйдя на тропинку, по которой мы накануне с таким трудом

поднимались, я ненадолго остановился, чтобы полюбоваться открывшимся передо мной видом. Долину Сарда покрывала тень. Над рекой, следуя ее изгибам между холмами, вплоть до Танакпура курился туман. Возле Танакпура он рассеивался, и далее до самого горизонта река сверкала подобно ленте из серебра. Чука, частично скрытая туманом, лежала в тени, но я различил извивавшуюся вверх по склону до Тхака тропу, каждый фут которой мне пришлось изучить десять лет спустя, когда я охотился на Тхакского людоеда. Деревня Тхак, сотни лет назад пожалованная раджами Кумаона из династии Чанд священникам пурнагирийских святынь, и вершина Пурнагири купались в лучах утреннего солнца.

Двадцать пять лет прошло с тех пор, как я любовался этим видом, направляясь в Талладеш. Многое произошло за эти долгие годы. Но время не в силах стереть след событий, глубоко запавших в память, и те пять дней, в течение которых я охотился на Талладешского тигра-людоеда, так же свежи в моей памяти сегодня, как и много лет назад.

Миновав холм, я увидел, что моя тропа соединяется с довольно хорошей, футов шести шириной лесной дорогой, шедшей с востока на запад. Деревень вокруг не было видно, и передо мной встал вопрос: куда идти? Рассудив, что дорога на восток уведет меня от цели не далее, чем до реки Сарда, я решил сначала пойти по ней.

Будь у меня возможность свободно выбирать место и время для прогулок, я непременно предпочел бы лесистый северный склон холма где-нибудь в Гималаях и раннее утро в начале апреля. В апреле природа выступает во всем своем великолепии; меняющие наряд деревья покрываются молодыми листьями зеленых и бронзовых оттенков; на смену первым цветам — фиалкам, лютикам и рододендронам — приходят более поздние — примулы, дельфиниумы и орхидеи; улетавшие на зиму в предгорья синицы, дрозды, беблеры и другие птицы возвращаются к своим гнездовьям и, соперничая друг с другом, распевают торжествующие любовные песни. Бродить беззаботно, со спокойной душой, по лесу, где тебе ничто не угрожает, где все, что ты видишь и слышишь, доставляет огромное удовольствие, — чудесно. Но когда в таком лесу обитает людоед, беззаботность сменяется крайним напряжением.

Опасность не только придает особую привлекательность охоте, но и обостряет способность сосредоточивать внимание на том, что нужно видеть и слышать в джунглях. Когда сознаешь опасность и готов к ней, она ни в коей мере не уменьшает получаемого удовольствия. Фиалки не становятся менее

красивыми оттого, что за ближайшей скалой, быть может, укрылся голодный тигр, а льющаяся с самой вершины дуба песня птички не становится менее приятной, если беблер у его подножия предупреждает обитателей джунглей об опасности.

Некоторым счастливцам страх, возможно, неведом от рождения, но я не принадлежу к их числу. И сегодня, после того как я имел дело с обитателями джунглей на протяжении всей жизни, я боюсь зубов и когтей хищника не меньше, чем в тот день, когда тигр впервые заставил меня бежать из джунглей, где я помешал ему спать. Но теперь у меня есть опыт, которого недоставало в дни юности, и он помогает мне бороться со страхом, обуздывать его. Если раньше мне повсюду чудилась опасность и я пугался каждого звука, то теперь я знаю, что действительно представляет угрозу, на какие звуки надо обращать особое внимание, а какими можно пренебречь. На смену былой неуверенности, попадет ли пуля в цель, пришла убежденность, что она пойдет туда, куда следует. Опыт порождает веру в себя, если же не обладать ни тем, ни другим, охота на людоеда пешком и в одиночку превратилась бы в крайне неприятный способ самоубийства.

Лесная дорога, которой я шел в то апрельское утро, пересекала местность, где орудовал людоед. Следы когтей на дороге говорили о том, что тигр часто пользовался ею. Однако они были настолько старыми, что я не мог ясно различить отпечатка лапы. Имелось и множество следов леопарда, замбара, медведя, каркера и кабана. Большим разнообразием отличался здесь и птичий мир. В изобилии росли также цветы; самыми прекрасными из них были белые орхидеи, похожие на бабочек. Эти орхидеи каскадом ниспадали с деревьев и совершенно закрывали ветви и стволы, к которым прикреплялись их корни. На одном из таких увитых орхидеями деревьев черный гималайский медведь соорудил себе искуснейшую берлогу — самую замечательную из всех, какие мне приходилось видеть. Огромный дуб, то ли под тяжестью снега, то ли в одну из бурь, сломался в сорока футах от земли, и на переломе под прямым углом к стволу выросли ветви толщиной в руку. Место, где сломалось дерево, покрылось мхом, и орхидеи пустили в нем корни. Здесь-то, среди цветов, согнув и прижав к сломанному стволу ветви, медведь и устроил себе берлогу. Медведи обычно используют для берлог деревья таких пород, ветви которых могут гнуться не ломаясь. В этих берлогах медведи не обзаводятся семейством. Они встречаются на высоте от двух до восьми тысяч футов. В более низких местах, куда медведи спускаются зимой, чтобы подкормиться дикими сливами и медом, такие берлоги

спасают их от муравьев и мух, а в более высоких местах позволяют спокойно греться на солнце.

Если дорога интересна, она не в тягость. Примерно через час пути лес кончился, и я оказался на поросшем травой гребне холма, с которого увидел деревню. Мое приближение заметили люди (я шел теперь по открытой местности), и буквально все население деревни высыпало мне навстречу. Я часто спрашиваю себя, может ли еще где-нибудь в мире чужеземец, неожиданно и неизвестно по какому делу прибывший в глухой сельский угол, рассчитывать на такой же радушный прием, какой он непременно повсюду встретит в Кумаоне. Весьма возможно, я был первым европейцем, который когда-либо без провожатых, пешком приближался к этой деревне, тем не менее, подойдя к собравшимся, я нашел уже расстеленный для меня ковер и тростниковую табуретку на нем. Не успел я сесть, как мне вручили медный сосуд с молоком. Общаясь всю жизнь с горцами, я научился понимать различные диалекты Кумаона и, что не менее важно, улавливать ход мыслей жителей гор. Поскольку при мне была винтовка, само собой разумелось, что я прибыл избавить их от людоеда. Но крестьян озадачило мое появление пешком в столь ранний час: ведь ближайшее бунгало, где я мог провести ночь, находилось на расстоянии тридцати миль от их деревни.

Пока я пил молоко, пачка сигарет, пущенная по кругу, развязала жителям деревни языки. Ответив на множество вопросов, я сам стал расспрашивать и узнал, что эта деревня называется Тамали и что уже много лет она страдает от нападений людоеда. Одни утверждали, что людоед появился в этих местах восемь лет назад, другие говорили, что десять, но все сходились на том, что он появился в год, когда Бачи Сингх колол дрова и топором отхватил себе пальцы на ноге, а черный вол Дан Сингха, стоивший тридцать рупий, упал с обрыва и разбился. Последней жертвой людоеда в Тамали была мать Кундана. Тигр убил ее в двадцатый день прошлого месяца, когда она вместе с другими женщинами работала в поле, расположенном ниже деревни. Никто не знал, кто этот людоед — тигр или тигрица, но все считали его очень крупным зверем. Жители деревни настолько боялись тигра, что перестали обрабатывать дальние поля и даже ходить в Танакпур за продуктами.

Крестьяне сказали, что людоед надолго никогда не уходил из Тамали, поэтому, если я останусь с ними, о чем они очень просили, у меня будет больше возможности убить его, чем в каком-либо месте Талладеша.

Нелегко оставлять на милость людоеда людей, возлагающих

на тебя все свои надежды. Но я должен был уйти, и они отнеслись с полным пониманием к высказанному мною объяснению. Я заверил их, что вернусь в Тамали при первой же возможности, и ушел искать деревню, где произошло последнее убийство.

Направляясь в Тамали, я положил у места соединения тропы с лесной дорогой знак, который указывал моим людям, что я пошел на восток. Теперь я переместил этот знак, а чтобы мои люди не ошиблись, у дороги на восток добавил еще один, закрывающий путь. Оба знака известны в горах каждому местному жителю, и, хотя я не предупредил своих людей, что воспользуюсь ими, я знал, они догадаются, кто их оставил, и истолкуют правильно. Первый знак — небольшая ветка, положенная посредине дороги верхушкой в ту сторону, куда должен направиться идущий следом человек. Чтобы ветка не сдвинулась, на нее кладется камень или кусок дерева. Второй знак представляет собой две ветки, соединенные в виде креста.

Дорога на запад шла почти без подъемов и спусков через лес гигантских дубов, основания которых утопали в папоротниках, доходивших мне до колена. В просветы между деревьями открывались чудесные виды: на фоне простиравшегося далеко на восток и запад снежного хребта виднелись высившиеся друг над другом холмы.

4

На протяжении примерно четырех миль дорога шла на запад, затем поворачивала на север и пересекала головную часть долины. По долине протекал ручеек с кристально чистой водой, бравший начало в густом дубовом лесу на холме, который высился надо мной слева. Я по камням перебрался через ручей и, поднявшись на небольшую возвышенность, вышел на открытый участок. На его дальнем конце находилась деревня. В тот момент меня заметили несколько девчушек, направлявшихся к ручью, и взволнованно закричали: «Саиб пришел! Пришел саиб!» Этот возглас полетел от дома к дому, и, прежде чем я достиг деревни, меня окружила возбужденная толпа мужчин, женщин и детей.

От старосты я узнал, что деревня называлась Таллакот. Два дня назад (5 апреля) сюда из Чампавата прибыл встречать меня патвари, который оповестил всех в округе, что из Найни-Тала едет саиб, чтобы убить людоеда. Вскоре после приезда патвари людоед убил женщину из их деревни, но труп, согласно приказу комиссара Алмора, никто не трогал. В ожидании моего прибытия на розыски жертвы сегодня утром послали группу мужчин. Пока

староста сообщал мне все эти сведения, вернулись мужчины, человек тридцать, уходившие на поиски убитой женщины. Они рассказали, что осмотрели место, где тигр терзал свою жертву, но не нашли там почти ничего, кроме ее зубов. Даже одежда исчезла. Когда я спросил, где произошло убийство, паренек лет семнадцати, сын убитой, ходивший вместе с мужчинами, сказал, что покажет это место, если я пойду с ним на другой конец деревни. Он пошел впереди, я за ним, а следом за нами все население Таллакота. Миновав деревню, мы вышли на узкую, тянувшуюся между холмами седловину, длиной около пятидесяти ярдов. От седловины шли две долины. Одна, налево от нас, простиралась на запад, до реки Ладхья, другая, направо, на протяжении десяти или пятнадцати миль круто спускалась к реке Кали. Остановившись на седловине, паренек повернулся лицом к долине справа. Ее северную сторону покрывала низкая трава и отдельные редкие кусты, а южную — джунгли с густым подлеском. Указав на один из кустов в северной части долины, росший в восьмистах — тысяче ярдов в стороне и в тысяче — полутора тысячах футов ниже по склону, он сказал, что его мать была убита возле этого куста, когда вместе с несколькими другими женщинами резала там траву. Затем он показал дуб в овраге, ветви которого обломали лангуры. Под этим дубом нашли зубы его матери. Тигра во время поисков ни он, ни кто-либо другой не видел и не слышал, но когда они спускались с холма, до них донесся сначала крик горала, а немного позже лангура.

Значит, кричали горал и лангур. Горал иногда кричит, завидев человека, лангур — никогда. А вот при виде тигра кричат и тот и другой. Возможно, тигр задержался на месте убийства, а затем, потревоженный людьми, стал уходить и был замечен сначала горалом, потом лангуром. Пока я раздумывал и мысленно составлял карту простиравшейся передо мной местности, подошел патвари, который в момент моего прихода в деревню обедал. На вопрос, где находятся два молодых буйвола, посланных по моей просьбе Бейнесом, он ответил, что вел их с собой из Чампавата, но оставил в другой деревне, в десяти милях от Таллакота; там 4 апреля на виду у всей деревни людоед убил мальчика. Поскольку не было никого, кто мог бы вступить в борьбу с тигром, жители унесли тело ребенка и обо всем сообщили в Чампават, откуда мне послали телеграмму в Танакпур. Труп ребенка патвари распорядился сжечь.

Мои люди еще не прибыли из деревушки, где мы ночевали, поэтому я велел старосте поставить мне палатку на открытом участке у ручья, а сам решил спуститься в долину осмотреть место, где людоед съел свою жертву. Я хотел выяснить, был ли

это тигр или тигрица, если тигрица, то имела ли она детенышей. Как я уже упоминал, эта часть Кумаона была мне незнакома. Я спросил старосту, не может ли он указать мне наиболее удобный спуск в долину. Тот самый паренек, который привел меня на седловину, выступил вперед и с жаром сказал: «Я пойду с вами, саиб, и покажу дорогу».

Меня всегда изумляло мужество людей, живущих в районах, где орудуют людоеды, и восхищала доверчивость, с которой они вверялись абсолютно незнакомым людям. Дунгар Сингх — так звали паренька — являл собой пример подобного мужества и доверчивости. Годами он жил в страхе перед людоедом; всего час назад он видел жалкие останки своей матери и тем не менее один и без оружия был готов сопровождать совершенно чужого человека туда, где, судя по тревожным крикам горала и лангура, притаился убийца. Правда, только что он побывал в этом месте, но тогда с ним ходили еще тридцать односельчан.

Спуститься с седловины вниз по крутому склону было невозможно, поэтому Дунгар Сингх повел меня обратно через деревню к козьей тропе. Пока мы шли сквозь редкий кустарник, я рассказал ему, что плохо слышу, и предупредил, что если ему понадобится привлечь мое внимание, пусть он остановится и покажет рукой, а если захочет что-нибудь сказать, — подойдет вплотную и шепнет мне в правое ухо. Когда мы прошли ярдов четыреста, Дунгар Сингх вдруг остановился и посмотрел назад. Я тоже обернулся и увидел, что за нами по склону горы поспешно спускаются патвари и какой-то человек с дробовиком. Думая, что у них есть важное сообщение, я остановился, но оказалось, что просто патвари пожелал сопровождать меня вместе со своим оруженосцем. Я согласился скрепя сердце, так как непохоже было, чтобы патвари и его человек — оба в тяжелых башмаках — умели бесшумно передвигаться в джунглях.

Пройдя густым подлеском еще четыреста ярдов, мы вышли на лишенную растительности площадку в несколько квадратных ярдов. Здесь козья тропа расходилась — налево она вела к глубокому оврагу, направо огибала холм. Остановившись у развилки, Дунгар Сингх показал в сторону оврага и прошептал, что внизу тигр съел его мать. Мне не хотелось, чтобы обутые в грубую обувь люди расхаживали там, где я намеревался искать отпечатки лап людоеда. Я сказал Дунгар Сингху, что спущусь в овраг один, а он пусть остается с обоими мужчинами на площадке. Едва я умолк, как Дунгар Сингх быстро обернулся и посмотрел вверх на холм. Я последовал его примеру и увидел на седловине, где незадолго до этого стояли мы, толпу людей. Жестом Дунгар Сингх попросил нас молчать и, приложив ладонь

к уху, стал напряженно прислушиваться. Наконец, выслушав сообщение, повернулся ко мне и прошептал:

— Мой брат просит передать вам, что внизу на заброшенном поле что-то рыжее лежит на солнце.

На бывшей пашне, освещенной солнцем, люди заметили что-то рыжее. Это мог быть всего лишь куст сухого орляка, или каркер, или молодой замбар, но мог быть и тигр. Так или иначе, если судьба послала мне счастливый случай, я не собирался упускать его. Отдав Дунгар Сингху свою винтовку, я подхватил патвари и его человека под руки и отвел их к росшей поблизости мушмуле. Затем разрядил их ружье, положил его под куст, а им обоим велел влезть на дерево и, под страхом смерти, сидеть там тихо до тех пор, пока я не разрешу спуститься. Вряд ли кто-либо влезал на дерево с большей радостью, чем эти двое. Они добрались почти до самой верхушки и прижались к стволу так крепко, что сразу стало ясно: за время, истекшее с момента выхода из деревни, их представления об охоте на людоеда претерпели коренные изменения.

Козья тропа, уходившая направо, вела к расположенному террасами полю, которое давно не обрабатывалось и заросло диким овсом. Это поле, длиной около ста ярдов, тянулось до самого гребня холма. В ширину, с той стороны, где я стоял, оно имело десять футов, на противоположном конце — тридцать. На протяжении пятидесяти ярдов оно было прямым, потом поворачивало влево. Заметив, что я разглядываю поле, Дунгар Сингх сказал, что с его дальнего конца можно увидеть ту заброшенную пашню, где его брат заметил что-то рыжее. Пригнувшись, мы пробрались на дальний конец поля. Там, опустившись на четвереньки, подползли к самому краю и, раздвинув траву, посмотрели вниз.

Под нами была небольшая долина, противоположная сторона которой представляла собой крутой, заросший травой склон, обрамленный густой порослью молодых дубков. За порослью находился глубокий овраг, где людоед съел мать Дунгар Сингха. Покрытый травой склон имел в ширину около тридцати ярдов и заканчивался скалистым обрывом высотой, судя по росшим у его подножия деревьям, от восьмидесяти до ста футов. На ближней части склона, с той же стороны, где находились мы, виднелось другое, расположенное террасами поле длиной сто и шириной ярдов десять. На нем ближе к нам был небольшой участок низкой ярко-зеленой травы. Остальная часть поля густо заросла ароматными растениями, достигавшими четырех-пяти футов высоты. Нижняя сторона их листьев, по форме напоминавших листья хризантемы, была белого цвета. На участке зеленой травы,

под ярким солнцем, на расстоянии десяти футов друг от друга лежали два тигра.

Зверь, находившийся ближе, лежал к нам спиной, головой к холму, другой — к нам брюхом, к холму хвостом. Оба крепко спали. Стрелять удобнее было в первого, но я боялся, что звук, который производит пуля, проникая в туловище (не следует смешивать этот звук со звуком выстрела), разбудит второго тигра и заставит его броситься вниз по склону холма под укрытие густой растительности, к которой он лежал головой. Если выстрелить сначала во второго, тот же звук погонит первого тигра

или вверх по склону, где растительности меньше, или в мою сторону. Поэтому я решил стрелять сначала во второго. Расстояние до него равнялось примерно ста двадцати ярдам, а угол прицела — о нем нельзя забывать, когда стреляешь с горы вниз, — не так велик, чтобы принимать его во внимание. Положив руку тыльной стороной на край поля, чтобы образовалась мягкая прокладка, и крепко держа винтовку, я тщательно прицелился тигру в сердце и не спеша нажал на спуск. Зверь даже не шевельнулся. Зато второй как стрела взметнулся вверх и одним прыжком очутился на пятифутовом бугре, отделявшем поле от канавы. Здесь он остановился, став боком ко мне, и через правое плечо посмотрел на своего товарища. Я выстрелил еще раз. Тигр встал на дыбы, затем, упав спиной в канаву, исчез из виду.

После второго выстрела я заметил, что высокие ароматные растения неподалеку от места, где лежал мертвый тигр, зашевелились. Какой-то крупный зверь во весь опор мчался по полю прочь. До выстрелов он находился совсем близко от двух спавших тигров, следовательно, это тоже мог быть только тигр. Я не видел зверя, но легко определил его путь по движению растений, так как нижняя сторона их листьев была белой. Быстро установив прицел на двести ярдов, я стал ждать, когда он добежит до открытого места. Вскоре тигр появился. Тут я заметил, что склон холма поворачивает вправо, точно так же как поле, на котором я лежал, поворачивало влево. Это давало мне возможность, поскольку тигр бежал по горизонтали, выстрелить ему в бок.

Я не раз видел, как с одного выстрела животные падали, но никогда не видел, чтобы хоть одно свалилось так, как этот тигр, замертво. Несколько мгновений он лежал неподвижно, потом начал все быстрее и быстрее сползать лапами вперед по склону к обрыву. Внизу в нескольких футах от края обрыва рос молодой дуб толщиной восемь — десять дюймов. Тигр свалился брюхом на это дерево и повис на нем так, что голова и передние лапы оказались с одной стороны, а хвост и задние лапы — с другой. Держа винтовку у плеча и не снимая палец со спуска, я ждал. Но даже дрожь не пробежала по телу зверя. Поднявшись на ноги, я подал знак патвари спускаться с дерева. Оттуда, с мушмулы, как с трибуны, он видел все происходившее. Дунгар Сингх, который все это время прерывисто дышал, лежа рядом со мной, теперь танцевал от радости. По тому, как он поглядывал то на тигров, то на людей на седловине, я догадывался, что он уже сочиняет историю, которую будет рассказывать не только сегодня, но и еще много месяцев подряд.

Увидев на поле двух спящих тигров, я решил, что людоед нашел себе подругу. Но после второго выстрела, вспугнувшего третьего тигра, понял, что имею дело с тигрицей и ее потомством. Отличить мать от молодых тигров было невозможно; когда я смотрел на них в прицельную рамку, они все казались одного размера. В том, что один из них — Талладешский людоед, сомневаться не приходилось: тигры в горах редки, а эти трое находились близко от места, где был недавно убит и съеден человек. Молодые тигры погибли за грехи своей матери. Они, конечно, после того как перестали питаться молоком, ели мясо человека, добываемое матерью, но это не означало, что, уйдя из-под опеки, сами превратились бы в людоедов. Несмотря на все толки, возникшие по поводу моих утверждений о том, как тигры становятся людоедами, я все же считаю, что употребление детенышами тигров-людоедов мяса человека (по крайней мере, в той части Индии, о которой пишу) не делает их людоедами.

Сидя на краю поля, свесив ноги и положив винтовку на колени, я угостил сигаретами своих спутников и сказал им, что, когда кончу курить, схожу посмотреть на тигра, который свалился в канаву. Я не сомневался, что найду его мертвым. Следовательно, ничего не изменится, если я посижу несколько минут хотя бы для того, чтобы порадоваться выпавшей на мою долю замечательной удаче. Через час после прибытия в Талладеш совершенно случайно я обнаружил тигрицу, восемь лет терроризировавшую население на территории во много сотен квадратных миль, и за несколько секунд уничтожил ее вместе с потомством. Помимо огромного удовольствия, которое испытывает каждый охотник, когда сознает, что уверенно владел винтовкой в момент наивысшего волнения, я чувствовал радость и облегчение еще и оттого, что хищники убиты и мне не придется преследовать их, а к этому всегда надо быть готовым, если охотишься на тигров пешком.

Мои люди не приписали бы эту исключительную удачу простой случайности. Ведь они заранее позаботились, чтобы все было хорошо. Перед тем как отправиться на охоту, они ходили к старому священнику найнитальского храма за советом, когда пускаться в путь, и он выбрал для нас благоприятный, без дурных предзнаменований, день. Значит, успех нельзя отнести за счет счастливой случайности. Но если бы мне не удалось застрелить тигров, они не приписали бы это стечению скверных обстоятельств, ведь, как бы точно я ни целился, пуля все равно не причинила бы никакого вреда животному, которому не пришло время умирать. Я всегда считался с суевериями тех, кто шел со мной на охоту. Я сам не люблю отправляться в путь по пятницам,

поэтому не склонен смеяться над глубоко укоренившимся обычаем горцев не начинать путешествие на север во вторник или среду, на юг — в четверг, на восток — в понедельник или субботу, на запад — в воскресенье или в пятницу. Ничего не стоит разрешить людям, идущим с тобой на опасное дело, самим выбрать день начала охоты. Зато у тебя будут жизнерадостные и довольные спутники, над которыми не тяготеет предчувствие несчастья.

Мы почти докурили сигареты, когда я заметил, что висевший на молодом дубе тигр начал шевелиться. По-видимому, кровь стекла в переднюю часть туловища и сделала ее более тяжелой, отчего животное начало медленно сползать головой вперед. Отделившись наконец от дерева, тигр заскользил по заросшему травой склону к обрыву. Когда он, падая с обрыва, находился в воздухе, я вскинул винтовку и выстрелил. Выстрелил от радости по поводу успешного окончания моей миссии в Талладеше, а также — мне стыдно в этом признаться — чтобы показать, что в такой знаменательный день я мог поразить любую цель, даже падающего со скалы тигра. Через мгновение тигр исчез среди деревьев. Послышался шум и треск гнувшихся и ломавшихся ветвей, затем глухой звук падения тяжелого тела. Не имело значения, попал ли я на этот раз в тигра, плохо было то, что теперь крестьянам придется проделать более длинный путь за ним.

Я докурил сигарету и попросил своих спутников не шуметь, пока схожу посмотреть на тигра, угодившего в канаву. Склон был очень крутым, и не успел я пройти и пятидесяти футов, как Дунгар Сингх взволнованно закричал: «Смотрите, саиб! Тигр!» Я думал о том тигре, который упал в канаву, поэтому сел, поднял винтовку и приготовился встретить нападение с этой стороны. Но, увидев мои приготовления, Дунгар Сингх крикнул:

— Не здесь, саиб! Там! Там!

Избавившись от необходимости обороняться с фронта, я повернулся и посмотрел на Дунгар Сингха. Он указывал на подножие того холма за главной долиной, где была убита его мать. Я не сразу увидел тигра, наискосок пересекавшего склон. Он направлялся к вершине отрога центрального холма. Тигр сильно хромал и останавливался через каждые три-четыре шага. На его правом плече виднелось большое кровавое пятно. Это был тот самый тигр, который только что, круша ветки, сорвался с дерева, так как тигр, упавший в канаву, получил пулю в левое плечо.

На склоне рядом со мной росла стройная сосенка. Установив прицельную рамку на триста ярдов, я крепко обхватил дерево

левой рукой и, положив винтовку на запястье, тщательно и не спеша прицелился. До тигра было около четырехсот ярдов, и он находился несколько выше меня, поэтому я подождал, пока зверь снова остановился, затем мягко нажал на спуск. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем пуля пролетела это расстояние, но наконец я увидел маленькое облачко пыли. В тот же миг тигр, словно споткнувшись, подался вперед, затем, хромая, медленно пошел дальше. Я взял слишком высокий прицел, и пуля пролетела немного выше, чем следовало. Теперь я точно знал, как нужно прицелиться, чтобы убить зверя. Недоставало лишь пули, той самой пули, которую я так безрассудно пустил на ветер, когда выстрелил в падавшего со скалы зверя. Держа в руках незаряженную винтовку, я смотрел, как медленно, превозмогая боль, тигр взбирался на гребень. Там он постоял несколько мгновений как бы в нерешительности, а потом исчез из виду.

Охотники, которым никогда не приходилось бывать в Гималаях, усомнятся, разумно ли я поступил, вооружившись легкой винтовкой 275-го калибра и запасшись всего пятью патронами. Меня это заставили сделать следующие соображения:

а) этой винтовкой я пользовался свыше двадцати лет и хорошо ее знал;

б) она была легкой, имела точный бой и била на расстоянии до трехсот ярдов;

в) лечивший мое ухо полковник Барбер предупредил, чтобы я избегал пользоваться тяжелой винтовкой и не стрелял чаще, чем требовали обстоятельства.

Что же касается запаса патронов, то он был мал потому, что я не собирался в то утро стрелять в тигров. Я хотел только найти деревню, где людоед убил свою последнюю жертву, и, если останется время, привязать приманку — одного из бычков. К тому же легкая винтовка и пять патронов к ней сделали бы свое дело, если бы я не выпустил зря ту роковую пулю.

Мои люди прибыли в деревню вовремя, чтобы вместе с толпившимися на седловине крестьянами увидеть все происходившее. Они знали, что пять патронов в магазинной коробке — все, чем я располагал. Поэтому, после того как прозвучал пятый выстрел, а раненый тигр скрылся за гребнем горы, Мадхо Сингх опрометью бросился ко мне с новым запасом патронов.

Оба убитых зверя, тот, что остался лежать на зеленой траве, и второй, свалившийся в канаву (я нашел его мертвым на том же месте, куда он упал), оказались почти взрослыми тиграми. Третьим раненым зверем, которому удалось уйти, была, несомненно, их мать — Талладешский людоед. Оставив Мадхо

Сингха и Дунгар Сингха договариваться о том, как перенести убитых зверей в деревню, я один отправился на поиски раненой тигрицы. От зарослей орляка, куда она упала с дерева, я прошел по едва заметному кровавому следу до места, где она стояла, когда я выстрелил в нее в последний раз. Здесь я нашел небольшой клок шерсти, срезанный пулей со спины тигрицы, и немного крови, вытекшей из раны в тот момент, когда тигрица, услышав над своей головой удар пули о камень, рванулась вперед. Отсюда и до гребня попадались отдельные капли крови, но дальше на низкой густой траве след совсем потерялся. Поблизости, на крутом холме, был участок густого кустарника шириной сто ярдов. Он тянулся ярдов триста вверх по склону. Я заподозрил, что тигрица укрылась там. Но надвигалась ночь, для точной стрельбы было уже недостаточно светло, и я решил вернуться в деревню, отложив обследование кустарника на следующий день.

5

Утро ушло на то, чтобы снять шкуры с убитых тигров и натянуть их на привезенные мною из Найни-Тала шестидюймовые колышки. Пока я занимался шкурами, на деревья вокруг моей палатки слетелось не менее сотни грифов. Они-то и раскрыли секрет, куда делось платье последней жертвы людоеда. Оказалось, что пропитанную кровью одежду молодые тигры изорвали в клочья и проглотили.

Тут же, наблюдая за работой, сидели крестьяне, и я попросил их помочь моим гарвальцам провести облаву в кустарнике, где, как я думал, скрылась раненая тигрица. Они охотно согласились. Около полудня участники облавы прошли через деревню, вдоль седловины к вершине холма, возвышавшегося над кустарником, а я тем временем спустился козьей тропой в долину, затем поднялся к гребню, за которым накануне потерял след тигрицы. У нижнего края кустарника лежал огромный, величиной с дом, валун. Взобравшись на самый его верх, откуда меня видели находившиеся на вершине холма люди, я помахал шляпой, чтобы они начинали загон. Во избежание несчастного случая — тигрица могла кого-нибудь покалечить — я велел людям, оставаясь все время на вершине, сначала хлопать в ладоши и кричать, а потом скатывать в кустарник камни. Едва начался загон, как из кустов выскочил каркер, вылетело несколько фазанов калиджи, но больше никто не появлялся. Когда мои помощники прочесали камнями весь кустарник, я подал им сигнал прекратить загон и

возвратиться в деревню.

После того как они ушли, я на всякий случай обыскал кустарник, но тигрицы там не нашел. Вчера вечером, следя за тем, как она поднималась на холм, я пришел к выводу, что у нее очень болезненная рана. Сегодня я осмотрел кровавый след на том месте, где она накануне шарахнулась от пули, и убедился, что рана у нее не внутренняя, а поверхностная. Почему же тигрица упала от выстрела как подкошенная и провисела на дереве добрых пятнадцать минут, не подавая признаков жизни? На этот вопрос ни в то время, ни теперь не могу найти никакого разумного ответа. Впоследствии я обнаружил, что пуля с мягкой головкой в никелевой оболочке застряла у тигрицы в правом плечевом суставе.

Когда пуля, выпущенная из тяжелой винтовки, наталкивается на кость, у животного наступает сильный шок. Это понятно. Но ведь тигр — крупное животное с огромным запасом жизненных сил, поэтому неясно, каким образом пуля из легкой винтовки 275-го калибра могла сбить тигрицу с ног и заставить ее потерять сознание на целых пятнадцать минут.

Вернувшись на гребень, я остановился, чтобы осмотреть местность. Оказалось, что гребень тянется на много миль и разделяет две долины. Та, что лежала налево, представляла собой заросшее травой открытое пространство; в верхнем конце ее находился участок густого кустарника. Долина справа, где тигры съели женщину, была покрыта с одной стороны джунглями, другая ее сторона — крутая, сложенная из глинистых сланцев — кончалась скалистым обрывом.

Присев покурить на выступ скалы, я обдумал события прошедшего вечера и пришел к следующим выводам:

а) с момента выстрела и до падения с дерева тигрица была без сознания;

б) падение, смягченное ветвями деревьев и росшим под ними орляком, вернуло ей сознание, но не полностью; она все же оставалась ошеломленной;

в) в таком состоянии она побрела куда глаза глядят, добралась до холма и поднялась на него.

Возникал вопрос: как далеко и в каком направлении ушла тигрица? Спускаться с холма с поврежденной лапой гораздо труднее, чем подниматься, поэтому, как только тигрица окончательно пришла в себя, она перестала спускаться и начала искать убежище, где можно было бы отлежаться, пока не заживет рана. Чтобы достичь убежища, ей пришлось бы перейти гребень. Следовательно, надо было выяснить, сделала ли она это. Обнаружить, перешел ли зверь с мягкими лапами гребень

протяженностью в несколько миль, было бы невозможно, если бы не звериная тропа, шедшая вдоль его острого, как нож, края. Тропа имела идеальную поверхность; на ней ясно отпечатывались следы всех проходивших животных. Налево от тропы был покрытый травой склон, направо — крутая сланцевая, отвесно обрывавшаяся осыпь, а под нею овраг.

Покурив, я пошел по звериной тропе и увидел на ней следы горала, сероу, замбара, лангура, дикобраза и отпечатки лап леопарда-самца. Чем дальше я продвигался, тем больше расстраивался, так как знал, что если не найду следов тигрицы на этой тропе, то едва ли увижу ее снова. Но, пройдя вдоль хребта около мили и вспугнув двух горалов, которые ускакали от меня по поросшему травой склону, я все-таки нашел отпечатки лап тигрицы и пятно запекшейся крови. Очевидно, перейдя вчера вечером хребет, она шла вниз по этому склону до тех пор, пока не оправилась от потрясения, затем пересекла холм по горизонтали. Этот путь и вывел ее на звериную тропу. Я прошел по следу тигрицы полмили до места, где она попыталась спуститься с осыпи, намереваясь, очевидно, укрыться в джунглях на другой стороне оврага. Здесь высота осыпи была наименьшей, ярдов пятнадцать. Не знаю, что помешало тигрице, раненая лапа или слабость, но, ступив на осыпь, она проползла вниз всего несколько ярдов, затем повернула обратно и в отчаянном, но тщетном усилии не сорваться с обрыва в овраг стала скрести землю когтями широко расставленных лап. Я держусь на ногах так же уверенно, как горные козы, но даже мне было бы трудно преодолеть эту осыпь. Поэтому я прошел вперед по тропе еще несколько сотен ярдов, пока не увидел расселину и по ней спустился в овраг.

Идя обратно вверх по оврагу, имевшему в ширину ярдов тридцать, я обратил внимание, что обрыв под осыпью достигает шестидесяти — восьмидесяти футов. Ни одно животное, сорвавшись с такой высоты на камни, несомненно, не останется в живых.

Приблизившись к месту, где должна была упасть тигрица, я, к несказанной радости, увидел белое брюхо какого-то большого животного. Но обрадовался я преждевременно: это была не тигрица, а всего лишь сероу. По-видимому, антилопа спала на узком выступе у края обрыва и, почувствовав над собою тигрицу, проснулась. В растерянности она прыгнула вниз и насмерть разбилась о камни у подножия обрыва. Неподалеку от сероу был маленький участок рыхлого песка. Сюда-то, не причинив себе никакого вреда (у нее лишь открылась рана на плече), и упала тигрица. Она прошла на расстоянии ярда от разбившейся сероу,

не обратив на нее внимания, затем пересекла овраг, оставив за собой на всем пути отчетливый кровавый след. Высота правого края оврага была всего несколько футов. Тигрица неоднократно пыталась взобраться на него, но безуспешно. Теперь я знал, что найду ее в первом же мало-мальски подходящем укрытии. Но мне не везло. В небе начали сгущаться тучи, и, прежде чем я нашел место, где тигрица покинула овраг, хлынул дождь, смывая кровавый след.

Приближался вечер, а мне предстоял долгий и трудный обратный путь, и я повернул назад.

В любом состязании удача играет немаловажную роль, тигрице же пока она сопутствовала во всем. Прежде всего, вместо того чтобы находиться рядом со своими детенышами на открытом месте, где бы я мог легко отличить ее, она лежала, спрятавшись в густой высокой траве. Далее, пуля натолкнулась именно на ту кость, которая одна лишь могла помешать смертельно ранить ее. Затем, дважды падая с обрыва, она непременно разбилась бы насмерть, не будь в первом случае деревьев и орляка, во втором — рыхлого песка, смягчившего ее падение. Наконец, когда я находился всего в сотне ярдов от места, где она залегла, начался дождь и уничтожил ее кровавый след. И все же кое в чем повезло и мне: опасение, что тигрица уйдет поросшим травой склоном, где я потеряю ее след, не оправдалось; кроме того, я знал теперь, где ее искать.

6

На следующее утро я вернулся в овраг вместе с моими шестью гарвальцами. Повсеместно в Кумаоне мясо сероу считается большим деликатесом, а так как погибшее животное было в отличном состоянии, оно могло послужить желанным добавлением к рациону моих людей. Оставив гарвальцев снимать с сероу шкуру, я направился к месту, откуда накануне повернул назад. Там я увидел, что на холме есть еще два глубоких и узких ущелья. Поскольку тигрица могла уйти любым из них, я решил обследовать оба и начал с ближайшего. Но, поднявшись по нему на несколько сотен ярдов, я обнаружил, что стороны ущелья слишком круты даже для нераненого тигра и что кончается оно отвесным обрывом высотой футов в тридцать, где во время муссонных дождей, очевидно, образуется водопад. Я вернулся обратно и крикнул находившимся неподалеку людям, чтобы они разожгли костер и вскипятили воду для чая.

Направляясь осматривать второе ущелье на левой стороне

холма, я увидел звериную тропу. На ней остались частично смытые вчерашним дождем отпечатки лап тигрицы. Неподалеку от тропы находилась большая скала. Подойдя поближе, я заметил возле нее впадину. Сухие листья в этой впадине были примяты и кое-где покрыты сгустками запекшейся крови. Тигрица, вероятно, пришла сюда после падения с обрыва часов сорок назад и ушла только что, услышав, как я кричал людям, чтобы они вскипятили чайник.

У каждого тигра свой нрав, поэтому нельзя предугадать, что сделает тот или иной раненый зверь при приближении человека. Трудно также сказать, в продолжение какого времени после ранения он будет представлять угрозу для тех, кто его потревожит. Однажды я видел, как тигр, убегая, сильно порезал заднюю лапу, но уже через пять минут после этого напал с расстояния в целых сто ярдов. А другой тигр, зализывая в течение многих часов очень болезненную рану, подпускал к себе противника на несколько футов, даже не пытаясь его отогнать. Еще сложнее предугадать, как поведет себя раненый тигр-людоед. Его нападение может быть вызвано не только тем, что человек побеспокоил его своим приближением, но и желанием, если рана не внутренняя, добыть пищу. Вообще тигры, исключая раненых и людоедов, очень добродушны. Если бы это было не так, тысячи людей не могли бы работать в джунглях, где зачастую тигры встречаются чуть ли не на каждом шагу, а такие, как я, не могли бы годами бродить по лесам пешком без всякого для себя вреда. Иногда какой-нибудь тигр протестует, когда слишком близко подходят к его детенышам или добыче, которую он стережет. Протест этот неизменно выражается рычанием; если оно не производит должного впечатления, за ним следуют короткие броски, сопровождаемые грозным ревом. Но если не помогают и такие предупреждения, тогда уж вина за любое полученное увечье полностью ложится на незваного гостя. Несколько лет назад со мной произошел случай, подтверждающий мое убеждение, что у тигров добродушный нрав.

Как-то вечером моя сестра Мэгги и я ловили рыбу на реке Боар в трех милях от нашего дома в Каладхунги. Я поймал уже двух небольших махсиров, сидел на скале и курил. Внезапно появился Джофф Гопкинс на слоне (позднее он стал начальником Управления охраны лесов штата Уттар-Прадеш). Он ожидал приезда друзей, а так как к столу не хватало мяса, вооружившись винтовкой 240-го калибра, направился подстрелить каркера или павлина. Поскольку мы наловили уже достаточно рыбы, то приняли предложение Джоффа поехать с ним поискать дичь. Мэгги и я сели на слона. Перебравшись через реку, я показал

погонщику, куда идти. Местность была покрыта низкой травой и зарослями дикой сливы. Вскоре под одним из деревьев я заметил мертвого читала. Остановив слона, я спрыгнул на землю, чтобы выяснить причину смерти животного. Это оказалась старая самка, умершая сутки назад. Так как на ней не было видно следов насилия, я решил, что она погибла от укуса змеи. Я уже повернулся, собираясь уходить, но тут заметил на траве каплю свежей крови, которая показывала, что животное, потерявшее ее, направлялось в сторону от мертвого читала. Осмотрев траву немного дальше, я увидел еще одно пятно. Озадаченный этим свежим кровавым следом, я стал искать, куда он ведет, дав знак погонщику направлять слона за мной. След тянулся по траве на расстоянии шестидесяти или семидесяти ярдов и кончался у густых кустов высотой около пяти футов. Пройдя вплотную к кустарнику, я обеими руками — моя удочка осталась на слоне — широко раздвинул кусты. Головой ко мне прямо у меня под руками лежал тигр и ел читала-самца с бархатистыми рогами. Когда я раздвинул кусты, тигр поднял голову и посмотрел на меня; его глаза яснее всяких слов говорили: «Ого! Черт возьми!» Точь-в-точь то же самое сказал тогда себе и я. К счастью, ошеломленный неожиданностью, я застыл на месте, — должно быть, потому что мое сердце перестало биться. Тигр, лежавший так близко, что ему ничего не стоило протянуть лапу и ударить меня по голове, взглянул мне прямо в глаза, затем одним плавным и грациозным движением поднялся, повернулся и скрылся в росших позади него кустах. Читала тигр убил в зарослях дикой сливы незадолго до нашего появления. Перенося добычу в укрытие, он прошел мимо мертвой самки и оставил кровавый след, который и привел меня к нему. Трое людей, сидевших на слоне, не видели тигра до тех пор, пока он, прыгнув, не показался над кустами. Тогда погонщик в ужасе закричал:

— Осторожно, саиб! Тигр!

* * *

Снова упустив тигрицу, я присоединился к своим гарвальцам. Пока они разрезали тушу сероу, чтобы ее удобнее было нести, я напился чаю. Затем мы вместе вернулись к впадине возле скалы, где была найдена запекшаяся кровь. Эти люди неоднократно сопровождали меня во время охоты; увидев столько крови на листьях, они единодушно высказали мнение, что у тигрицы внутренняя рана и что она, несомненно, умрет через несколько часов. С этим я не мог согласиться, так как знал, что рана ее

неглубока, и если дать тигрице время оправиться, труднее будет ее выследить.

Если вы хотите получить некоторое представление о местности, которую нам предстояло обследовать в тот день, вообразите себе склон крутого холма, прорезанный узким и глубоким ущельем. Склон справа от ущелья покрывал довольно густой лес без подлеска, слева — густые заросли молодого бамбука, орляка и разного рода кусты.

Я решил, что моим людям лучше пройти на правую сторону ущелья и, чтобы не терять меня из виду, влезть там на самое высокое дерево. Если же им понадобится привлечь мое внимание — свистнуть; горцы, как некоторые мальчишки, очень искусно свистят сквозь зубы. На той стороне ущелья они будут в полной безопасности, так как тигрице там негде укрыться. Следы показывали, что, покинув впадину возле большой скалы, она направилась левой стороной ущелья вверх по холму. Туда я за нею и последовал.

Я уже как-то говорил о том, что по учебникам джунгли не изучишь. Знание джунглей приобретается постепенно, и процесс их познания бесконечен. То же самое относится и к выслеживанию зверей. Всякий раз имеешь дело с разными животными и иными обстоятельствами, благодаря чему этот прием охоты — один из наиболее волнующих и интересных. Существует два общепринятых способа выслеживания: первый — идти по следу, на котором есть кровь, второй — по следу, на котором крови нет. Иногда мне удавалось обнаружить раненое животное, наблюдая за полетом мясных мух или питающихся мясом птиц. Из двух упомянутых способов слежки первый — более надежный. Но поскольку раны не всегда кровоточат, раненых животных приходится зачастую разыскивать по следам, которые они оставляют на земле, либо по примятой или сломанной растительности. Выслеживать зверя может быть легко или трудно в зависимости от характера почвы, а также от того, с каким животным имеешь дело: с копытным или с таким, у которого мягкие лапы.

Когда тигрица, услышав мой голос, покинула впадину, ее рана уже не кровоточила, а гнойных выделений (очевидно, рана начала нарывать) было недостаточно, чтобы проследить ее путь. Поэтому оставалось одно: разыскивать людоеда либо по отпечаткам лап, либо по следам на растительности. В той местности, где мы находились, это не составляло особого труда, но требовало много времени, что было выгодно для тигрицы, ибо чем дольше продолжалось бы преследование, тем больше шансов было бы у нее оправиться от раны и тем меньше шансов

оставалось бы у меня найти зверя. Сказывалось напряжение последних дней, и я чувствовал себя очень усталым.

Первые сто ярдов след вел через невысокий, по колено, орляк. На этом участке выслеживать тигрицу было легко, она шла более или менее прямо. За орляком начинались густые заросли молодого бамбука. Я почти не сомневался, что она залегла в них. На выстрел я не рассчитывал, потому что бесшумно пробираться сквозь переплетавшийся бамбук было невозможно, разве только тигрица сама выдаст себя, напав на меня. Когда я прошел половину чащи, закричал каркер. Значит, тигрица куда-то направлялась, по-видимому влево, на какой-нибудь открытый участок, так как крик каркера доносился все время с одного и того же места. Я вернулся обратно и обошел заросли слева, но не обнаружил там никакого открытого участка и, как выяснилось, не приблизился к кричавшему каркеру. Вскоре он замолчал. Тут подняли гомон фазаны калиджи. Тигрица все еще шла, но, как я ни прислушивался, поворачивая голову во все стороны, не мог определить направление ее движения.

Умение точно определить направление и расстояние до любого услышанного в джунглях звука — большое искусство. Я довел свое мастерство в этой области до совершенства, чем весьма гордился. Но в тот день я впервые, к своему великому огорчению, ясно осознал, что случившееся со мной несчастье лишило меня этого преимущества. Я понял, что мой слух не поможет мне больше избежать опасности, что я никогда не испытаю удовольствия снова слушать голоса обитателей джунглей, язык которых изучал долгие годы. Если бы мое второе ухо было здоровым! Но, к сожалению, много лет назад в результате «случайного» выстрела из ружья барабанная перепонка этого уха тоже пострадала. Теперь уж ничего не поделаешь. И хотя волей обстоятельств я оказался в невыгодном положении, все же не собирался допустить, чтобы тигр, будь то людоед или не людоед, получил какое-либо преимущество передо мной в борьбе, которая велась не на жизнь, а на смерть.

Я вернулся в орляк, чтобы попытаться там найти тигрицу, полагаясь уже только на свое зрение. В джунглях было много дичи: то тут, то там, указывая на присутствие тигрицы, неоднократно тревожно кричали замбар, каркер и лангур; несколько раз я слышал фазанов, соек и дроздов. Не обращая внимания на эти звуки, к которым обычно так жадно прислушивался, я шаг за шагом шел за тигрицей. Она поднималась на холм то прямо, то зигзагами — от одного укрытия к другому, делая частые передышки. Недалеко от вершины холма находилась открытая площадка шириной около

ста ярдов, поросшая низкой жесткой травой. А еще выше — два участка густого кустарника, разделенных узким проходом, тянувшимся до самой вершины. В жесткой траве я потерял след. Тигрица знала, что за ней идут по пятам, и, конечно, хотела как можно меньше быть на виду. Кустарник, который находился справа от прохода, был ярдов на тридцать ближе, и я решил сначала осмотреть его.

На расстоянии ярда или двух от кустарника я услышал, как под тяжестью какого-то крупного животного треснула сухая ветка. В тот момент мне показалось, что звук донесся слева, и я повернул к другому участку кустарника. Это была моя вторая ошибка в тот день; первая — когда я крикнул людям, чтобы они вскипятили воду. Позднее мои люди рассказывали, что я перешел открытый участок сразу же за тигрицей и что в тот момент, как я повернул налево, она лежала на маленькой поляне в кустарнике справа на расстоянии нескольких ярдов от его края и, по-видимому, поджидала меня.

Не найдя в кустах слева никаких признаков тигрицы, я вернулся на открытое место и тут услышал свист людей. Они взобрались почти на самую верхушку дерева, росшего в нескольких сотнях ярдов направо от меня, и, когда я поднял руку в знак того, что вижу их, стали жестами показывать мне сначала вверх, затем вниз, давая знать, что тигрица скрылась за вершиной холма. Я быстро побежал по узкому проходу и, достигнув вершины, увидел, что противоположный склон холма совершенно голый, — недавно на нем выгорела трава. На золе, еще влажной от вчерашнего дождя, ясно отпечатались следы тигрицы. Склон полого спускался к ручью, тому самому, через который несколькими милями выше по течению я перебирался в день прибытия в Таллакот. У ручья тигрица остановилась, чтобы утолить жажду, потом перешла его и скрылась в чаще. Приближался вечер, я повернул обратно к вершине и дал знак моим людям идти ко мне.

От большой скалы, где я напал на след тигрицы, и до ручья было всего около четырех миль, а чтобы пройти это расстояние, мне понадобилось семь часов. Хотя день не принес победы, он был интересным и волнующим. Для меня потому, что, идя по следу тигрицы, мне приходилось все время быть начеку, остерегаясь возможного внезапного нападения раненого людоеда. Для моих гарвальцев тем, что они со своего дерева могли почти все время наблюдать и за тигрицей и за мной. Продолжался этот день долго, мы вышли из лагеря на рассвете, а вернулись обратно только в восемь часов вечера.

7

На следующее утро, пока мои люди завтракали, я занялся шкурами убитых тигров. Заново натянул их на колышки, а сырые места натер древесной золой и квасцами. Тигровые шкуры требуют массы забот. Если не удалить полностью жир и не обработать как следует губы, уши и подушки лап, шерсть начнет вылезать и шкура погибнет. Незадолго до полудня я закончил работу и вместе с четырьмя моими людьми — двое остались в лагере обрабатывать шкуру сероу — направился к месту, где накануне вечером прекратил преследование тигрицы.

Долина, где протекал ручей, была широкой, довольно ровной и тянулась с запада на восток. С левой ее стороны находился холм, по противоположному склону которого я вчера следовал за тигрицей, с правой — другой холм с дорогой на Танакпур. До появления людоеда часть долины между этими двумя холмами жители Таллакота использовали под пастбище, поэтому землю здесь вдоль и поперек пересекали проложенные скотом тропы и множество узких канав, прорытых дождевой водой. По долине в густых зарослях кустарников и деревьев были разбросаны различной величины поляны. Подходящая местность для охоты на замбара, каркера и медведя, чьи следы я нашел на тропах. Но вряд ли у кого-нибудь возникло бы желание охотиться здесь на тигра-людоеда. Долина хорошо просматривалась с холма, находившегося слева; я разместил своих людей на деревьях вдоль гребня с интервалом в двести ярдов друг от друга. Они должны были наблюдать за местностью и, если понадобится, оказать мне помощь. Затем я отправился туда, где прошлым вечером прекратил преследование тигрицы.

Я ранил тигрицу 7 апреля, то есть три дня назад. Как правило, в течение суток после ранения тигр считается неопасным, так как он предпочитает не нападать. Но многое зависит от характера ранения и нрава зверя. Если рана легкая, то при приближении человека тигр обычно уходит. Однако при тяжелом ранении он может представлять угрозу в течение нескольких дней. Я не знал, какого рода рана у тигрицы, но, поскольку накануне она не сделала ни единой попытки напасть на меня, решил пренебречь тем, что она ранена, и рассматривать ее лишь как людоеда, причем очень голодного — она ничего не ела с того самого дня, как убила женщину, тело которой разделила со своими детенышами.

Там, где тигрица перебралась через ручей, проходила прорытая дождевыми водами канава шириной три и глубиной два фута. Вверх по этой канаве, которую с обеих сторон обступал

густой кустарник, она и направилась. Идя по ее следу, я вышел к тропе, проложенной скотом, и обнаружил, что тигрица свернула по ней направо. В трехстах ярдах от поворота росло дерево с густой кроной, под ним она провела ночь. Ее мучила боль, она металась, но на листьях, где она лежала, не осталось ни крови, ни гноя. Далее я шел уже по свежему следу, соблюдая все меры предосторожности, чтобы не попасть в засаду, устроенную мне тигрицей. До вечера, выслеживая ее, я проделал несколько миль по тропам и водосточным канавам, но не увидел даже кончика ее хвоста. На закате я собрал своих людей. По возвращении в лагерь они рассказали, что могли следить за передвижением тигрицы в джунглях по тревожным крикам животных и птиц, но увидеть ее им тоже не удалось.

Когда во время охоты на нераненого тигра-людоеда идешь против ветра, больше всего следует остерегаться нападения сзади и, но в меньшей мере, с флангов. Если ветер дует сзади, опасность угрожает с флангов. При ветре справа уязвимы левая сторона и спина, при ветре слева — правая сторона и опять-таки спина. Опасность подвергнуться нападению спереди невелика. На опыте я убедился, что здоровые тигры, людоеды они или нет, предпочитают так не поступать. Обычно тигры-людоеды нападают на свою жертву с расстояния, которое могут покрыть одним прыжком. Именно поэтому с ними справиться труднее, чем с ранеными тиграми; последние неизменно нападают с более далекого расстояния, скажем ярдов в десять — двадцать, а иногда и в сто. В первом случае необходимо действовать в течение доли секунды, во втором есть время поднять винтовку и прицелиться. Но так или иначе, реагировать всегда нужно быстро, при этом обычно сопровождаешь выстрел горячей мольбой, чтобы унция или две свинца остановили несущуюся на тебя махину из мяса и костей весом в несколько сотен фунтов.

Я знал, что рана не позволит тигрице напасть одним прыжком и, если держаться от нее на достаточном расстоянии, можно чувствовать себя в относительной безопасности. Не следовало, однако, забывать, что за четыре дня, прошедшие после того, как я видел ее в последний раз, она могла оправиться от раны. Поэтому утром 11 апреля, отправляясь снова выслеживать тигрицу, я решил держаться подальше от скал, кустов и деревьев, за которыми, поджидая меня, она могла бы залечь.

Накануне вечером тигрица направлялась в сторону танакпурской дороги. Я снова нашел место, где она провела ночь, на этот раз на мягком ложе из сухой травы, и пошел по ее свежему следу. Она избегала густых зарослей, возможно, потому, что не могла идти сквозь них бесшумно, держалась водосточных

канав и звериных троп. Мне стало ясно, что она пыталась найти добычу. Вскоре в одной из канав тигрица увидела спавшего в лучах солнца на мягком песке маленького каркера, всего нескольких недель от роду, убила его и съела целиком до последней косточки, оставив лишь крошечные копытца. Теперь я находился в одной-двух минутах ходьбы от тигрицы и, зная, что съеденный каркер лишь разжег ее аппетит, удвоил осторожность. Местами канавы и звериные тропы, которых она продолжала держаться, извивались, делали повороты, шли через густые заросли или мимо скал. Будь я в лучшем состоянии, я пошел бы прямо по следу тигрицы и, возможно, нагнал бы ее, но мое самочувствие было скверным. Опухоль на голове, лице и шее[28] разрослась до таких размеров, что я не мог ни поднять, ни опустить головы, ни повернуть ее из стороны в сторону, а левый глаз совсем закрылся. К счастью, оставался здоровым правый глаз, и я еще немного слышал.

В течение всего дня я следовал за тигрицей, ни разу не увидев ее, и думаю, она меня тоже не видела. Там, где канавы, звериные или протоптанные скотом тропы, по которым она шла, пересекали покрытые густой растительностью участки, я огибал их и на противоположной стороне снова находил отпечатки лап. Мне очень мешало незнание местности. Это не только вынудило меня проделать несколько лишних миль, но не позволило предугадать путь тигрицы и устроить ей засаду. Когда в тот день я наконец отказался от дальнейшего преследования, она направлялась вверх по долине в сторону деревни.

Вернувшись в лагерь, я понял, что мое состояние ухудшилось. Я знал и опасался, что это может случиться. Огромный нарыв пульсировал все сильнее, как будто по нему пропускали электрический ток, а по голове словно били молотками. Бессонные ночи и плохое питание (кроме чая, я почти ничего в рот не брал) совершенно измотали меня. Я не мог без содрогания думать о том, что мне придется просидеть на постели еще одну долгую ночь напролет и, мучаясь от боли, чего-то ждать, чего именно, я и сам не знал. Я приехал в Талладеш избавить население от нависшей над ним угрозы, а заодно оправиться от болезни. Но пока добился лишь того, что значительно ухудшил положение жителей этого района. Ранение лишило тигрицу возможности добывать обычную пищу — животных. Если за восемь лет она уничтожила сто пятьдесят человек, то теперь постоянно, пока не заживет рана, она будет стремиться к самой легкой добыче — человеку. Пора было свести с ней счеты. Наступавшая ночь годилась для этого не меньше любой другой.

Я крикнул, чтобы мне принесли чашку чаю (приготовленного,

как принято в горах, с молоком), и, стоя, даже не входя в палатку, выпил его. Это был мой обед. Затем созвал своих людей и велел им ждать меня в деревне до следующего вечера; если к этому времени я не вернусь, упаковать мои вещи и рано утром на другой день отправиться в Найни-Тал. Потом я взял с постели винтовку и направился в долину. Никто из моих людей, знавших меня многие годы, не проронил ни слова, никто не спросил, куда я иду, никто не пытался удержать меня. Они молча стояли все вместе и смотрели, как я удаляюсь. Возможно, блеск на их щеках был лишь плодом моего воображения или игрой лунного света. Обернувшись назад, я увидел, что ни один из них не сдвинулся с места.

8

Одно из самых приятных воспоминаний моей юности — прогулки зимой по залитым лунным светом лесным дорогам в компании десяти — двенадцати человек и ужин, который мы с жадностью съедали по возвращении домой. Цель этих прогулок — рассеять страх, обычно охватывающий человека в лесу с наступлением темноты, а также освоиться со звуками, характерными для ночных джунглей. В дальнейшем многолетний опыт укрепил мою веру в себя, увеличил запас знаний о жизни обитателей джунглей. Поэтому, когда лунным вечером 11 апреля я вышел из лагеря помериться силами с Талладешским людоедом, у меня и мысли не было о возможности поражения в этой борьбе, которая со стороны могла показаться губительной.

Сколько помню себя, меня всегда интересовали тигры, а так как большую часть жизни я прожил в краях, где их водилось очень много, у меня имелась хорошая возможность наблюдать их. В ранней юности моим заветным желанием было увидеть тигра, только увидеть, не больше. Позже появилось желание застрелить тигра. Я осуществил его, отправившись на охоту пешком, со старой, армейского образца винтовкой, купленной за пятьдесят рупий у какого-то моряка, который, как я склонен думать, украл ее и переделал на охотничью. Еще позже мне захотелось сфотографировать тигра. Со временем сбылись все три моих желания. То немногое, что мне известно о тиграх, я узнал именно тогда, когда пытался их заснять. Удостоившись от правительства права «свободного доступа в леса», права, которое я очень высоко ценю и которым во всей Индии пользуется только еще один охотник-спортсмен, я мог беспрепятственно ходить по джунглям в тех районах, где тигров больше всего. Наблюдая за ними по

нескольку дней или недель подряд, а однажды даже в течение четырех с половиной месяцев, я имел возможность в какой-то мере изучить их привычки, особенно манеру приближаться к жертве и убивать ее. Тигр не гоняется за своей добычей, он либо лежит в засаде и ждет, либо подкрадывается к ней незаметно. В обоих случаях он настигает жертву очень быстро, одним прыжком, или делает стремительный короткий бросок в несколько ярдов, затем прыгает на нее. Таким образом, если животному удается держаться на расстоянии большем, чем тигр может покрыть в один прыжок, если оно не дает хищнику возможности подкрасться к себе и мгновенно реагирует на опасность, которую увидит, почувствует по запаху или услышит, то у него есть шансы дожить до старости. Цивилизация лишила человека острого обоняния и слуха, свойственных животным. Если человеку грозит опасность подвергнуться нападению со стороны тигра-людоеда, то только зрение может помочь ему спасти жизнь. Когда боль и невозможность найти покой вынудили меня в ту ночь уйти из лагеря, мое положение было не из лучших: я видел только одним глазом. Но зато знал, что тигрица не сможет причинить мне вреда, если я буду держаться от нее подальше, у меня же была возможность убить ее на расстоянии. Таким образом, мое указание людям отправляться в Найни-Тал, если я не вернусь к следующему вечеру, вызывалось не боязнью не справиться с тигрицей, а лишь опасением потерять сознание и быть не в состоянии защищаться.

Составление в уме подробной карты пройденной местности имеет то преимущество, что позволяет без труда найти путь к любому пункту. Так, я сразу нашел место, откуда накануне повернул обратно, и возобновил преследование тигрицы. Ночью это возможно только по звериным или протоптанным скотом тропам, которых, к счастью, она и держалась. На поляны вышли замбары и каркеры, одни — чтобы поесть, другие ради безопасности, и хотя я не мог точно определить, откуда раздавались их тревожные крики, я все же знал, когда тигрица находилась в движении, и имел некоторое представление о том, куда она шла.

На узкой, проложенной скотом тропе, петлявшей среди густой растительности, я оставил след тигрицы и редким кустарником направился в обход, намереваясь снова выйти на след с противоположной стороны. Путь оказался длиннее, чем я предполагал, но в конце концов я очутился на лужайке с низкой травой и редкими высокими дубами. Под одним из них я остановился. Вскоре по колебаниям тени этого дуба я понял, что на его ветвях обитает целая стая лангуров. Я прошел очень много

за те восемнадцать часов, что был на ногах, и теперь мог спокойно отдохнуть, так как лангуры непременно предупредят об опасности. Я сел на землю, прислонившись спиной к стволу дуба, лицом к зарослям, которые только что обогнул. Примерно через полчаса старый лангур издал тревожный крик: тигрица вышла на открытое место и он ее заметил. Скоро и я увидел тигрицу, как раз в тот момент, как она намеревалась лечь в сотне ярдов справа от меня и в десяти ярдах от густой растительности. Она легла боком ко мне и, подняв голову, стала смотреть на кричавшего лангура.

У меня большая практика стрельбы ночью, приобретенная еще в те зимние месяцы, когда я помогал нашим арендаторам в Каладхунги защищать посевы от мародерствующих животных — кабанов и оленей. В светлую лунную ночь я обычно попадаю в животное с расстояния до ста ярдов. Как и у большинства людей, которые сами научились стрелять, у меня во время стрельбы открыты оба глаза. Это дает мне возможность одним глазом наблюдать за целью, вторым — прицеливаться.

В другое время я подождал бы, пока тигрица встанет, и выстрелил, но, к сожалению, левый глаз у меня был закрыт, а в этих условиях сто ярдов — слишком большое расстояние. Две предыдущие ночи тигрица провела на одном месте и, возможно, большую часть времени спала; она могла так же поступить и в эту ночь. Если бы она легла на бок и уснула, я мог бы либо вернуться на протоптанную скотом тропу и по ее следу через заросли выйти к поляне в десяти ярдах от нее, либо подобраться к ней ползком по открытой лужайке на расстояние, достаточно близкое для удачного выстрела. Но она лежала на брюхе, подняв голову, поэтому я не мог сделать ни того, ни другого. Оставалось лишь тихо сидеть и ждать, пока она решится на какой-нибудь шаг.

Довольно долго, не менее получаса, тигрица оставалась в одном положении, поворачивая время от времени голову то в одну, то в другую сторону, а старый лангур сонным голосом все подавал свои тревожные сигналы. Наконец она поднялась и очень медленно, с трудом стала уходить вправо от меня. В той стороне, куда она направилась, находился безлесный овраг в десять — пятнадцать футов глубиной и двадцать — двадцать пять ярдов шириной, который я пересек несколько ниже по дороге сюда. Когда расстояние между мной и тигрицей увеличилось до ста пятидесяти ярдов и, следовательно, уменьшились ее шансы увидеть меня, я пошел за нею. Перебегая от дерева к дереву и двигаясь немного быстрее, чем тигрица, я сократил разрыв между нами до пятидесяти ярдов к моменту, когда она достигла края оврага. Теперь я мог бы стрелять, но она стояла в тени, а кончик

хвоста, который был мне виден, слишком неподходящая мишень. Мучительно долгую для меня минуту она стояла неподвижно, но потом, решив перейти овраг, стала очень осторожно спускаться.

Как только тигрица исчезла в овраге, я пригнулся и бесшумно побежал вперед. Бежать согнувшись, с наклоненной головой было крайне глупо с моей стороны. Не успел я пробежать несколько ярдов, как у меня закружилась голова. Поблизости оказались два молодых дуба, росших в нескольких футах друг от друга, их ветви переплелись между собой. Я положил винтовку на землю и взобрался на высоту в десять — двенадцать футов. Здесь я нашел одну ветвь, на которой мог сидеть, другую — для ног и еще несколько небольших веток, чтобы опереться грудью. Положив на эти ветви руки, я опустил на них голову; в этот момент прорвался мой нарыв — не внутрь, как я опасался, а наружу, через нос и левое ухо.

«Человек не знает большего счастья, чем внезапное прекращение сильной боли», — сказал однажды тот, кто много страдал и знал счастье внезапного избавления от страдания. Я почувствовал облегчение около полуночи, а когда поднял голову, на востоке забрезжил рассвет. Я просидел на тонкой ветке четыре часа, судорога свела ноги, что и заставило меня очнуться. Некоторое время я не мог сообразить, где нахожусь и что со мной случилось. Но вскоре все вспомнил. Огромная опухоль исчезла, а вместе с ней исчезла и боль. Я мог как угодно вертеть головой, свободно глотать и видеть левым глазом. Правда, я упустил благоприятный случай застрелить тигрицу, но какое это имело значение, если я снова был здоров! Куда бы и как бы далеко тигрица ни ушла, я последую за ней и рано или поздно, несомненно, застрелю.

Когда я в последний раз видел тигрицу, она держала путь в сторону деревни. Легко соскочив с дерева, на которое взбирался с таким трудом, я поднял свою винтовку и направился туда же. У ручья остановился, вымылся и выстирал свою одежду.

Мои люди не ночевали в деревне, как я им велел, а провели ночь у костра возле моей палатки, беспрерывно кипятя воду. Увидев меня, мокрого с головы до ног, они вскочили с радостными криками:

— Саиб! Саиб! Вы вернулись, и вы здоровы!

— Да, — ответил я, — вернулся и здоров.

Когда индиец выражает свою преданность, он делает это от души, без всякого расчета. Как только мы прибыли в Таллакот, староста предоставил моим людям две комнаты, так как чувствовать себя в безопасности, особенно во время сна, можно было лишь за закрытыми дверями. Тем не менее эту трудную для

меня ночь мои люди, сознавая грозившую им опасность, оставались под открытым небом на случай, если мне понадобится их помощь, и все время держали наготове горячий чай. Не помню, пил ли я чай, но отчетливо помню, что заботливые руки сняли с меня ботинки и укрыли пледом, когда я лег на кровать.

Долгие часы спокойного сна, потом сновидение: будто кто-то настойчиво меня зовет, а другой так же настойчиво уверяет, что меня нельзя беспокоить. Сон повторялся снова и снова с незначительными изменениями. Наконец слова дошли сквозь сон до моего сознания и стали реальностью:

— Вы должны разбудить его, иначе он очень рассердится.

И ответ:

— Мы не станем будить его, он очень устал.

Голос последнего принадлежал Ганга Раму. Я окликнул его и сказал, чтобы он впустил человека ко мне. Через минуту мою палатку осаждала толпа возбужденных мужчин и мальчишек, и всем им не терпелось сообщить, что в другом конце долины людоед только что убил шесть коз. Натягивая ботинки, я оглядел собравшихся. Среди них оказался Дунгар Сингх. Я спросил его, знает ли он место, где убиты козы, и может ли проводить меня туда.

— Конечно, знаю, — охотно отозвался он, — и могу вас проводить.

Я попросил старосту задержать людей, захватил свою винтовку 275-го калибра и вместе с Дунгар Сингхом направился через деревню к долине.

Сон вернул мне силы, и так как отпала необходимость ступать осторожно, чтобы не причинить боль голове, я мог впервые за много недель идти легко и свободно.

9

В день моего прибытия в Таллакот Дунгар Сингх провел меня через деревню к узкой седловине, с которой хорошо видны две долины. Долина направо круто спускается к реке Кали; в ее верхней части я убил молодых тигров и ранил тигрицу.

Долина, лежащая налево, менее крута, и к ней от седловины вниз ведет козья тропа. Козы были убиты именно в этой долине. Мой провожатый пустился бегом вниз по тропе, я не отставал от него. На протяжении пятисот или шестисот ярдов тропа петляла по крутому и неровному склону, затем ее пересекал ручей, и далее она шла вниз вдоль его левого берега. Неподалеку от места пересечения ручья и тропы находился открытый, довольно

ровный участок. По нему тянулась каменная гряда, за которой была небольшая лощина. В ней-то и лежали три убитые козы.

Пока мы спускались с холма, Дунгар Сингх рассказал мне, что около полудня под присмотром десяти или пятнадцати мальчиков в этой лощине паслось большое стадо коз; внезапно среди них появился тигр — они думают, что это был людоед, — и убил шесть животных. При виде тигра мальчики подняли страшный крик. К ним присоединились несколько мужчин, собиравших поблизости хворост. В общей суматохе, когда козы метались, а люди кричали, тигр ушел, и, как выяснилось, никто не видел, в какую сторону. Захватив трех убитых коз, люди бросились в деревню, чтобы сообщить мне о происшествии. Три другие козы с переломленными спинами остались лежать в лощине.

Я не сомневался, что коз убила раненая тигрица, потому что, когда видел ее в последний раз, она направлялась к деревне. Мои люди рассказали, что примерно за час до моего возвращения в лагерь возле ручья, в сотне ярдов от них, кричал каркер. Они решили, что он поднял шум, увидев меня, и поэтому развели костер. Счастье, что они так поступили: позднее я обнаружил отпечатки лап тигрицы неподалеку от костра. Потом она пошла в деревню, конечно, с намерением убить человека. Потерпев неудачу, тигрица залегла поблизости от деревни и при первой же возможности убила коз. Тигрица была голодна. Сделала она это в течение нескольких секунд, несмотря на болезненную рану, заставлявшую ее сильно хромать.

Я не знал местности, поэтому спросил Дунгар Сингха, в каком направлении, по его мнению, ушла тигрица. Он полагал, что она могла пойти вниз по долине, так как там были густые заросли джунглей. Пока я расспрашивал его об этих джунглях, собираясь отправиться туда на поиски тигрицы, закричал фазан калиджи. Дунгар Сингх повернулся и посмотрел вверх на холм, указав мне тем самым направление, откуда доносился крик птицы. Слева от нас холм круто поднимался вверх; на нем росло несколько кустов и деревьев. Я знал, что тигрица даже не пыталась взобраться на него. Заметив, куда я смотрю, Дунгар Сингх сказал, что фазан находится не там, а в овраге за выступом холма. Так как фазан нас не видел, встревожить его могла только тигрица. Я сказал Дунгар Сингху, чтобы он бегом возвращался в деревню, и прикрывал его своей винтовкой до тех пор, пока он не оказался вне опасности. Затем стал искать подходящее для засады место.

В этой части долины росли лишь огромные сосны. Залезть на них было совершенно невозможно — их ветви начинались на

высоте тридцати — сорока футов. Пришлось бы сесть на землю. Днем это куда ни шло, но если тигрица вернется к своей добыче вечером, да к тому же предпочтет мясо человека козьему! В этом случае, чтобы остаться в живых в течение тех двух часов полной темноты, пока не взойдет луна, нужно необыкновенное везение.

Посреди гряды, у ближнего края лощины, выдавался большой плоский камень, рядом с ним был другой, несколько меньших размеров. Я прикинул, что, если сесть на меньший камень, можно спрятаться за большим и высунуть из-за него только голову, чтобы заметить тигрицу. Так я и сделал. Лощина лежала прямо передо мной. Она имела в ширину ярдов сорок, ее противоположный край поднимался футов на двадцать. Над ним была довольно ровная площадка в десять — двадцать ярдов шириной, отлого опускавшаяся вправо и переходившая в крутой склон холма. Оставшиеся в лощине три козы, еще живые, когда люди убежали в деревню, теперь были мертвы. Свалив их с ног, тигрица разодрала шкуру на спине одной из них.

Фазан калиджи перестал кричать. Я сидел и гадал: закричал ли он, завидев тигрицу, поднимавшуюся вверх по долине, или когда она уже возвращалась обратно. В первом случае мне пришлось бы долго ждать, во втором можно было рассчитывать, что она скоро появится. Я устроился на камне в два часа пополудни, а получасом позже в долину прилетела пара голубых гималайских сорок. Эти красивые создания, разоряющие в период выведения птенцов массу гнезд синиц и других мелких пташек, обладают исключительным чутьем и легко отыскивают в джунглях мертвечину У них звонкие голоса, и я услышал их задолго до того, как они появились.

Заметив коз, сороки перестали трещать и осторожно подлетели к ним. Несколько раз в ложной тревоге они с криком взлетали вверх, затем опустились на козу с разодранной спиной и начали клевать. В небе уже некоторое время кружил бенгальский гриф. Увидев на мертвой козе сорок, он плавно спустился и легко, как перышко, сел на сухую ветку сосны. Бенгальские грифы с белой грудью, черной спиной, красными ногами и головой — самая мелкая разновидность грифов. Они раньше других находят добычу. Для них важно оказаться первыми, иначе более крупные сородичи, прилетев, оттеснят их.

Я обрадовался прилету грифа: он мог дать мне недостающие сведения. Со своей ветки высоко на сосне ему было видно далеко вокруг. Если он слетит с нее и присоединится к сорокам, значит, тигрица ушла, если же останется на месте — залегла где-то поблизости. В течение получаса картина не менялась, сороки ели, гриф сидел на сухой ветке. Потом тяжелые дождевые облака

закрыли солнце. Почти сразу снова раздался голос фазана калиджи, и сороки с пронзительным криком улетели вниз по долине. Тигрица приближалась. Теперь, скорее чем я ожидал, мне опять представится возможность застрелить ее, упущенная накануне из-за головокружения.

Несколько редких кустов на выступе холма заслоняли от меня овраг, но вскоре я увидел тигрицу. Она шла очень медленно вдоль ровной площадки над противоположным краем лощины и глядела прямо в мою сторону. Я знал, что, если не шевельнусь, она не заметит меня, так как из-за большого камня высовывалась лишь моя голова в надвинутой до глаз мягкой шляпе, и застыл в одном положении; моя винтовка лежала на плоском камне. Тигрица, пройдя некоторое расстояние, села как раз напротив меня. Между нами оказался ствол большой сосны, по одну его сторону я видел ее голову, по другую — хвост и задние лапы. Так она сидела довольно долго, время от времени отгоняя досаждавших ей мух, привлеченных раной.

Восемь лет назад, когда тигрица была сравнительно молодой, она серьезно пострадала в стычке с дикобразом. Возможно, в то время у нее были детеныши, и она, так как не могла добывать для себя обычную пищу, чтобы вскармливать тигрят, стала убивать людей. Поступая так, тигрица не совершала преступления против законов природы. Она плотоядное животное, и мясо — все равно, человека или животного, — единственная пища, которую усваивает ее организм. Под давлением обстоятельств животное, как и человек, ест пищу, которую в обычных условиях не употребляет. За весь период своего людоедства тигрица убила сто пятьдесят человек — менее двадцати в год. Поэтому я склоняюсь к мысли, что она прибегала к такого рода пище как более для нее доступной лишь тогда, когда имела детенышей, а из-за старых ран не могла добывать в достаточном количестве животных для поддержания своей жизни и жизни своего потомства.

Население Талладеша жестоко страдало от тигрицы, и теперь за все причиненные людям беды она расплачивалась сполна. Несколько раз я прицеливался ей в голову, чтобы положить конец ее страданиям, но из-за густой облачности стало довольно темно, и у меня не было уверенности, что я попаду в такую сравнительно небольшую цель на расстоянии шестидесяти ярдов.

Наконец тигрица поднялась, сделала три шага и, став ко мне боком, посмотрела на убитых коз. Упершись локтями в плоский камень, я тщательно прицелился ей в сердце и нажал на спуск. На холме позади тигрицы взметнулась струйка пыли. У меня мелькнула мысль, что я не только не попал ей в сердце, а вообще промахнулся. Но нет, этого не могло произойти: я так тщательно

целился. Наверно, пуля прошла навылет. Как только раздался выстрел, тигрица прыгнула вперед, затем промчалась — словно была сильно испугана, а не ранена — по ровной площадке и, прежде чем я успел нажать на спуск еще раз, скрылась из виду.

Раздосадованный до глубины души тем, что не убил тигрицу, несмотря на представившуюся великолепную возможность, я твердо решил, что теперь ей от меня не уйти. Спрыгнув с камня, я единым духом перемахнул лощину, одолел двадцатифутовый подъем и ровную площадку и остановился у места, где исчезла тигрица. Здесь я увидел, что вниз уходит крутой откос рыхлой сланцевой осыпи, футов сорок высотой. Тигрица спустилась по нему большими прыжками. Не решившись сделать то же самое из страха получить растяжение связок, я присел на корточки и съехал вниз. У основания осыпи проходила пешеходная тропа. Я был уверен, что тигрица направилась по ней, хотя на твердой поверхности и не осталось отпечатков ее лап. Направо от тропы протекал ручей с каменистым дном, который мы с Дунгар Сингхом перешли выше по течению. Над ручьем высился крутой, поросший травой холм. Налево от тропы также был холм, на нем росло несколько сосен. Сначала тропа шла прямо. Пробежав по ней ярдов пятьдесят, я услышал тревожный крик горала. Горал мог находиться только в одном месте — на покрытом травой холме справа от меня. Возможно, тигрица перешла ручей и поднялась на этот холм. Я остановился посмотреть, не видно ли ее где-нибудь. В это время мне послышалось, что кричат люди. Я обернулся в сторону деревни — на седловине стояла толпа крестьян. Заметив, что я смотрю на них, люди стали делать мне знаки, показывая дальше на тропу. Я побежал вперед и за поворотом увидел на земле свежую кровь.

У животных шкура неплотно прилегает к мышцам. Если пуля попадет в стоящего неподвижно зверя и он со всех ног бросается бежать, отверстие, проделанное пулей в шкуре, не совпадает с отверстием в туловище. Пока животное бежит быстро, кровь из раны не течет или течет в очень небольшом количестве. Но когда оно замедляет бег, оба отверстия почти совмещаются, и кровь течет тем сильнее, чем медленнее движется животное. Если вы сомневаетесь в том, что пуля попала в цель, нужно подойти к тому месту, где животное находилось во время выстрела, и поискать, нет ли там срезанной шерсти. Срезанная пулей шерсть свидетельствует, что вы попали в животное, отсутствие ее говорит о том, что вы промахнулись.

За поворотом тигрица побежала медленнее, но все же еще бежала — я видел это по количеству вытекшей крови. Чтобы догнать ее, пришлось прибавить ходу. Но вскоре дорогу мне

преградил выступ холма, находившегося слева от меня. Здесь тропа, завернув за выступ, под острым углом уходила в обратном направлении. Я не смог остановиться, а ухватиться на голом склоне было не за что и, с разбегу перескочив через тропу, но удержавшись все же на ногах, понесся куда-то вниз. Десятью или пятнадцатью футами ниже рос молодой рододендрон, под ним начинался отвесный обрыв в темный и зловещий на вид овраг, на дне которого ручей несколько раз изгибался под прямым углом, срезая подножие холма. Когда я, бороздя каблуками рыхлую почву, проносился мимо рододендрона, мне удалось обхватить его правой рукой. К счастью, деревце оказалось крепким. Оно хотя и согнулось, но не сломалось. Не свалившись благодаря рододендрону в овраг, я стал осторожно выбираться наверх, с силой вбивая каблуки своих башмаков в податливую глинистую поверхность холма, густо поросшего папоротником.

Возможность догнать тигрицу была потеряна. Но зверь оставил отчетливый кровавый след, поэтому я мог не торопиться. Вначале тропа вела на север. Обогнув выступ холма, она пошла на запад и тянулась вдоль его северного, покрытого густым лесом склона. Пройдя по тропе еще ярдов двести, я увидел на одном из отрогов холма ровную площадку, поросшую густым папоротником и кое-где кустами. Дальше этой площадки, по моим расчетам, не мог уйти ни один тигр с простреленным навылет туловищем, поэтому я приближался к ней с большой осторожностью.

Самый страшный зверь в индийских джунглях — тигр, задумавший отплатить за свои раны. Тигрица, конечно, жаждала это сделать. Убив разом шесть коз и мгновенно умчавшись после моего выстрела, она доказала, что ранение в плечо, полученное пять дней назад, не мешает ей быстро двигаться. Несомненно, как только она осознает, что ее преследуют, и сочтет, что расстояние позволяет ей броситься на врага, она стремительно нападет, и, по всей вероятности, я успею выстрелить только один раз. Оттянув затвор винтовки, я тщательно осмотрел патрон. Он оказался из последней партии, недавно полученной мною от Мэнтона из Калькутты. Довольный этим обстоятельством, я положил патрон обратно в патронник, задвинул затвор и снял предохранитель.

Далее тропа проходила через смыкавшийся над ней высокий папоротник, доходивший мне до пояса. Кровавый след уводил в него; тигрица могла залечь на самой тропе или рядом с ней. Поэтому я подходил к зарослям шаг за шагом, глядя только вперед. В таких случаях не следует смотреть по сторонам. Когда до папоротника оставалось около трех ярдов, я уловил движение в ярде слева от тропы. Это тигрица готовилась к прыжку. Раненая

и голодная, она все же намеревалась довести борьбу до конца. Но прыгнуть ей так и не удалось: как только она поднялась, моя первая пуля пронзила ее насквозь, а вторая сразила насмерть.

Болезнь, напряжение и недоедание довели меня до того, что дрожали руки и ноги. С трудом я добрался до поворота тропы, где внизу на скалах, если бы случай не забросил туда семя рододендрона, окончилась бы моя жизнь.

Все жители деревни и мои люди собрались на седловине холма и на обоих его склонах. Едва я поднял шляпу, чтобы помахать им, как мужчины и мальчики, крича во весь голос, рванулись вниз. Мои люди прибежали первыми. Когда закончились поздравления, тигрицу привязали к шесту, и шесть самых гордых в тот момент в Кумаоне гарвальцев с триумфом понесли Талладешского людоеда в деревню Таллакот. Здесь тигрицу положили на подстилку из соломы на обозрение женщинам и детям, а я отправился в свою палатку, чтобы впервые за много недель по-настоящему поесть. Через час, окруженный толпой, я снял с тигрицы шкуру.

Первую разрывную пулю 275-го калибра в никелевой оболочке с мягкой головкой я выпустил в тигрицу 7 апреля. Осколки ее прочно засели в правом плечевом суставе зверя. Вторая и третья пули, пущенные в тигрицу, когда она падала с дерева и затем взбиралась на холм, не попали в цель. Четвертая — 12 апреля — прошла насквозь, не задев кости, пятая и шестая решили ее участь. Из правой передней лапы и плеча тигрицы я извлек около двадцати игл дикобраза длиной от двух до шести дюймов, которые и явились причиной того, что она стала людоедом.

На следующий день я немного подсушил шкуру, а спустя три дня благополучно добрался до своего дома.

Бейнес весьма любезно послал за Дунгар Сингхом и его братом и на публичных торжествах в Алмора поблагодарил их за оказанную помощь, передав им, в знак признательности, от меня подарок. Через неделю по возвращении в Найни-Тал сэр Малколм Хейли дал мне рекомендательное письмо к полковнику Дику, специалисту по болезням уха. В течение трех месяцев он лечил меня в своей больнице в Лахоре и восстановил мой слух настолько, что я мог без затруднения общаться со своими ближними, слушать музыку и пение птиц.

Послесловие (1964 г.)

Имя Джима Корбетта, известного охотника и натуралиста, классика английской «литературы об охоте», хорошо знакомо советскому читателю. В 1957 и 1959 гг. вышли в русском переводе его книги «Кумаонские людоеды» и «Леопард из Рудрапраяга», в 1961 г. — «Моя Индия». В новой книге Корбетт, как и в переведенных ранее, в занимательной форме рассказал о различных эпизодах из своей богатой приключениями жизни.

Корбетт, тонкий наблюдатель и великолепный знаток жизни джунглей и их обитателей, дал превосходное описание природы пригималайских районов Северной Индии. Свыше полувека автор провел среди девственной природы Индии, поэтому его рассказ о флоре и фауне этой замечательной страны, об охоте в джунглях обладает большой познавательной ценностью и представляет значительный интерес не только для неискушенного читателя, но также для натуралистов, географов, специалистов-охотоведов.

Его описания повадок зверей и птиц, обитающих в индийских джунглях, одни из лучших в мировой литературе. Советский зоолог и охотовед профессор Г.П. Дементьев так, например, оценивает «Кумаонских людоедов»:

> «Несмотря на необычайность описываемых в ней событий, книга вместе с тем содержит наилучшее и наиболее полное описание образа жизни тигров».[29]

Читателя привлекает в книгах Корбетта подлинная, а не ложная романтика охотничьих приключений, тонкий юмор и, главное, глубокое сочувствие и любовь к простым людям Индии.

Перед нами со страниц книги предстает образ автора, гуманиста, благородного человека, не раз рисковавшего жизнью ради того, чтобы спасти от хищников индийцев — жителей затерянных в джунглях глухих деревушек. Почти всю свою жизнь Корбетт был тесно связан с простыми людьми Индии.

Корбетт (1875 г. рожд.) происходил из поселившейся в Индии английской семьи среднего достатка. Детство свое он провел в лесной глуши предгорий Гималаев, в округе Найни-Тал. После окончания школы Корбетт служил на железной дороге, на узловой станции Мокамех-Гхат в Бихаре (Северная Индия). Годы службы, когда он сдружился с железнодорожниками-индийцами, служащими и рабочими, превосходно описаны Корбеттом в его книге «Моя Индия».

В 1924 г. он вышел в отставку и поселился в селении

Каладхунги в округе Найни-Тал, где ему принадлежала ферма. Охотиться в джунглях Корбетт начал еще ребенком, первого тигра-людоеда убил в 1907 г., но только выйдя в отставку, он целиком посвящает себя любимому делу: изучению индийской природы и охоте.

Корбетт — участник двух мировых войн. Во время Второй мировой войны он обучал подразделения английской армии искусству ведения боевых действий в условиях тропического леса, дослужился до чина подполковника.

После Второй мировой войны Корбетт переехал в Африку, где жил до своей кончины. Он умер в 1955 г. в Найроби, столице Кении.

В 1944–1955 гг. вышло пять книг Корбетта о его охотничьих приключениях в предгималайских джунглях. В своих работах Корбетт воссоздал образы индийских крестьян, охотников, лесорубов — спутников, товарищей и помощников в его полной труда, лишений и опасностей жизни натуралиста и охотника.

Несомненно, что «Храмовый тигр», так же как и другие переведенные на русский язык и изданные в нашей стране книги Корбетта, поможет советским людям лучше узнать жизнь простых людей и природу дружественной нам Индии.

Г. Котовский

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Беблер белоголовый — птица из семейства тимелиевых (*Timelidae*) величиной с дрозда. Обитает в лесах и кустарниковых зарослях, питается насекомыми и плодами.

Беркут (*Aquila chrysaetus*) — крупная, до 7 кг весом, хищная птица. Обитает в лесах, горах и пустынях. Широко распространен в Северном полушарии, однако всюду редок. В нашей стране занесен в Красную книгу.

Буйвол азиатский (*Bubalus bubalis*) — семейство полорогие, отряд парнокопытные. Единственный одомашненный вид из четырех видов буйволов. Масса тела до 1000 кг. И самки и самцы имеют широкие в основании рога, серповидно изогнутые назад и внутрь. Окраска от темно-серой до черной. Широко распространен во всех странах Юго-Восточной Азии. Продолжительность жизни до 25 лет.

Бюльбюль белошапочный (*Pycnonotus leucogenus*) — птица серо-бурой окраски величиной с дрозда. Обитает в Афганистане, Пакистане, Индии. Питается семенами и насекомыми.

Выдра (*Lutra lutra*) — хищный зверь весом 6–10 кг. Обитает в реках и озерах Европы, Азии и Северной Африки. Питается преимущественно рыбой. В последние годы во многих районах редка и нуждается в охране.

Горал (*Nemorhaedus goral*) — горная антилопа весом 30–40 кг, внешне напоминающая козу. Самцы и самки имеют короткие рога. Длинный мех окрашен в серый, рыже-бурый и белый тона, летом окраска темнее, чем зимой. Распространены от Гималаев до Вьетнама и Приморья. Населяют скалистые участки среди леса или открытые склоны гор до 4000 м над уровнем моря. В нашей стране находится под угрозой исчезновения, занесен в Красную книгу.

Гриф бенгальский (*Pseudogyps bengalensis*) — птица-падальщик темной окраски, размах крыльев около двух метров. Многочислен в странах Южной Азии, нередко встречается на окраинах поселков, выполняя функцию «мусорщика».

Дикобраз индийский (*Hystrix indica*) — семейство дикобразовые, отряд грызуны. Все тело покрыто длинными иглами, окрашенными в бурые или желтоватые тона, часто с черными или белыми кольцами. Ведут сумеречный и ночной образ жизни. Питаются различными частями дикорастущих и культурных растений. Живут в сложных норах, пещерах. В неволе

живут до 20 лет. Мясо дикобразов употребляется в пищу.

Дронго (*Dicruridae*) — насекомоядные птицы величиной с дрозда. Окраска обычно черная, хвост удлиненный. Обитают в лесах и саваннах от Африки до Австралии. Ракетохвостый дронго (*Dictrus paradiseus*) распространен от Гималаев до Явы и Борнео. Длина птицы от клюва до конца рулевых перьев до 68 см.

Дрофа (*Otis tarda*) — одна из самых крупных птиц отряда куриных (вес 4–10 кг). Оперение пестрое, рыже-белое. Распространена в равнинных и горных степях Северо-Западной Африки, Европы и Азии. Осторожная молчаливая птица. Заселяет открытые пространства, избегая участков с высокой кустарниковой растительностью. Пища как растительного, так и животного происхождения. Численность дрофы сильно сократилась в связи с исчезновением коренных мест обитания, а также из-за интенсивной охоты.

Замбар (*Cervus unicolor*) — олень темной окраски, весом 200–300 кг. Самцы имеют ветвистые рога. При опасности издает громкий трубный звук. Обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама.

Иволга обыкновенная (*Oriolus oriolus*) — один из 34 видов семейства иволговых (*Oriolidae*), населяющих лесную и лесостепную зоны Старого Света, по преимуществу его тропический пояс. У самца ярко-желтое брюшко, резко контрастирующее с черными крыльями и хвостом. Самка не столь ярка — в основном желто-зеленого цвета.

Кабан (*Sus scrofa*) — парнокопытное животное весом до 290 кг. Окраска от светло-бурой до почти черной. Питается различными кормами, преимущественно растительными. Обитает в тростниковых и кустарниковых зарослях, лесах, горах Европы, Азии (кроме Севера), Северной Африки. Является предком домашней свиньи.

Каркер — местное название оленя-мунтжака (*Muntiacus muntjak*). Животное размером с косулю (вес до 35 кг), с небольшими рогами. Обитает в кустарниковых зарослях от Индии до о-ва Калимантан. При опасности и во время гона издает громкий лающий звук.

Козел каменный (*Capra sibirica*) — животное весом 100–130 кг, населяет высокогорья от Афганистана до Монголии, в том числе — Памир, Тянь-Шань, Алтай, Саяны. Придерживается крутых скальных склонов и осыпей. В ряде мест численность сильно сократилась.

Куропатки — птицы средней величины, принадлежат к семейству фазановых (*Phasianidae*). Ведут наземный образ жизни, прекрасно бегают. Питаются в основном растительной пищей.

Относятся к категории ценной дичи.

Куры кустарниковые (род *Gallus*) — несколько видов, обитающих в Индии и Юго-Восточной Азии. Наиболее известен банкивский петух (*Gallus gallus*) — родоначальник домашних кур. Большую часть времени проводят на земле. При опасности быстро убегают или взлетают на деревья.

Лангур, или гульман (*Presbytis entellus*), — обезьяна рода тонкотелых, семейства мартышковых. Вес тела до 20 кг. Обитает в различных ландшафтах в Пакистане и Индии. Считается священным животным у индуистов, часто живет в городах и поселках. *Langoor* на хинди — длиннохвостый. Лангурами называют также некоторые другие виды рода тонкотелых обезьян и обезьян рода *Pygathrix*.

Леопард (*Panthera pardus*) — хищник весом до 100 кг, пятнистой, иногда черной окраски. Питается преимущественно копытными. В районах с высокой численностью тигров или львов активен по ночам, в других местах иногда и днем. Обитает в лесах, саваннах, горах, зарослях по берегам рек. Распространен в Африке и Азии. Сохранился в Туркмении, единичные экземпляры — на Кавказе, на юге Узбекистана, в России в Приморском крае. Занесен в Красную книгу. Случаи людоедства на территории бывш. СССР достоверно не отмечались.

Мархур, винторогий козел (*Capra falconeri*) — животное весом 80–120 кг. Самцы имеют длинную гриву и закрученные спиралью рога. Обитает в среднем поясе гор Индии, Пакистана, Афганистана. В бывш. СССР — в Таджикистане и на хр. Кугитанг. Крайне редок, занесен в Красную книгу.

Махсир, **индийский усач** (*Tor tor*) — рыба длиной до 1,5 м. Обитает в горных реках Северной Индии. Объект местного промысла.

Медведь гималайский (*Ursus thibetanus*) — черной, реже бурой окраски с белой полосой на груди. Обитает в горных лесах в Гималаях, Тибете, Восточной Азии, в Приморье, изредка на Памире. В северной части ареала зимой впадает в спячку. Берлога обычно в дупле крупного дерева.

Олень болотный, барасинга (*Cervus duvaicelli*) — олень золотистой окраски. Вес 230–280 кг. Обитает во влажных лесах и болотистых саваннах. В настоящее время сохранился только в нескольких национальных парках Индии и Непала. Как вид, находящийся под угрозой полного уничтожения, занесен в международную Красную книгу.

Орлан-долгохвост (*Haliaeetus leucoryphus*) — крупная хищная птица весом до 4 кг. Обитает в Южной Азии, во время кочевок встречается в Средней Азии и Казахстане. Питается рыбой,

птицами, реже мелкими млекопитающими и падалью. Занесен в Красную книгу.

Осоед хохлатый (*Pernis ptilorhynchus*) — хищная птица средних размеров (вес до 1,5 кг.). Питается в основном личинками пчел и ос. Обитает на юге Восточной Сибири, Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии.

Павлин обыкновенный (*Pavo cristatus*) — широко известен благодаря роскошному «хвосту» самцов, образованному удлиненными перьями надхвостья. Обитает в лесах Индии, Шри Ланки. В южных странах часто разводится как домашняя птица.

Перепел (*Coturnix coturnix*) — самый мелкий представитель куриных птиц, величиной со скворца. Ведет наземный образ жизни, неохотно поднимается на крыло. Окраска желтовато-бурая. Распространен от Скандинавии до Японии, гнездится в Северной и Южной Африке.

Сапсан (*Falco peregrinus*) — крупный сокол весом до 1,5 кг. Питается птицами, которых ловит, на большой скорости пикируя на них сверху. Распространен по всему миру, однако повсюду очень редок. Занесен в Красную книгу.

Сероу (*Capricornis sumatraensis*) — горная антилопа весом 75–140 кг, родственная горалу. Обитает на крутых горных склонах в Гималаях, в Восточной Азии, Японии.

Скопа (*Pandion haliaetus*) — средних размеров хищная птица (вес до 2 кг). Гнездится по берегам водоемов, питается рыбой. Широко распространена почти по всему миру, однако всюду редка. Занесена в Красную книгу.

Слон индийский (*Elephas maximus*) — второе по величине после африканского слона млекопитающее суши. Вес до 5 т. Обитает в лесах от Пакистана до о-ва Суматра. Используется как верховой и рабочий скот. В неволе размножается очень плохо. Самцы в период гона могут представлять опасность для человека. В последние годы численность сильно сократилась. Занесен в Международную Красную книгу.

Сокол красношейный (*Falco chicquera*) — хищная птица величиной с крупного голубя. Питается преимущественно мелкими птицами, которых ловит на лету. Распространен в Индии и Африке.

Тар (*Hemitragus jemlachicus*) — животное весом до 100 кг, родственное горному козлу. Обитает на скалистых склонах гор в Омане, Гималаях, Нилгирийских горах на юге Индии. Аравийский и нилгирийский подвиды редки и внесены в Международную Красную книгу.

Тигр (*Panthera tigris*) — один из крупнейших хищников суши. Вес до 300 кг. Обитает в лесах, кустарниковых и тростниковых

зарослях. Питается преимущественно копытными. Распространен в Южной и Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке. В бывш. СССР ранее был широко распространен в низовьях Дона, Закавказья, Средней Азии, на юге и востоке Казахстана. В настоящее время сохранился только на юге Дальнего Востока. Занесен в Красную книгу. Тигр-людоед на территории бывш. СССР достоверно был отмечен один раз — убит около Тбилиси в 1907 году.

Фазан-калиджи — местное название индийского темноспинного серебряного фазана (*Gennaeus hamiltoni*), птицы яркой черно-белой окраски, величиной с крупную курицу. Обитает в лесах Северной Индии и Непала.

Чекан кустарниковый (*Saxicola derrici*) — певчая птица величиной с воробья. Обитает в кустарниковых зарослях Пакистана, Индии и Непала. Питается насекомыми.

Читал (*Chital*) — местное название оленя-аксиса (*Cervus axis*), весом до 100 кг. Животное имеет пятнистую окраску, обитает в лесах от Пакистана до Вьетнама. У самцов большие ветвистые рога. При опасности издает громкий свистящий звук.

Шакал (*Canis aureus*) — млекопитающее, похожее на волка, но мельче него: длина тела 70–85 см. Окраска рыжевато-серая. Распространен в Юго-Восточной Европе, Южной, Средней и Передней Азии, Северной Америке. Обитает в предгорьях, в прибрежных зарослях, реже в пустынях. Почти всеяден.

Ястреб-перепелятник малый (*Accipiter gularis*) — мелкая хищная птица величиной с голубя. Обитает в лесах, от Индии до Сахалина. Питается в основном мелкими птицами, которых ловит обычно в ветвях деревьев и кустарников.

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР И КАЛИБРОВ РУЖЕЙ В МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МЕР

Английская миля — 1609 м
Ярд — 91,439 см
Фут — 30,48 см
Дюйм — 2,54 см
Акр — 0,405 га
Фунт — 453,593 г
Пинта — 0,57 л

Автор упоминает об использовании различных видов оружия, отличия которых не всегда видны из контекста. В ряде случаев упоминается гладкоствольное охотничье ружье — дробовик, но в основном Дж. Корбетт применял нарезные двуствольные штуцера больших калибров или многозарядные винтовки (обычно пятизарядные). У штуцера оба ствола могут иметь одинаковый калибр или же различный, например 450/400. В книгах Дж. Корбетта перечислены следующие калибры нарезного оружия:

222 — 5,59 мм
240 — 5,99 мм
256 — 6,30 мм
275 — 6,98 мм
400 — 10,16 мм
405 — 10,28 мм
450 — 11,43 мм
500 — 12,70 мм
577 — 14,65 мм

Примечания от выполнившего OCR и корректуру

В электронное собрание «Все книги Джима Корбетта на русском языке» (в нескольких каталогах) входят пять из шести написанных им книг. Последний изданный посмертно труд («Tree Tops», 1955) на русский язык не переводился. По теме он отличен от предыдущих пяти.

Название данного перевода (просто «Храмовый тигр») неудачно, поскольку неверно отражает содержание всего труда. Книга в основной части состоит из очерков о ликвидации людоедов, в то время как «храмовый» тигр — это единственный описанный зверь, людоедом не являвшийся. Видимо, у переводчицы просто возникли трудности с переводом вполне корректного названия английского оригинала, которое на русском можно было бы выразить так: «Храмовый тигр и вновь Кумаонские людоеды».

Перевод данной книги на русский язык публиковался четыре раза:

1964 г — «Наука»;

1991 г. — «Тропа»;

1999 и 2002 гг. — «Армада-пресс» (она же «Дрофа»).

Выполнивший OCR располагал изданиями 1964 и 2002 гг.

OCR и корректура — по второму, с уточнениями по первому (в издании 2002 г. оказалось даже несколько *смысловых* ошибок их издательского OCR; исправлены).

В книге 1964 г. один из видов оленя был назван «самбхар», но более точное название — «замбар» (проверено по «Жизни животных», 1971). Есть еще подобные примеры («тхар» — «тар» и пр.). Эти исправления были введены уже редакцией 1991 г.

Добавлено послесловие из издания 1964 г., написанное неким автором с громким именем Г. Котовский. Последний цитирует сомнительное утверждение своего авторитета — профессора Г.П. Дементьева, переводчика «Кумаонских людоедов».

В версию включена карта региона Кумаона, выполненная по англоязычному электронному Атласу мира. Репер — Delhi (Дели).

В издании 1964 г. рисунков мало и они уступают иллюстрациям известного художника-анималиста Александра Николаевича Сичкаря из книги 2002 г. (есть ©; см. про художника в Сети).

Примечания — совокупность примечаний двух редакций:

1964 и 2002 гг., пропущенное же ими дополнено здесь примечаниями из предыдущих книг Дж. Корбетта.

Представленные после основного текста сведения о животных специфичны именно для данной книги (в оригинале 2002 г. был общий список для трех трудов в томе; проведена выборка). Эти сведения редакции не полны. В издании же 1964 г. данные о животных отсутствуют, есть только краткие примечания.

Оригинальная метка подразделов внутри глав, обозначенная текстовым отступом, заменена на * * *.

OCR и корректура: Готье Неимущий (Gautier Sans Avoir). *saus@inbox.ru*

Апрель 2005 г.

Текст считан два раза.

notes

Примечания

1

Кумаон — горная область на северо-западе Индии; штат Уттар-Прадеш. (*Здесь и далее, если не указано другое, прим. различных редакций переводов трудов Дж. Корбетта*.)

2

Трисул — гора (7239 м над уровнем моря) в 110 км к северу от столицы Кумаона — Найни-Тала.

З

Гарвальцы — одно из племен Индии, Гарвал — уезд.

4

Рест-хауз — дом для приезжих.

5

Алмора — горный район в индийском штате Уттар-Прадеш; город Алмора — центр этого района.

6

Бания — торговец из касты, распространенной в Северной Индии.

7

Махан — платформа из сучьев, устраиваемая на дереве для охоты на хищных зверей; у русских охотников — засидка, лабаз.

8

Гуркхи (гурки) — объединение народов (кхасы, гурунги, магары и др.), образовавших во второй половине XVIII в. конфедерацию и составивших ядро современных непальцев.

9

Скорее всего, подразумевается беркут.

10

Чапати — пресные лепешки.

11

В оригиналах переводов 1964 и 2002 гг. написано: «в форме V». Однако для этой же тигрицы в книге «Кумаонские людоеды» (1957; 2002) указано: «в форме U». Последнее кажется более точным для игл; исправлено. (*Прим. выполнившего OCR.*)

12

Путли — куколка.

13

Пури — пресные лепешки, поджаренные на рафинированном масле.

Маунд (ман) — мера веса, равная 37,324 кг.

15

Шестнадцать анна составляют одну рупию.

16

Тхан — храм, часовня.

17

Проказой (лепрой) на самом деле заразиться трудно. Инфекция мало контагиозна; вероятность заражения находится в зависимости от длительности и характера контакта. При длительных близких контактах заболевают, как правило, не более 10–12 %. (*Прим. выполнившего OCR.*)

18

По-видимому, переводчица представила калибр в известной нам системе мер, а не в английской, приведенной в конце книги. (*Прим. выполнившего OCR.*)

19

Гур (здесь) — сорт индийского сахара, приготовленного из сахарного тростника.

20

Так в книге. Ранее всюду встречалось Каладхунги, но это населенный пункт (см. карту). Здесь же из контекста ниже следует, что Каладхунга — полуостров. И ниже по тексту автор сам предупреждает: «Не спутайте Каладхунга с Каладхунги». (*Прим. выполнившего OCR.*)

21

Сал — порода дерева, древесина которого отличается большой твердостью.

22

Дарбар — королевский двор.

23

Патвари — чиновник, стоящий во главе патти — административной единицы, объединяющей несколько деревень. В обязанности патвари входит также и регистрация случаев гибели людей от укусов ядовитых змей и тигров-людоедов.

24

Около +43 °C.

25

Хотя обоняние у тигра развито слабее, чем у большинства хищников, оно все же лучше, чем у человека.

Терai — узкая равнинная часть предгорьев Гималаев.

27

Махараджа (магараджа) — высший титул князей в Индии.

28

Видимо, неудачный перевод: не «опухоль», а нарыв, гематома и т. п. от контузии и ожогов, когда Корбетту выстрелили около левого уха (см. начало главы). (*Прим. выполнившего OCR.*)

29

Джим Корбетт. *Кумаонские людоеды* М., 1957, стр. 3.